

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Санчилов В.П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения в 20 - 30-х гг. XVII в.....	2
Кукеев Д.Г. Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» - «Ойраты».....	24
Тепкеев В.Т. Политический кризис в калмыцком обществе в конце 60 – начале 70-х гг. XVII в.....	32
Сартикова Е.В. Развитие национальной школы в Калмыкии (1993 – 2003 гг.).....	37
Марзаева М.Б. «Красношапочный» буддизм в современной Калмыкии.....	42

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Омакаева Э.У., Бурькин А.А. Материалы по дагурскому языку XVII в. из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» как лингвистический источник.....	47
Ван Мандуга. С. Буяннэмэх о монгольском стихосложении.....	57
Омакаева Э.У. Триада «язык - культура - этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры.....	62
Бакаева Э.П. Этническая специфика в религиозных обрядах ойратов и калмыков: к вопросу о бытовании цама.....	68
Монраев М.У. Из истории изучения топонимии Калмыкии.....	74
Меняев Б.В. Об одной калмыцкой печати конца XVIII- начала XIX в.....	78
Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования.....	79

Материалы Ученого совета, посвященного 110-летию доктора филологических наук Ц.-Д. Номинханова

Очирова Н.Г. Церен-Дорджи Номинханов (1898-1967 гг.) – первый доктор филологических наук Калмыкии.....	83
Тугужекова В.Н. Церен-Дорджи Номинханов и Хакасия.....	87
Баянова А.Т. Фонд Церен-Дорджи Номинханова в Научной библиотеке КИГИ РАН.....	90

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Буваев Д.А. Палеогеографическая реконструкция среды обитания древнего населения Северо-Западного Прикаспия по материалам дистанционного зондирования земли.....	92
Богун Н.М. Комплексные исследования наземных экосистем Кумо-Манычской впадины с использованием аэрокосмической информации.....	96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	99
---------------------------	----

ББК 63.3(0)4

**НА ПУТИ К ВОЛГЕ: ОЙРАТСКИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
В 20 - 30-Х гг. XVII в.**

В.П. Санчилов

Статья посвящена описанию событий 20 – 30-х гг. XVII века в ойратском обществе, предшествовавших откочевке торгутов под предводительством тайши Хо-Урлюка в междуречье Эмбы и Яика (Урала). Разделение и расселение ойратских этнополитических объединений джунгаров, хошуттов, дэрбэтов и торгутов привело к образованию трех государств кочевников на территории Евразии: Хошутского ханства в Кукуноре, Джунгарского ханства в Джунгарии и Западной Монголии, Калмыцкого ханства в Нижнем Поволжье.

Ключевые слова: 20 – 30-х гг. XVII в. века, междуречье Эмбы и Яика (Урала), история ойратов; ойратские этнополитические объединения джунгаров, хошуттов, дэрбэтов и торгутов; монголы, Тибет.

The article describes the events in the Oirat society in the twentieth and the thirtieth of the XVII century which preceded the migration of the Torguts under the leadership of the taishi Kho-Urluk from their homelands in Inner Asia to the interfluvium of the Emba and the Yayik (the Ural) rivers. The division and the settling apart of the Oirat tribal confederations of the Jungars, the Khoshuts, the Derbets and the Torguts led to the emergence of three state entities of the Oirat nomads in Eurasia: the Khoshut khanate in the Kukunor region, the Jungar khanate in Jungaria and Eastern Mongolia, the Kalmyk khanate in the Low Volga region.

Keywords: *the twentieth and the thirtieth of the XVII century, the interfluvium of the Emba and the Yayik (the Ural) rivers, the history of the Oirats, Oirat tribal confederations of the Jungars, the Khoshuts, the Derbets and the Torguts, the Eastern Mongols, Tibet.*

С момента установления русско-ойратских отношений в 1607-1609 гг. царское правительство и местные власти в Сибири в течение десяти с лишним лет поддерживали посольские и торговые отношения только с сибирскими ойратами («калмыками»), чьи князья входили в состав северо-западной группировки ойратов. Это были главным образом улусы дэрбэтов и торгутов. Основная же масса ойратов кочевала южнее. Кочевья хошутских, джунгарских, хойтских феодалов, входивших в состав юго-восточной группировки ойратов, находились на территории Джунгарии, включая Восточное Прибалхашье и часть Западной Монголии. Из числа владетельных князей этой группировки выделялись хошутский Байбагас-Баатур и джунгарский тайша Хара-Хула из знатного ойратского рода Чорос. Русские представители впервые вступили в прямые контакты с ними в конце второго десятилетия XVII в. До этого местные власти в Сибири были плохо осведомлены о событиях, происходивших в их улусах. И позже сведения о них в русских документах носят, как правило, отрывочный и случайный характер,

но в целом русские документы позволяют составить некоторое представление о политической обстановке в этом регионе.

Здесь во втором десятилетии XVII в. вслед за предшествовавшей откочевкой в Западную Сибирь дэрбэтских и торгутских тайшей отмечается перемещение сюда улусов некоторых хошутских и джунгарских правителей. Среди покинувших свои прежние кочевья мы встречаем имена старших хошутских тайшей Чокура и Байбагаша (как в русских источниках называется Байбагас-Баатур). Как видно из материалов посольства Т. Петрова и И. Куницына, ездивших в 1616 г. с дипломатической миссией в ставку дэрбэтского Далай-Батыра, Чокур, по-видимому, несколькими годами раньше присоединился к группировке Далай и находился при нем в качестве «думчего ближнего тайши» [1]. Осенью 1620 г. тобольский воевода М.М. Годунов сообщил в Приказ Казанского дворца о прибытии к границам сибирских владений Русского государства значительных масс ойратов, которые прислали к нему для переговоров своих представителей: «А прикочевали де, государь, те колмацкие тайши блиско

твоих государевых сибирских городов для того, что воюют де их, колмацкие тайшей, Алтын-царь да Казачья орда» [1, с. 101]. В числе этих «колмацких тайшей» появляется и имя хошутского Байбагаса.

К 1620 г. кочевья Байбагаса находились в верховьях Ишима и Иртыша. Побывавший в его владениях толмач Уфимской приказной избы Пятунык Семенов сообщил по возвращении в Уфу, что «у Байбагиша-тайчи в кочевье улусных людей с 1000 человек, а у Чюкура-тайчи с 1000 ж человек, а у Урлюка де тайши с 1000 человек в кочевье и больши. А про Толая де тайчю (речь идет о дэрбэтском тайше Далае-Батыре – В.С.) сказывают, что у него тысени з 2 и больши» [1, с. 105]. Хотя эти сведения о численности улусных людей у ойратских тайшей кажутся сильно заниженными, тем не менее на их основании можно говорить о том, что в северо-западной группировке в то время самым крупным и многолюдным был улус Далай-Батыра.

Кочевья этой группировки приблизились к берегам Яика и границам Уфимского уезда, поэтому к переговорам с ойратскими тайшами должны были подключиться и уфимские воеводы. В конце октября 1620 г. прибывшие в Уфу «калмыцкие» послы шертывали на подданство Русскому государству за старших тайшей Далая, Байбагаса, Чокура и Хо-Урлюка. Тайши взяли на себя обязательство «за воинских за всех улусных людей на том, что к Уфинскому городу и на Уфинский уезд на башкирские волости воевать не приходит и людей не посылать, и на зверовье башкирцов не громить и не побивать, и быти под твоею государевою высокою рукою» [1, с. 103]. Взамен они просили разрешить им торговать с «русскими людьми», в чем получили согласие уфимского воеводы О.Я. Прончищева.

В русских документах этого периода часто встречается имя еще одного джунгарского князя Сенгила, Зенгула, который примерно в это же время покинул Западную Монголию и кочевал поблизости от тарских волостей («блиско Барабы меж Чяны и Оми и Иртыша»). Тарские власти, обеспокоенные нападениями улусных людей Сенгила-тайши на русские владения, прибегли к решительным действиям. Осенью 1618 г. по приказу тарского воеводы К.С. Вельяминова-Воронцова против Сен-

гила выступил отряд тарских служилых людей под командой ротмистра Воина Волконовского. Им удалось разгромить улусы Сенгила, с которым вместе кочевал также брат Хара-Хулы Девникей-тайша, и захватить много пленных [1, с. 78-79]. Но и после этого Сенгил продолжал кочевать близ тобольских и тюменских уездов, а в 1623 г. согласился принести шерть русскому царю о том, «что ему, Зенгулу-тайше, на государевы города с войною не приходити, и на зверовьях зверовщиков не побивати и ни грабити, и на государеве земле не ставати» [1, с. 121].

Перемещение столь значительного количества кочевников в Западную Сибирь И.Я. Златкин объяснял тем, что в указанный период внутри ойратского общества происходило «преодоление сепаратизма местных владетельных князей и постепенная централизация власти в руках главы Чоросского дома» [2]. По его мнению, во втором десятилетии XVII в. в джунгарской группировке Хара-Хулы шла ожесточенная борьба за власть, в которой противники этого правителя оказывали активное сопротивление его централизаторской политике, но, по всей видимости, терпели поражение. Не желая утратить свою самостоятельность и превратиться в подданных Хара-Хулы, они должны были откочевать вместе со своими феодально зависимыми людьми за пределы Западной Монголии, а он не имел, по-видимому, достаточно сил, чтобы этому воспрепятствовать. Описанный И.Я. Златкиным процесс централизации внутри джунгарской группировки стал развиваться позднее, во второй половине третьего десятилетия, а в рассматриваемый период главной причиной откочевков была всё-таки внешняя угроза. К этому времени вновь обострились отношения ойратов с их воинственными соседями – Казахским ханством и державой Алтын-хана.

Впервые имя джунгарского тайши Хара-Хулы в русских источниках появляется в русском переводе грамоты Алтын-хана, направленной царю Михаилу Федоровичу в мае 1619 г. Вскоре после этого между ойратами и монгольским правителем вспыхнула война. Инициатива в развязывании военных действий принадлежала Алтын-хану Шолой Убаши-хунтайджи (1567-1623). Косвенным свидетельством этому служит указанное послание Алтын-хана в Москву, в котором он жалуется на

джунгарского правителя, чинившего якобы помехи его сношениям с Москвой, и предлагает нанести объединенными силами удар по группировке Хара-Хулы. Он писал царю: «А прошение мое, чтоб меж нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людям дорога в твое государство и твоим людям к нам была чиста. И тому доброму делу помешку чинят меж нас калмыцкой Каракулы-тайша, а люди они немногие, и тебе б, великому государю, про то было ведомо. И тебе бы, великому государю Белому царю, послать повеленье свое к томским и к тобольским и к тарским ко всем людям, чтоб они, все твои государевы ратные люди, с моими ратными людьми на тех воров на Каракулы-тайшу и на его людей войною ходили; твои государевы ратные люди на них с твоей стороны ходили, а я с свою сторону на них своих ратных людей учну посылать, чтоб меж нас воров не было, и дорога бы была чиста. И как от тех воров дорога очистится, и тебе, государю, и не будет прибыль и добра много» [1, с. 78-80].

В преддверии большой монголо-ойратской войны Алтын-хан стремился заручиться поддержкой со стороны русских властей. Очевидно, что всю тяжесть этой затяжной войны принял на себя джунгарский Хара-Хула, один из самых влиятельных ойратских тайшей юго-восточной группировки, которого Алтын-хан считал своим главным врагом. И хотя в послании Алтын-хана говорится о силах Хара-Хулы, что «люди они немногие», но это находится в явном противоречии с его обращением за помощью к русскому царю и предложением направить против своего противника всех ратных людей сибирских городов Томска, Тобольска и Тары.

В ответной грамоте царя Михаила Федоровича Алтын-хану содержалось обещание помощи: «мы, великий государь, ... наше царское повеление к сибирским воеводам и приказным людям послати велели, а велели тебя и твоей земли от колматцкого Каракулы-тайша и от его людей оберегать. И ты б на нашу царскую милость был надежен» [1, с. 96]. Однако его предложение о совместных действиях против Хара-Хулы принято не было.

Местные власти в Сибири постарались собрать подробные сведения об ойратской группировке джунгарского Хара-Хулы. С этой целью тобольским воеводой

И.С. Куракиным в ставку этого ойратского тайши был отправлен с посольской миссией служивший в Тобольске «литвин» Ян Куча, в задачу которого входило завязать отношения с «дальними калмыками» и попытаться уговорить их правителя Хара-Хулу стать под «высокую государеву руку». От отдаленности его владений от русских городов Сибири можно судить по тому факту, что поездка Яна Кучи в улусы к джунгарам продолжалась почти полгода и сопряжена была со значительными трудностями в пути. Как явствует из его рассказа о своем путешествии, «ходил де он к Каракуле-тайше большаи 24 недели, голод и нужа всякую терпел, и душу свою осквернил: всякую нечистоту ел» [1, с. 111]. Миссия «служилого литвина» закончилась, судя по всему, успешно. Встревоженный враждебной дипломатической активностью Алтын-хана Шолоя-Убаши накануне большой монголо-ойратской войны правитель джунгарской группировки Хара-Хула положительно отнесся к предложениям русской стороны. Он отправил в Тобольск вместе с русским посланцем Я. Кучей своих представителей во главе с Анучаем.

В Тобольске джунгарские послы получили приглашение от русских властей прибыть в Москву. Это было первое посольство джунгарского тайши Хара-Хулы, в будущем основателя Джунгарского ханства, побывавшее в русской столице. Оно прибыло в Москву 10 января 1620 г. В одно и то же время с послами Алтын-хана и енисейских киргизов и было принято 29 января в один день с ними на аудиенции у царя Михаила Федоровича [1, с. 92].

На приеме у царя ойратские послы от имени Хара-Хулы «з братьею и з детьми и с племянниками и со всеми своими улусы» заявили царю о согласии принять русское подданство, получив взамен царскую защиту от нападений своих недругов, главным из которых был Алтын-хан: «... быти нам под твоею царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным. И вам бы, великому государю, нас пожаловать, держати под своею царскую высокою рукою в своем царском милостивом жалованье и в повеленье и от недрузей наших во обороне и в защищенье». Тогда же послы Хара-Хулы вручили подарки от своего повелителя: «3 сорока соболей, 2 ирбиза, барс» [1, с. 93]. 25 мая

1620 г. послы получили царскую жалованную грамоту, в которой подтверждалось стремление царского правительства оказать ойратскому правителю помощь в обороне от возможного нападения со стороны их врагов. Месяцем раньше, 24 апреля 1620 г. царская грамота аналогичного содержания была вручена и посланцам Алтын-хана. Как справедливо отмечал И.Я. Златкин, «в отличие от других случаев сношений Москвы с монгольскими правителями материалы этого посольства и цитированная жалованная грамота ни слова не говорят о делах торговых, что подчеркивает военное значение миссии» [2, с. 140-141].

На обратном пути из Москвы ойратских послов сопровождал томский атаман Иван Белоголов. В ноябре того же года они прибыли в Тару, откуда выехали в свои кочевья. Тем временем война между ойратами и княжеством Алтын-хана была уже в самом разгаре. Наши сведения о событиях 1619-1623 гг. основываются на русских документах того времени, главным образом, донесениях представителей русской администрации сибирских городов, которые получили известия о вспыхнувшей войне между ойратами и монголами от русских людей, оказавшихся в то время в ойратских улусах, и от самих ойратов, прикочевавших к русским владениям в Сибири. Как показали последующие события, местные власти в ожидании распоряжений из центра, по-видимому, не успели предпринять какие-либо конкретные шаги, чтобы дипломатическим путем оказать эффективное воздействие на враждующие стороны с целью предотвращения войны.

Нападения войск Алтын-хана на ойратские владения произошло не ранее весны 1620 г. Момент был выбран удачный, так как ойраты незадолго до этого подверглись нападению со стороны казахского хана Есима (1598-1628), наследовавшего Тевеккелю, и были заняты отражением агрессии на западе. Застигнутые врасплох ойраты должны были вести войну на двух фронтах и первое время терпели поражения. Подробности военных действий 1619-1623 гг. нам неизвестны. Как следует из расспросных речей уже упоминавшегося толмача Уфимской приказной избы П. Семенова, летом 1620 г. он побывал в улусах хошутских тайшей Байбагаса и Чокура и, осенью вернувшись в Уфу, доложил следующее: «Слышал де он у колмацких лю-

дей, што приходил на них в прошлом году Казачьей орды Ишим-царь войною для того, что посылали к нему колмацкие тайчи послов своих о миру. И как де колмацкие послы были у Ишима-царя, а в те поры колмацкие люди воинские, пришед, Ишима-царя улузных людей повоевали. И Ишим де царь велел колмацких послов побить, а побив послов и собрався своими людьми, да колмацких дву тайчей и многих людей побили. Да нынешнево году перед их приходом приходили на них воинские люди Алтына-царя люди, черные колмаки, и улусы колмацкие повоевали, и людей многих побили, а взяли де живых дву тайчей, а 3-ей де тайча Байбагишев брат Тегурчей утек и прибежал при нем, Пятуныке, в кочевье к брату своему Байбагишу» [1, с. 104].

То же самое сообщали в Уфе и башкиры, которые находились по своим делам в улусах ойратских тайшей: «колмацким тайчам учинилась теснота великая от Казачьи орды от Ишима-царя: побил де у них многих людей, а Олтына де, государь, царя люди побили у них многих людей и дву де тойчей с улусы з женами и з детьми поймали в полон» [1, с. 103]. Внешняя угроза побудила тайшей северо-западной группировки откочевать поближе к сибирским городам Таре, Тобольску и Тюмени и еще дальше на запад, в окрестности Уфы. Заслуживают внимания сообщения русских источников о появлении в Западной Сибири кочевых улусов владетельных хошутских князей Байбагас-Баатура и его брата Дюргэчи Кундулэн-Убаши (Тегурчей в русских источниках), незадолго перед тем подвергшихся нападению войск Алтын-хана. Отношения русского правительства с джунгарским правителем Хара-Хулой из юго-восточно й группировки в связи с военными действиями оказались надолго прерванными (вплоть до 1635 г.), поэтому сведения о нем были получены сибирскими властями из вторых рук.

О местопребывании дэрбэтского тайши Далай-Батыра и некоторых других ойратских тайшей можно узнать всё из той же «отписки» тобольского воеводы М.М. Годунова, датированной осенью 1620 г.: «А сам он, Баатырь-тайша, кочует на Итыковых горах от Тобольска месяц ходу, а иные многие тайши с колмацкими людьми прикочевали блиско твоей царскою отчины, сибирских городов, и кочуют ныне вверх

по Ишиму промежю Тоболом» [1, с. 101]. Еще одна группа ойратских тайшей вместе со своими подвластными людьми расположилась кочевьями в районе озера между Обью и Иртышом, а в Кузнецком уезде в устье реки Чумыша, опасаясь нападения со стороны восточных монголов, построила укрепленный городок. «А сошлися де они на Обь и гарадок зделали, что их побил Алтын-царь и у Карагуля жен и детей поимал. А слажился де Алтын-царь с Казадцкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де ане в степех кочевали, и с тех с их кочевья збили... а ждут де на собя вскоре Казачьи орды [и] нагай, а з другой стороны Алтына-царя» [1, с. 112-113]. Основную тяжесть по ведению кровопролитной войны на два фронта против вражеских войск Казахского ханства и державы Алтын-хана принял на себя джунгарский тайша Хара-Хула и оставшиеся с ним ойратские правители юго-восточной группировки. В приведенном выше сообщении указывается, что в результате неудач на начальном этапе войны и жены и дети Хара-Хулы, который именуется здесь Карагулей, попали в плен к Алтын-хану.

Судя по всему, военные действия шли с переменным успехом. Обстановка в степи быстро менялась. Войскам Алтын-хана и казахского хана Есима (1598-1628), заключившим между собой антиойратский союз, не удалось добиться решительного перевеса в войне и разгромить ойратов. Потерпев поражение в первых сражениях с неприятелем, ойратские правители во главе с предводителем джунгарской группировки Хара-Хулой смогли организовать успешное сопротивление агрессии. Об этом можно судить хотя бы по следующему эпизоду военных действий. Как стало известно летом 1623 г. в Тюмени, побывавший в указанное время в улусе Чокура-тайши бухарский купец («бухаретин») Мухтар рассказывал: «И слышал де тот Мухтар у колмацкого тайши у Чогура в розговоре: ходил де колмацкий тайша Каракул к Алтын-хану войною, и людей с ним ходило 4000 и улус де у Алтына-хана повоевал, и полону взял много, и взяв де, пошел назад. И Алтын-царь послал на переем к тому Каракуле-тайше 4000 людей, а 3000 ззаде, и у тайши де Каракулы людей всех побил, только де тайша Каракула ушел с сыном» [1, с. 123].

Другие ойратские тайши независимо

от места кочевания должны были перед лицом внешней угрозы объединиться для отражения нападения Алтын-хана и его союзников. По мнению С.К. Богоявленского, Хара-Хула действовал тогда самостоятельно, без согласования с другими ойратскими владельческими князьями [3]. Поражение Хара-Хулы, по-видимому, побудило их активно включиться в военные действия и выступить единым фронтом против общего врага вместе с джунгарским правителем несмотря на разделявшие их внутренние противоречия. Весной 1623 г. из Уфы в кочевья дэрбэтского тайши Далай-Батыра был направлен с дипломатической миссией уфимский сын боярский Василий Волков, который самого Далая в улусе не застал, а был 29 мая принят братом Далая тайшей Мангитом. Как сообщил ему Мангит, за 19 дней до приезда русского посла, т.е. 10 мая, «брат его Талай с товарищи ныне пошли битись против муганского Алтына-царя» [1, с. 124]. В своей «отписке» в Приказ Казанского дворца В. Волков указывает, что прождал возвращения Далая больше 6 недель, но, так и не дождавшись, вернулся обратно: «А говорил, государь, мне Мангит-тайша, что де я то и брат мой Талай, мы де с ним одны люди. И держал, государь, меня у собя 6 недель и 2 дни и то, государь, мне сказал: не ждидайся де ся брата моего, не управяся с недругом, не будет в улусы» [1, с. 129].

Русские источники не позволяют выяснить все перипетии дальнейших событий, но, судя по тому, что какие бы то ни было сведения о военных действиях между ойратами и восточными монголами после 1623 г. в русских документах исчезают, можно предположить, что в войне между враждующими сторонами наступило довольно продолжительная затишье. Из ойратских источников известно, что ойраты добились решающего успеха в многолетней войне с Алтын-ханом. О том, что они захватили в плен множество пленных из числа восточных монголов, свидетельствует также сообщение в русских источниках о том, что в 1625 г., когда в ойратских кочевьях разгорелась острая междоусобная борьба, оттуда «побежали в Мунгалы многия монгольские полоняники» [1, с. 137].

Данные русских источников подтверждаются сведениями одного из немногочисленных сохранившихся до нашего времени произведений средневековой ой-

ратской литературы «Повесть о том, как дурбэн-ойраты нанесли поражение монголам» («Дөрвн өөрд монһлыг дарсн тууж оршв»)¹. Описанные в этой «Повести» события 1623 г. явились кульминационным моментом военного противостояния ойратов восточным монголам. Как установила Джунко Мияваки, «господство халха-монголов продолжалось до 1623 г., когда объединенные войска дурбэн-ойратов сражались и убили халха-монгольского Убаши-хунтайджи или Алтына-царя, как он называется в русских источниках, и таким образом вернули себе свою независимость» [4].

Действующий в «Повести» монгольский Убаши-хунтайджи – это никто иной, как халхаский князь Шолой-Убаши-хунтайджи, первый из династии Алтынханов. По сообщению анонимной монгольской летописи «Шара Туджи», он родился в «год огня-зайца» [5], т.е. в 1567 г., и умер, как предполагали, в конце 20-х гг. XVII в. На самом деле он погиб в сражении с ойратами в 1623 г., после чего восточным монголам понадобилась длительная передышка, чтобы залечить свои раны. Ставка Алтынхана располагалась на берегу озера Убсу-Нур или в долине р. Тес, где её посещали посланцы сибирских воевод. В расспросных речах атамана Тарского города Василия Тюменца, ездившего осенью 1616 г. с дипломатической миссией к Алтын-хану, сохранилось описание внешности этого монгольского правителя («А сам царь лет в 60, бороду бреет, только ус, волосом черн, ростом дороден и плечист, и собою во всем пригож») [1, с. 64].

В 1623 г. Шолой-Убаши-хунтайджи находился на вершине своего могущества. В этом же году он выступил в поход против ойратов во главе 80-тысячного войска («восьми тем-тумэнов»), из которых 65 тыс. воинов были его собственные, а остальные 15 тыс. принадлежали его союзнику – урянхайскому правителю Сайн-Маджику [6]. Перед лицом грозившей им опасности правители независимых друг от друга ойратских улусов, входившие в юго-восточную группировку, вынуждены были объединиться и совместными действиями противостоять общему врагу. По словам автора «Повести», ойраты в сражении с врагом стояли «словно зубья пилы, или иглы ежа, сомкнутым строем в четыре угла» [6, с. 97].

Ойратские владетельные князья выставили в поле 50-тысячное войско, в которое входили 30-тысячная дружина хошутского правителя Байбагаса-Баатура, 6 тыс. джунгаров, 4 тыс. хойтов и дружины двух торгутских князей из юго-восточной группировки Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ (8 тыс. воинов) и Сайн-Сэрдэнгки (2 тыс. воинов) [6, с. 97-99]². Обращает на себя внимание то, что в этом списке ойратских князей отсутствуют в «Повести» имена торгутского тайши Хо-Урлюка и дэрбэтского тайши Далай-Батыра. Однако, как уже говорилось выше, из русских документов нам достоверно известно, что Далай-тайша отправился на войну с монголами и по этой причине отсутствовал в своих владениях. Неизвестно, что помешало двум правителям из северо-западной группировки принять участие в решающем сражении с Алтын-ханом. Скорее всего, они были заняты отражением нападений со стороны Казахской орды.

Как можно видеть, в объединенном ойратском войске наиболее многочисленной была дружина хошутского правителя Байбагаса-Баатура, бывшего в то время председателем Ойратского чуулгана. Он, по-видимому, и командовал этим войском. Поэтому как «старший и лучший», один из «пяти тигров» он удостоился самых хвалебных слов от автора «Повести». О «хошутском хане Байбагасе» сказано: «Бранных потех он любитель большой. Войска за ним тридцать тысяч идет, в юрте-дворце своем дело ойратской державы и веры он судит (подчеркнуто академиком С.А. Козиним. – В.С.)» [6, с. 98]. Однако могущество Байбагаса, как показали дальнейшие события, оказалось не столь уж прочным. Рядом с ним постепенно набирал силу другой ойратский правитель. Это был джунгарский тайша Хара-Хула, под началом которого находились «шесть тысяч удалых молодцов». О нем в «Повести» говорится: «Взглядом похож на голодного коршуна, всею повадкой – на куцега волка, как на заре он в отару ворвется. Да и дружина нойону подстать» [6, с. 98].

Борьба с Шолой-Убаши-хунтайджи развернулась в долине р. Иртыш, где его войско, отягощенное богатой военной добычей – захваченным у ойратов скотом, было настигнуто ойратским войском («Убаши-хун-тайджию ни податься впе-

ред, ни тронуться назад: на месте зажали») [6, с. 103]. О местонахождении противника сообщил ойратам урянхайский Сайн-Маджик, покинувший своего монгольского союзника из-за «дурных примет» еще до начала военных действий. Кровавое сражение длилось три дня. Особое ожесточение у сражавшихся ойратов вызвало то обстоятельство, что монгольский правитель перед боем приказал принести в жертву своему черному знамени захваченного в плен семилетнего ойратского мальчика. Тем самым он нарушил заключенный между ойратами и монголами в 1606 г. договор, согласно которому запрещалось убивать взятых в плен «языков». Видя неминуемую гибель своего войска, Шолой-Убаши-хунтайджи обратился в бегство и был убит ойратским нойоном Сайн-Сэрдэнги. Тогда, как сообщается в «Повести», вся монгольская дружина, «обрезав от седел свои стремяны, билась над прахом нойона и в сече вся полгла возле него» [6, с. 104].

Сокрушительное поражение Шолой-Убаши-хунтайджи в войне с ойратами позволило ойратским владетельным князьям из юго-восточной группировки окончательно избавиться от власти монгольских ханов. Одержанная ойратами победа еще раз доказала им необходимость сплочения, преодоления разногласий и достижения полного единства на всё время, а не только в исключительных случаях, перед лицом общей опасности. В то же самое время перемирие, достигнутое в войне с внешними врагами, разбудило дотол дремавшие внутренние противоречия в ойратском обществе. До этого антагонизм между отдельными группировками ойратских феодалов, насколько об этом можно судить из имеющихся источников, не доходил до кровопролитных вооруженных столкновений. Тем более, что еще до начала монголо-ойратской войны все ойратские владетельные князья, собравшись на свой съезд-чуулган в 1616 или 1617 гг., как сообщает Батур-Убуши Тюмень, «дали клятву, что не только они сами, но и потомки их из года в год, из поколения в поколение не будут наносить вреда друг другу» [7]. Объединившееся для отражения вражеского нашествия ойратское общество просуществовало недолго, а затем снова раскололось на враждующие группировки. Внутренняя борьба, отошедшая на второй

план во время монголо-ойратской войны, разгорелась с новой силой.

Междоусобица, начавшаяся среди хошутов в 1625 г., переросла в большую междоусобную войну между ойратскими владетельными князьями и весьма осложнила положение в ойратских владениях. События 1625 г. нашли подробное освещение в русских документах того времени. Непосредственным поводом к феодальным междоусобицам послужил конфликт между хошутскими владетельными князьями Чукуром (Чуукэром) и Байбагишем (Байбагасом), ранее отделившимся от юго-восточной группировки ойратов. Будучи наиболее влиятельным из хошутских правителей, Байбагас-Баатур тем не менее вынужден был примкнуть к группировке дэрбэтского тайши Далая и кочевать вместе с ним. В 1624 г., как сообщается в русских источниках, Далай-Батыр «с детьми» и Байбагас зимовали вблизи границы с владениями Казахской орды, «боясь от монгольских людей утеснения» [1, с. 136]. Вместе с ними кочевал, по-видимому, еще один хошутский правитель Чин-тайша, которого в русских документах называют третьим братом Чокура и Байбагаса. Вскоре он умер, не оставив прямых наследников. Конфликт возник между братьями при дележе его наследства – принадлежавших ему 1000 семей простолюдинов. Сначала Байбагас захватил себе всю тысячу, не выделив ничего Чокуру, «и учинился меж ими о тех людех великой роздор» [1, с. 136].

Посредником в конфликте выступил Хара-Хула, после чего враждующие хошутские князья пришли к соглашению, что Чокур возьмет себе 600 семей, а остальные 400 получит его брат Байбагас. На сей раз уже Чокур не захотел делиться с братом. «И после миру Чокур-тайша и достальных людей захотел взять; и Байбагиш-тайша достальных людей ему не дал. И за то меж ими стала война. Чокур-тайша пошел на Байбагаша войною, а с ними улуса его 10000 человек. Да с собою поднял на помощь Мерген-Теменю-тайшу, а с ними 10000 же человек, да Табытая да Батыркуяна тайшей, а с ними комыцких [калмыцких - В.С.] людей 2000 человек. А у Байбагаша-тайши было людей только 2000 человек. И бой у них был ниже соляных озер. И на том бою у Байбагиша-тайши убил Чокур-тайша брата ево Ясаклу-тайшу и многих

людей побил, а иные от Байбагиша разбежались, только осталось з Байбагишом с 1000 человек. И с теми людьми сел в осаде ниже соляных озер в луке по ту сторону Иртыша. И послыша Каракул-тайша пришел Байбагишу-тайше на помощь и стал по другую сторону Иртыша» [1, с. 136-137]. Обычная усобица грозила перерасти в затяжную межфеодалную войну. Тогда главным примирителем выступил влиятельный предводитель дэрбэтской группировки тайша Далай-Батыр. Угроза вторжения со стороны восточномонгольских правителей еще продолжала существовать, поэтому по инициативе Далай был созван съезд владетельных ойратских правителей с целью скорейшего улаживания конфликта. Так, из донесения тобольских жителей, ездивших в ставку к старшему брату Далай Эркэ-Йэлдэнгу («Ирка-Илден-тайше»), известно, что тот «поехал к брату своему к Талай-тайше на сход для того, что учинилась меж калмыцких тайшей Чокура и Байбагиша великая война. И к ним учали приставать друг за друга иные тайши о улусных людех и о животах колмыцково Чина-тайши, а Чин-тайша умер, а Чокур да Байбагиш-тайши ему братья. И Талай-тайша и Ирка-Илденя пошли Чокура и Байбагиша мирить, чтоб услыша то, мугальские люди, что меж калмыцкими тайшами война, не пришли на них войною» [1, с. 137].

Русские власти в Сибири в то время были плохо осведомлены о хитросплетениях родственных отношений ойратских князей и их улусной принадлежности. Поэтому они ошибались, полагая, что междоусобная война началась среди джунгарских владетельных князей, сыновей джунгарского правителя Хара-Хулы. Это ошибочное представление перекочевало в дальнейшем из русских архивных документов на страницы научных трудов и долгое время сохранялось в русской и советской историографии [2, с. 144-147; 3, с. 63; 8; 9]. Однако в недавнем прошлом обращение к генеалогии хошутских князей позволило японской исследовательнице Джунко Мияваки установить, что Чокур и Байбагиш, как и их умерший брат Чин-тайша были хошутскими князьями, и внести нужные коррективы в изложение ойратской истории [10; 11]. Виновники конфликта 1625 г. в русских источниках называются «братьями», хотя степень их

родства была различной. Судя по родословным хошутских князей, содержащимся в ойратских и монгольских источниках, Чокур и Чин-тайша были полнородными братьями, рожденными от одного отца и матери. Что же касается Байбагаса, то он приходился им троюродным братом по отцу, а по матери единоутробным братом. Их мать Ахай-хатун после смерти своего первого мужа (отца Чокура и Чин-тайши) вторично вышла замуж за его двоюродного брата по имени Ханай-нойон Хонгор и родила ему пятерых сыновей, известных в ойратской истории как «пятеро тигров». Старшим из этих сыновей и был Байбагас-Баатур.

В свете изложенного становится понятным стремление Чокура полностью завладеть наследством своего родного брата Чин-тайши, не выделяя какой бы то ни было доли Байбагасу. Вполне возможно, что за этим конфликтом из-за наследства скрывалось нечто большее, а именно борьба за власть внутри правящей династии хошутских правителей. Откочевка Чокура на северо-запад и присоединение его к группировке дэрбэтского Далай-Батыра в начале второго десятилетия XVII в. могла иметь одним из побудительных мотивов еще и нежелание Чокура подчиняться власти «первенствующего члена» Ойратского чуулгана Байбагас-Баатура.

Посреднические усилия главы северо-западной группировки дэрбэтского тайши Далай-Батыра не имели успеха, примирить враждующие стороны ему не удалось. Не желая вмешиваться в борьбу за власть между конкурирующими ветвями правящей династии в Хошутском улусе, он на первых порах занял выжидательную позицию. Как стало известно русским властям, «Талай-тайша к Чокуру не пристал и на Байбагиша не пошел, ожидаючи тово, хто из них, Чокур ли или Байбагиш будет силен, х тому хочет пристати». Тем временем при поддержке пришедшего к нему на помощь джунгарского тайши Хара-Хулы Байбагасу удалось нанести поражение Чокуру и заставить его отступить [1, с. 139].

После того, как «Чокур-тайша пошел прочь и с погромом», Хара-Хула вернулся в свой улус и больше не участвовал в междоусобной войне среди ойратов. Во всяком случае, его имя перестало упоминаться в русских документах того времени среди участников дальнейших событий.

Вероятно, его побудила это сделать необходимость покончить с феодальной вольницей в своем собственном улусе и угроза нападения со стороны монголов. Война с ними, подробности которой нам неизвестны, все-таки началась, и в этот раз ему снова пришлось действовать против них в одиночку, не рассчитывая на помощь со стороны правителей других ойратских улусов. В 1629 или в начале 1630 г. монгольские послы, встреченные русскими посланцами в ставке Далай-Батыра, сообщили им, «что у них мунгал с еунгарским (джунгарским. – В.С.) улусом война», поэтому они специально прибыли к дэрбэтскому тайше просить его, «чтоб он еунгарским калмаком не помогал, людей своих на помощь им не давал» [1, с. 152].

Тем временем междоусобная война среди остальных ойратов приобрела всё более ожесточенный характер. В свое время И.Я. Златкин справедливо отметил: «В рассматриваемое время (имеются в виду 20-30-е годы XVII в. – В.С.), как и в более ранние периоды, ойратские феодалы то образовывали союзы, то расторгали их, становясь врагами своим вчерашним союзникам; эти союзы были весьма кратковременны, а их состав крайне текуч. Для ойратского общества, как и для всей Монголии, была характерна феодальная раздробленность» [2, с. 159]. Чокур стал враждовать с правителями почти всех ойратских крупных улусов. Сначала это был торгутский тайша Хо-Урлюк, о котором еще в том же 1625 г. русский пленник, бежавший из его улуса, сообщил, что «бьются Урлюк с Чокуром, идут великие бои» [3, с. 63]. Поражение Хо-Урлюка в этой кровопролитной расправе побудило его удалиться на север под Тару [3, с. 64]. 25 сентября 1625 г. его многочисленное посольство прибыло в Тару, пригнав для продажи 400 лошадей, которых сопровождали 56 человек простых калмыков. От его имени посланцы Хо-Урлюка просили у тарских властей разрешения кочевать по обе стороны Иртиша по речкам по Камышлову и по Оми» [1, с. 143]. Однако разрешение кочевать ими, по всей видимости, было получено только при условии принесении им шерти на подданство, после чего Хо-Урлюк стал кочевать «против Каратунского урочища, от Тарского города в 10-ти днищах» [1, с. 144].

Байбагас, оставшись без поддерж-

ки столь могущественного союзника, как Хара-Хула, по-видимому, в дальнейшем потерпел поражение в войне с противоборствующей группировкой Чокура и был убит. «А на его Байбагишово место учинился тайшею брат его Чекур» [1, с. 150]. Такой исход событий вынудил многих «больших тайшей», правителей других ойратских улусов выступить объединенным фронтом против мятежника Чокура. «И Талай де тайша и иные тайши со многими калмытскими людьми пошли на Чокура-тайшу, чтоб его однолично, где не сойти да убить» [1, с. 145]. Кроме дэрбэтского Далай-Батыра в античокуровскую коалицию князей вошли торгутский тайша Хо-Урлюк, уже упоминавшийся ранее джунгарский Сююнгур-тайша (Сенгил, Зенгул), бывший с Далаем-тайшей «в дружбе и совете» [1, с. 149], и хошутский Төрүбайху Гуши-хан (Гуйша, Куйша русских источников), занявший место своего убитого старшего брата Байбагас-Баатура. Некоторые мелкие и средние тайши других улусов с подвластными им людьми примкнули к Чокуру, в том числе торгутский правитель Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ. Примечательно, что до самого последнего времени вместе с группировкой Чокура кочевал его зять торгутский тайша Шукур-Дайчин (Тайчин русских источников), старший сын Хо-Урлюка. С началом кровопролитных сражений он испугался за свою жизнь и «со всеми людьми отъехал к отцу своему Урлюку» [1, с. 145]. Тем самым подтверждается сообщение русских источников о том, что князья-союзники Чокура хотя и кочевали вместе, «только всяк своим улусом владел» [1, с. 150].

Под натиском явно превосходящих сил коалиции «больших тайшей» Чокур вынужден был отступить на запад. В 1628 г., согласно русским документам, он со своими детьми и улусными людьми в количестве 400 человек, кочевал уже в верховьях Тобола («вверх по Тоболу, по сторону Черные речки, от Тюмени в 5 днищах») [1, с. 145]. У него оставался один выход – направиться туда, где его люди могли встретить наименьшее сопротивление. В это время у ногаев начались кровопролитные междоусобицы с едисанами. По словам С.К. Богоявленского, «постоянные распри между татарами разных названий (имеются в виду тюркоязычные кочевники, входившие в состав Малой Ногайской

орды. – В.С.), кочевавшими между Яиком и Волгой, парализовали силу сопротивления калмыкам и сделали более доступными нашествия в Яицком направлении» [3, с. 57]. Подвластные Чокуру ойраты смогли, потеснив ногаев, поправить за счет грабежей свое материальное положение и расширить территорию своих кочевий. Первые набеги на ногайские кочевья, сопровождавшиеся угоном пленных и скота, оказались успешными, поэтому Чокур перенес свои кочевья на Эмбу [3, с. 65]. В бассейне Эмбы и Яика находились богатые пастбища ногаев, и ойраты с этого времени прочно обосновались в этом районе. Число их достигло 6 тыс. человек, вместе с ними действовали «алтыульские татары» численностью в 1 тыс. человек. Из этой группировки 800 человек имели огнестрельное оружие [3, с. 65].

Находясь на Эмбе, князя из группировки Чокура прислали в Астрахань захваченного ими в плен «татарина» с просьбой принять их «под высокую царскую руку» и разрешить кочевать по Эмбе и Яику [3, с. 65]. Эта их просьба, по всей видимости, была отклонена. «Учиня с своею братьею с калмыки меж себя рознь и войну», они справедливо опасались нападения на них хошутского правителя Гуши-хана, у которого было 20 тыс. войска, и казахского царевича Кучука Салтана, под началом которого находились 10 тыс. «татар» [3, с. 65].

В следующем 1629 г. Чокур и торгутский Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ «с своими калмыцкими людьми», к которым присоединились «алтыульские мурзы Шейяк-мурза с братьею», в очередной раз ходили войной на кочевавших в междуречье Волги и Яика ногаев и «повоевали» их. Они хотели расположиться кочевьями по обеим берегам Яика, занимая территорию вплоть до Волги. Это дало бы им возможность, как говорится в русских документах, «приходить под Астрахань под нагайские улусы и их воевать, потому что и наперед того они [в] нагайские улусы прихаживали ж, многой ясырь у них имывали» [1, с. 149-150]. Однако их воинственным начинаниям не суждено было получить продолжение. Вскоре они сами подверглись нападению дэрбэтского тайши Далая и джунгарского «Сююргун-тайши», под которым, очевидно, следует видеть Сенгила-тайшу. Оба эти правителя сделали «искони вечными

недругами» мятежных тайшей за то, что те «в трудное для калмыков время нарушали основное правило калмыцкой политики – не ссориться с русскими и подчиненными им народами» [3, с. 66]. В данном случае имелись в виду «государевы люди башкирцы и ногайцы, которые государю служат» [1, с. 149]. Побывавшие в Москве весной 1630 г. послы Далай-Батыра и Сенгила-тайши говорили, что они кочуют в верховьях Эмбы («в Дембинских [т.е. Эмбинских. – В.С.] вершинах в большом займище на Черном песке блиско Юргенчи») [1, с. 148, 153]. От имени своих тайшей их представители просили русские власти разрешить этой группе ойратов кочевать «блиско Уфинского города». Годом раньше, в 1629 г. старший сын Далая Дуржитайша принес в Уфе шерть на подданство, которую теперь подтвердили прибывшие ойратские послы [1, с. 149].

Далай-Батыр и его союзники были полны решимости покончить с Чокуром, который увел с собой множество людей. Он нарушил единство Ойратского союза и, очевидно, отказывался участвовать в общеойратских мероприятиях, направленных на обеспечение безопасности ойратских кочевий от нападений восточных монголов и казахов. Объединенные отряды Далая и Гуши-хана продолжали преследовать Чокура и на р. Яик в 1630 г. смогли нанести ему сокрушительное поражение. По сообщению русских информаторов, «пришли на них на Чекура и на Мерген-Темenea и на Хандеря, на Яике большие калмацкие люди Талай-тайша да Гушей, а с ними тысяч з 10 и больши, и у Чекура и у Мерген-Темenea и у Хандеря многих улусных людей побиили, а достальных заворотили к себе в улусы» [1, с. 150]. Во время сражения сам Чокур был убит, а захваченного в плен Хандеря победители – «большие тайши» предали мучительной казни («у Хандеря-тайши выкроили ремень и[с] спины и смерть ему учинили») [1, с. 150]. Удалось спастись лишь торгутскому Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ, а его «таргауцкой улус... разорил Талай-тайша» [1, с. 151]. Однако этому торгутскому правителю, как видно из последовавших затем событий, всё-таки удалось сохранить под своей властью основную часть своих подданных, тогда как уцелевшие улусные люди погибших тайшей были присоединены к улусам победителей.

Территория междуречья Эмбы и Яика после разгрома группировки Чокура и его союзников недолго оставалась пустующей. На смену ей пришли сюда кочевать улусы торгутских князей Дайчина (Шукур-Дайчина) и его брата Лоузана. После 1630 г. основная масса ногаев была вытеснена из восточной части степей Северного Прикаспия теми, кто в будущем станет известен под названием «волжские калмыки». В промежутке между 1630 и 1632 гг. ногайские кочевья подверглись опустошительным нападениям калмыков [12]. Ногаи были не в состоянии оказать им сопротивление, поэтому какая-то их часть примкнула к калмыкам, а остальные откочевали на правый берег Волги и нашли себе убежище, кочуя вблизи Астрахани. Однако малочисленный гарнизон в Астрахани оказался слабой защитой для них, так как нападения калмыков на них продолжались и здесь. В мае 1633 г., как сообщает С.К. Богоявленский, ссылаясь на русские документы XVII века, князь Канай и ногайские мурзы подали в Астрахани челобитную о том, что Хо-Урлюк и его сыновья Дайчин и Лоузан вместе с алтыульскими мурзами нападают на ногайские и едисанские улусы и вконец их разоряют, так что челобитчики стали «безлюдны, безконны и безоружны и служить государевы службы стало нечем» [3, с. 68]. Вскоре ногайцы бежали дальше, чтобы, переправившись через Дон, искать спасения в Крыму.

Если обратиться к собственно калмыцким источникам, то эмчи Габан Шараб, автор XVIII века, в своей «Истории дурбэн-ойратов», говоря о продвижении калмыков на Волгу, сообщает нам о времени этого движения и его инициаторах следующее: «В году шорой-лу (1628) известили (торгуты) дербен-ойратских нойонов о своем намерении расстаться с ними, а в году шорой-могой (1629) расстались. В году темур-морин (1630) Лоузан переправился за реки Урал и Волгу и покорил мангатов (т.е. ногайцев); в это время ставки Хо-Орлэка и Дайчина находились на той стороне (левой. – В.С.) р. Урал. В году усун-мечин (1632) ставка Дайчина расположилась при р. Волге» [13]. Аналогичные данные мы находим и в анонимной «Истории калмыцких ханов» [14; 15].

Сообщение калмыцкого эмчи (врача) о первом появлении калмыков на Волге под предводительством Дайчина в начале 30-

гг. XVII века вполне подтверждается свидетельствами русских источников. М.М. Батмаев приводит, правда, без ссылки на источник, цитату из русского документа XVII века о том, что в 1632 г. «приходили под Астрахань на ногайские и на едисанские и на юртовские улусы войною калмыцкие тайши Дайчин с товарыщи». Закономерно предположить, что калмыцкие воинские отряды могли часто проникать в Нижнее Поволжье не из далекой Западной Сибири, а откуда-то из гораздо более близких мест. Таким местом, своего рода плацдармом для продвижения калмыков на запад к берегам Волги могло служить междуречье Эмбы и Яика, где они, судя по показаниям восточных источников, прочно обосновались в 1630-1632 гг., вытеснив оттуда ногаев. Тогда же центральные власти в Москве получили от своего информатора, побывавшего в калмыцких улусах, сообщение о том, что «Тайчи-тайша (Дайчин. – В.С.) хочет приходи войною под наши города», хотя в сообщении не указывалось, на какой конкретно город предполагалось совершить нападение [1, с. 189]. По всей видимости, он действовал самостоятельно, так как в это же время в 1632 г. в Тюмени послы его отца Хо-Урлюка давали очередную шерть за «Урлюка-тайшу и за детей его и за внучет и за иных тайшей, которые с Урлюком вместе кочуют». Из этого перечня они исключили только Дайчина, указав, что «а за Тайчу-тайшу потому не шертовали, что он, Тайча, кочует о себе («сам собою, самостоятельно». – В.С.) и отца своего ни в чем не слушает» [1, с. 190].

Косвенное подтверждение факту поселения торгутской группировки Дайчина-тайши в междуречье Эмбы и Яика в самом начале 1630-х гг. мы находим и еще в одном восточном источнике, а именно, в историческом труде «Родословная туркмен» знаменитого хивинского хана, воина и историка Абулгази Бахадур-хана (1603-1663). В своем труде, законченном 1071 году хиджры (=1660-1661 г. нашей эры), его автор, проведший однажды целый год (с декабря 1640 г. по декабрь 1641 г.) в калмыцких улусах, пишет о «Мангытском юрте», т.е. о территории, ранее занимаемой Большой Ногайской ордой, следующее: «В 1040 году (1630-1631 г.н.э.) с северной стороны, из иля калмыков, прибыли десять тысяч кибиток... - имя их государя Орлök – и поселились в юрте мангытов. В настоящее время, в 1071 году (=1660-1661 г.н.э.), в годы мыши, этот

юрт называется Калмыкским юртом (юрт в тюркских языках в широком смысле означает «страна, государство, царство, владение» - В.С.)» [16].

Первые три десятилетия XVII в., когда основная часть ногаев еще не была окончательно вытеснена из междуречья Эмбы и Яика, кочевые группировки ойратов не делали попыток постоянно обосноваться в восточной части прикаспийских степей со своими улусами, т.е. с женами, детьми и скотом. На р. Эмбе ногаи впервые столкнулись с проникшими сюда пришельцами с востока весной 1607 г., когда разгромленные астраханскими мятежниками улусные люди ногайского бия Иштерека «пошли коче[вать] на Еик и сведали на Енбе... калмыков» [17]. Известно, что отдельные отряды ойратов стали появляться в этих местах в конце первого и в начале второго десятилетия XVII в. Такой отряд «калмыков», по всей видимости, с разведывательными целями появился на р. Эмбе уже в 1608 г., напугав кочевавших по Яику ногаев, среди которых прошел слух о том, что ездившие в том году в Москву ойратские послы получили там разрешение подчинить ногаев власти ойратских тайшей [3, с. 56]. С того времени «калмыки» все чаще обнаруживаются в данном районе.

В конце 1613 г. правительство царя Михаила Федоровича впервые после Смутного времени снарядило посольство к персидскому шаху Аббасу, которое из-за невозможности проезда в Персию морем через Астрахань, занятую в то время мятежным атаманом Иваном Заруцким, вынуждено было ехать кружным путем вокруг Каспийского моря Ногайской степью к Яику, а оттуда через «Юргенчь» (Хиву) дальше в Персию. В сообщении об этом посольстве содержится ценное указание на присутствие ойратов за Волгой, где обстановка была неспокойной ввиду постоянных стычек ногаев с «калмыками»: «А как де только, государь, на реках лед вскроется и снега последние сойдут, и конский корм будет, тогда де, государь, Колмыки и Нагаи лошади откормят, и без людей в степи не будет, потому меж себя Колмыки и Нагаи учнут подъезды чинить (т.е. совершать друг на друга внезапные нападения. – В.С.), тогда де, государь дорогою будет не проехать» [18]. Эта территория надолго стала ареной военных действий между ойратами и ногаями.

Показания русских и калмыцких источников позволяют уточнить время поселения

торгутов в междуречье Эмбы и Яика и установить, кто первым из торгутских правителей это сделал. Сначала в этом районе обосновались кочевавшие отдельно от своего отца сыновья Хо-Урлюка Шукур-Дайчин и Лоузан. Что же касается самого Хо-Урлюка, то он появился здесь позднее, прикочевав к Эмбе в 1635 г., а на Яике расположился своими кочевьями в 1642 г. [9, с. 109] Возможно, причиной перемещения Хо-Урлюка со своим улусом ближе к своим сыновьям послужил конфликт 1635 г. между ним и дэрбэтским Далаем-тайшей, приведший к военным действиям. Отношения между правителями двух крупнейших ойратских улусов, кочевавших вблизи русских границ, серьезно обострились, по всей видимости, после победы группировки Далая над мятежником Чокурмом. Далай-Батыр хотел, как полагала П.С. Преображенская, «подчинить своей власти Урлюка, заставить его кочевать совместно, запретить Урлюку вести самостоятельно сношения с русскими, ногаями и т.д.» [9, с. 101]. В свою очередь Хо-Урлюк в 1632 г. донес русским властям, что именно улусные люди Далая вместе с казаками совершали нападения на русских «ясашных людей», грабили их и уводили в плен. Он также сообщил о предполагавшемся походе тайшей из группировки дэрбэтского правителя на русские владения («ныне де Талай и Кушей и Тайгуш тайши хотят улусных своих людей войною послать, а под которой город, тово ... Урлюк-тайша не сказал») [1, с. 189]. В этом поступке Хо-Урлюка можно видеть такую характерную особенность внутриойратской политики, когда враждебные отношения между кочевыми группировками «проявлялись не только в вооруженных столкновениях, но и в попытках каждой из них натравить на другую русские власти, сваливая друг на друга вину за нападения на русские поселения и на русские ясачные волости» [2, с. 149].

Таким образом, двое бывших союзника превратились в соперников, и вражда между ними, как отмечается историками, «длилась много лет и была унаследована не только их сыновьями, но и внуками» [9, с. 101]. В 1633 г. Дайчин говорил русским представителям, что у него под началом находится 10 тысяч воинских людей, а у его отца Хо-Урлюка – 12 тысяч [9, с. 88]. Годом позже, в 1634 г. некто, бежавший из калмыцкого плена, сообщил в Астрахани, что у Хо-Урлюка «на конь садитца тысяч з 20» [9, с. 88]. Столь значитель-

ное прибавление народу в его улусе могло прозойти только за счет рядовых калмыков, принадлежавших Далаю и другим тайшам. Это не могло не вызвать негативной реакции у других «больших тайшей», кочевавших в восточной части прикаспийских степей и в Приуралье.

В 1630 г. послы Далай-Батыра Балта и Баучин говорили в Москве в Посольском приказе о том, что у дэрбэтского правителя под началом находится 16 тыс. «воинских людей» и еще 20 тыс. у 4 его сыновей [1, с. 149]. У других «больших тайшей», кочевавших отдельно от группировки Далая, как сообщил их представитель «Мурзей с товарищи» в Посольском приказе в январе 1632 г., было «воинских людей, которые у них на конь сядут, всех з 20600 человек, а ... черных людей, колмацких, и ясырю по смете с 50000 и больше» [1, с. 173]. Эти и другие сведения о численности ойратских кочевых группировок, сохранившиеся в русских архивных документах, позволяют установить приблизительное количество прикочевавших к границам Русского государства «калмыков». По оценке С.К. Богоявленского, с которой согласна и П.С. Преображенская, «общее число калмыков определялось приблизительно в 80 тыс. воинов и 200 тыс. черных людей и ясыря (пленных. – В.С.)» [3, с. 87; 9, с. 88]. При этом следует иметь в виду, что в 30-х гг. XVII в. не все ойратские улусы, кочевавшие в междуречье Эмбы и Яика, обосновались здесь надолго. Подробно изучавший этот вопрос М.М. Батмаев обращает внимание на то, что «... кочевание здесь некоторых улусов, – как правило в верховьях Яика, подальше от Астрахани, – было временным, непрочным: при нежелательном для них изменении политической ситуации улусы уходили далеко на восток, далеко от Яика, а тем более Волги» [13, с. 44].

Присутствие значительного количества воинственных кочевников в этом регионе и продолжающиеся военные действия способствовали прекращению выгодной сухопутной торговли между Русским государством и среднеазиатскими ханствами. От этого несли одинаковые убытки обе стороны. Торговые караваны, направляясь в Хивинское и Бухарское ханства и возвращаясь обратно, во время прохождения через здешние степи, подвергались разграблению «калмыками». Поэтому хивинский хан Исфендиар уже в 1633 г. предложил в своем послании русскому царю Михаилу Федоровичу совместно

выступить против «калмыков», чтобы отогнать их от Эмбы и восстановить торговлю («... чтобы их с того места збить, и попрежнему б торговым людем на обе стороны дорога очистилась») [19]. В ответной грамоте царь Михаил Федорович дал на это свое согласие, однако задуманный план не удалось осуществить. Ойраты продолжали нападать на проходящие караваны, и в торговле между русскими городами и среднеазиатскими торговыми купцами приходилось пользоваться морским путем, следуя из Астрахани в так называемое Кабалакытское пристанище на полуострове Мангышлак [19, с. 143-146; 12, р. 83-84].

Весной 1635 г. улус Хо-Урлюка подвергся нападению так называемых «чекарских калмыков», которые действовали сообща с казахами, находившимися под властью царевича Казахской орды Янгира [3, с. 72]. Под «чекарскими калмыками» в русских документах того времени подразумевались, судя по всему, бывшие улусные люди хошутского Чокура-тайши, сделавшиеся после его гибели подданными Далай. Многие из людей торгутского тайши были убиты, а многие взяты в плен. В источниках нет прямых указаний об исходе этой войны. Однако известно, что в это время на старой родине ойратов, в степях Джунгарии произошли знаменательные события, имевшие судьбоносное значение для всего ойратского мира.

К середине 30-х гг. XVII в. централизованная политика джунгарского правителя Хара-Хулы принесла свои плоды. Его сила и влияние во второй половине 20-х – начале 30-х гг. еще более увеличились. Успехи джунгарской группировки в последней войне с государством Алтын-хана снискали ему авторитет и уважение среди правителей других ойратских улусов. Хотя роль джунгарского тайши в происходивших событиях не совсем ясна, но вполне можно допустить, что Хара-Хула сумел извлечь выгоду из междоусобиц в стане своих противников из числа «больших тайшей» и укрепил мощь своих владений. Предприимчивый и дальновидный правитель, он был решительным сторонником объединения ойратских улусов под крепкой центральной властью. В своей политике он получил поддержку со стороны большинства мелких и средних ойратских феодалов, которые страдали от вторжения чужеземных войск и внутренних феодальных усобиц. Они, как и их улусные люди, больше всего были заинтересованы в поддержании мира и

спокойствия в ойратских кочевьях. Деятельность Хара-Хулы объективно отвечала интересам всего ойратского общества, так как только сильная центральная власть могла положить конец бесконечным конфликтам, раздорам и междоусобной борьбе внутри страны и организовать успешный отпор нападениям извне.

В такой обстановке происходила консолидация разрозненных ойратских феодальных владений в объединенное ханство под властью джунгарского тайши Хара-Хулы. Тогда же произошел раскол в северо-западной группировке ойратских владетельных князей, разрыв между торгутским Хо-Урлюком и дэрбэтским Далай-Батыром и постепенное сближение последнего с юго-восточной или джунгарской группировкой, которую возглавлял Хара-Хула. Этот шаг дэрбэтского правителя, несомненно, был продиктован растущим ослаблением влияния его улуса в Ойратском союзе. По словам калмыцкого историка XVIII в. Габан Шараба, «он лишился своего улуса из-за того, что позволил своей жене управлять им. Одни говорят, что он лишился улуса, потому что убил своего [старшего. – В.С.] сына Манзу. Другие говорят, что он лишился своего улуса из-за болезни» [20]. Далай-Батыр умер в 1637 г. [1, с. 102], после чего его некогда могущественный улус, бывший главной силой в составе старого союза дурбэн-ойратов, распался, а на его место снова вернулись хошуты и джунгары, чтобы сделаться соперниками в союзе.

Подробности внутренних перемещений в Ойратском союзе и в самой джунгарской группировке, а также события, непосредственно предшествовавшие образованию Джунгарского ханства (1635-1758), в подробностях не известны. Однако не приходится сомневаться в том, что Хара-Хуле пришлось преодолевать сопротивление крупных феодалов-противников объединения. Сконцентрировав у себя в улусе большую власть в своих руках и располагая значительными военными силами, превосходящими силы других джунгарских нойонов вместе взятых, он смог заставить их повиноваться. В «Истории дурбэн-ойратов» Габан Шараба содержатся глухие упоминания о тех событиях в разделе «Дела поздних ойратских зайсангов», где он пишет: «Когда хотели Хара-Хулу поймать, от того удержал Далай-Тайши, сказав, что выюк большого верблюда годовалый верблюжонок поднять может

ли» [21, с. 157]. Примечательна сохранившаяся в народной памяти высокая оценка личных качеств Хара-Хулы, которого сравнивают со зрелым и полным сил верблюдом, в то время как его противники уподобляются слабым и малосильным верблюжатам.

Хара-Хула умер в 1634 г., но его централизаторская политика была продолжена его старшим сыном Хотогочином, вошедшим в историю Центральной Азии под именем Эрдэни-Батура-хунтайджи (1635-1653). При нем в следующем, 1635 г. было провозглашено Джунгарское ханство. Об этом событии сибирский летописец Черепанов писал: «В сих летах начало свое возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Кара-Кулы тайши сын Батур тайша благоразумием и храбростью своей, как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил, и часть Бухарии завоевал, и с того времени как в 1635 г. он, Батур тайша, стал именоваться контайша» [2, с. 151]. Джунгарское ханство, просуществовавшее до 1758 г., со временем объединило все разрозненные этнополитические объединения джунгаров, хойтов, отчасти дэрбэтов и хошутов, обитавших в Джунгарии, Западной Монголии и Притяньшанье. Современный исследователь истории Джунгарского ханства В.А. Моисеев в связи с этим отмечает: «Необходимость сохранить классовое господство над массой аратов (рядовых кочевников) и рабов, населением завоеванных территорий, ожесточенная борьба с Цинской империей, наряду со всегда существовавшими в Монголии идеями единства привели к высокому уровню централизации власти в Джунгарском ханстве, более прочной и эффективной государственности по сравнению с соседними кочевыми и земледельческими государствами Средней и Центральной Азии» [22].

Возвышение этнополитического объединения джунгаров и образование Джунгарского ханства способствовало укреплению Ойратского союза в целом. Происходит массовое возвращение ойратских владетельных князей в степи Джунгарии и Восточного Туркестана, ставшими основной территорией ойратского государства [2, с. 150]. В то же самое время Ойратскому союзу пришлось выдержать еще одно испытание на прочность и доказать силу объединившихся для достижения одной цели и действовавших совместно ойратских правителей. Это было сразу же отмечено русскими властями Сибири. В «отписке» (донесении) тобольского во-

своды П.И. Пронского в Сибирский приказ сообщалось, что в 1636-1638 гг. «колмацких воинских приходов под ... государевы города и на уезды, и на волости, и под слободы не было для того, что они были 2 годы в войне в Мугальской и в Китайской земле и в Кутанах (очевидно, имеется в виду княжество Хотан в Восточном Туркестане. – В.С.), а во 146 (1638 г. – В.С.) году пошли под бухарские города» [1, с. 181].

Хотя в первой половине 30-х гг. XVII века джунгары превратились в Ойратском союзе в силу, с которой необходимо было считаться, однако титул их правителя «хунтайджи», восходящий к китайскому титулу юаньского периода хуан тайцзы, т.е. «имперский принц-наследник», указывает на то, что он занимал положение, уступающее по своему значению положению хана. Хошуты в силу своей многочисленности по-прежнему занимали в союзе доминирующее положение. Поэтому во главе Ойратского союза стал хошутский правитель Төрүбайху Гуши-хан (1582-1654), сменивший на посту председателя чулгана своего старшего брата Байбагас-Баатура после его гибели. Он женился на вдове покойного брата и сделался главным тайшей у хошутов. Согласно ойратским источникам, обстоятельства получения джунгарским правителем своего титула связаны с внешнеполитической деятельностью Гуши-хана и его ведущей ролью в утверждении теократии в Тибете [23]. Поскольку среди ойратов буддизм с самого начала утвердился в форме учения «желтошапочной» секты (школы Гелуг), то Тибет сделался для них, как и для монголов, а в дальнейшем для калмыков религиозным и духовным центром, своего рода тибетским «Ватиканом».

Упрочение своего влияния в Монголии, и в особенности в Джунгарии, было крупным успехом «желтошапочной секты» во главе с Далай-ламой, хотя ее положение в самом Тибете было далеко не благополучным. Она терпела поражение в разгоревшейся здесь религиозной войне с «красношапочной» сектой (школой Карма). Приверженец этой школы, светский правитель центральной тибетской области Цзан по имени Пунцок Намджал в 1611 г. захватил Лхасу [24]. IV Далай-лама Ёндон-чжамцо (Ёнтен Гьяцо, 1589-1617), кстати сказать единственный монгол на троне верховного ламы Тибета за всю историю ламаистской церкви, до своей смерти жил под постоянной угрозой со сто-

роны «красношапочников» и правителей Цзана, а монгольский отряд, приведенный им из Монголии, был изгнан из Тибета [25].

Казалось, что гибель школы Гелуг близка и неминуема. Ее приверженцы подвергались преследованиям и вынуждены были бежать на север страны. Многие монастыри «желтошапочников» были разграблены, а некоторые из них силой превращены в монастыри школы Карма. Найденного в 1619 г. нового «перерожденца» Далай-ламы Ёндон-чжамцо, V Далай-ламу Агван Лобсан-чжамцо (1617-1682), опасаясь за его жизнь, тщательно скрывали от посторонних глаз, так что никто не знал, кто он и где находится [25]. Усиление влияния «красношапочной» школы в Центральном Тибете и его столице Лхасе, издавна являвшейся оплотом лам – «желтошапочников», означало низвержение их власти здесь, а также их подавляющего влияния среди монголов. В лагере ее союзников оказались крупнейшие восточномонгольские феодалы правитель Чахарского ханства Лигдан-хан (1594-1634) и халхаский Цогту-тайджи.

Чахаром называлась область в Южной Монголии, а ее правитель Лигдан-хан, старший в роду монгольских князей – чингисидов, был последним обладателем передававшейся из поколения в поколение яшмовой печати правившей в Китае монгольской династии Юань. Он проводил централизаторскую политику и оказал решительное сопротивление захватническим планам маньчжурского хана Абахая в отношении Южной Монголии. Потерпев поражение в генеральном сражении с маньчжурскими завоевателями, с остатками своих войск Лигдан-хан отступил в Кукунор, где он внезапно умер от оспы. Это произошло в 1634 г.

Вскоре сюда прибыл халхаский князь Цогту-тайджи, враждебно относившийся к «желтошапочникам». Он был ревностным приверженцем «красношапочной» секты и строил «красношапочные» монастыри. Единственным из князей Халхи, он вступил в союз с Лигдан-ханом и оказал поддержку проводимой им политике объединения Монголии для борьбы против экспансии маньчжуров. Цогту-тайджи занял район Кукунора, подавив сопротивление кукунорских князей, поддержавших V Далай-ламу в его борьбе с цзанским правителем Пунцок Намджалом. Укрепившись в Кукуноре, он собрал там за короткое время крупные силы, по некоторым данным, до 40 тыс. воинов и

намеревался вторгнуться в Тибет.

В этих условиях руководство школы Гелуг приняло решение искать помощи у влиятельных ойратских нойонов Джунгарии. Инициатива тайно снарядить и отправить послов к своим ойратским приверженцам принадлежала, по всей видимости, Панчен-ламе, так как V Далай-лама был еще молод. Как сообщает Сумба-Хамбо, с дипломатической миссией к ойратам отправился монах по имени Гару-лозава, который по прибытии в Джунгарию «доложил хану и высокопоставленным чиновникам о том, что цзанский царь и другие имеют стремление погубить желтую религию, они очень ненавидят желтошапочников и проявляют к ним жестокость...» [26]. В ойратских источниках посланца Панчен-ламы называют Энсэ-хутугтой [27]. Ойратские князья благосклонно приняли у себя тибетского ламу и после обсуждения на своем съезде просьбы о помощи ламаистских иерархов постановили отправить в Тибет объединенное войско дурбэн-ойратов. Командование войском принял на себя председатель Ойратского союза хошутский князь Гуши-хан.

Гуши-хан, родившийся в 1582 г., был четвертым сыном хошутского правителя Хани-нойон Хонгора и вместе со своими старшими братьями Байбагасом и Кундулэном-Убаши пользовался среди ойратских князей большим влиянием. С ранней молодости он принимал участие в военных походах и отличился на военном поприще. Ойратский князь оставил о себе память как ревностный приверженец ламаизма, по его приказу были переведены с тибетского языка сутра «Алтан гэрэл» и другие религиозные сочинения [28]. Как опытный полководец Гуши-хан не стал поспешно отправлять войска в Тибет, а счел необходимым сначала произвести разведку – лично встретиться с Далай-ламой и Панчен-ламой и узнать подробности на месте.

В 1635 г. Гуши-хан, джунгарский Батур-хунтайджи – всего 10 человек под видом паломников отправились в Тибет. В это время Цогту-тайджи отправил своего сына Арслана с 10-тысячным отрядом в Тибет на помощь своим союзникам. По дороге он встретился с ойратскими нойонами в районе Амдо, у оз. Тенгри-нор, и они вместе прибыли в Страну снегов. Гуши-хану удалось убедить Арслана не начинать военные действия. «Пока они ехали вместе, – сообщает Сумбо-Хамбо, – Гуши внушал и доказывал

ему причины того, почему нельзя наносить вреда желтошапочной религии, а Арслан запомнил и обдумал все слова...» [26, с. 62]. Затем со своей личной охраной, оставив войска у Тенгри-нора, он прибыл в Лхасу, где встретился с V Далай-ламой. Арслан даже готовился вступить в сражение с его противниками. Эти действия Арслана вызвали крайнее недовольство у цзанского правителя и у лам – «красношапочников», которые уже готовили «Варфоломеевскую ночь» своим собратьям из школы Гелуг. Они поспешили донести Цогту-тайджи об отказе его сына начать войну с Гелуг. Разгневанный Цогту-тайджи распорядился убить его: и Арслан пал от руки подосланных к нему убийц [25, с. 84; 26, с. 62-63].

В это самое время Гуши-хан и Батур-хунтайджи провели переговоры с иерархами ламаистской церкви Далай-ламой и Панчен-ламой и обсудили сложившуюся ситуацию. Они также приняли участие в религиозной церемонии Молом в монастыре Дашилхумпо [29]. После этого ойратские князья вернулись в Джунгарию, откуда в 1636 г. они во главе объединенного войска Ойратского союза отправились в Кукунор на войну с Цогту-тайджи.

В военной кампании 1636-1637 гг. принимали участие князья из большинства ойратских этно-политических объединений: от хошутов – Гуши-хан и Дуургэчи-нойон, от элетов (джунгаров) – Батур-хунтайджи и Мэргэн-Дайчин, от торгутов – Тэнэ-Мэргэн-Тэмэнэ, Мэргэн-Джинон и Гомбо-Йэлдэнг, от хойтов – Султан-тайши и Сумэр-тайши, от дэрбэтов – Далай-тайши, Бумбу-Йэлдэнг и другие [27, с. 164-165]. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой кампании не участвовали Хо-Урлюк и его сыновья Шукур-Дайчин и Лоузан. Первого числа первого месяца года «огненного быка» (1637 г.) ойратское войско, насчитывавшее 10 тыс. воинов, на окраине Кукунора вступило в бой с 30-тысячным войском Цогту-тайджи и в большом сражении наголову разгромило его. Как сообщают тибетские источники, битва была столь ожесточенной и кровопролитной, что две реки, протекающие на севере от озера Кукунор и несущие свои воды в это озеро, окрасились кровью [26, с. 64]. Ойратское войско имело следующее построение: в центре находились хошуты. На левом фланге сражалось войско элетов, которое называли «зюнгарын цэрэг», то есть войском левого крыла,

«джунгарским войском». На правом фланге стояли торгутские воины, а в арьергарде находились дэрбэты и хойты. Анонимный автор ойратского исторического сочинения «История Хо-Урлюка» сообщает, что с этого времени за элётами закрепилось название «зюнгар» (джунгары) [27, с. 165]. Остатки разгромленного монгольского войска рассеялись, а самого Цогту-тайджи, нашли в норе тарбагана, где он скрывался, и убили.

Когда победители овладели всем Кукунором и ойратское войско собралось возвращаться на родину, Гуши-хан решил остаться на месте. При этом он будто бы сказал своим соратникам Батуру-хунтайджи и Мэргэн-джинону: «Как я буду жить один среди многочисленных, как муравьи, тангутов (тибетцев. – В.С.). Вы оба, вернувшись назад, пришлите мне сюда моих подвластных албату» [27, с. 133]. В 1638-1639 гг. в Кукунор откочевала из Джунгарии основная масса его подданных хошуттов и часть торгутских владетелей (Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ и др.), не связанных с группировкой Хо-Урлюка [30]. Перемещение в Кукунор значительной части хошуттов, которые расселились там и стали кочевать совместно с торгутами, было вызвано потребностями экономического развития ойратского общества того времени, необходимостью ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий. В этом отношении Кукунор полностью удовлетворял ойратских правителей. Там имелись хорошие климатические условия для развития кочевого скотоводства и привольные степи, богатые травами и источниками воды. Кроме того, Кукунор как непосредственное преддверие в Тибет мог служить хорошим плацдармом для вторжения во внутренние области Тибета и установления там своего влияния.

Поэтому хошутские феодалы прочно обосновались в Кукуноре. Гуши-хан разделил свои владения в Кукуноре на два крыла – правое и левое, во главе которых поставил своих десятерых сыновей. Здесь появилось новое государственное образование ойратов – Хошутское ханство, просуществовавшее до 1723 г.

В 1638 г. Гуши-хан совершает еще раз паломничество в Тибет к Далай-ламе Агван Лубсан-чжамцо. V Далай-лама пожаловал ему титул «Данзин-Чойджал» («Царь законов и опора религии») [26, с. 65]. В свою очередь, Гуши-хан наделил сановников из свиты Далай-ламы монгольскими титулами да-

лама, тайджи, даян и др., которые тибетские чиновники высших рангов носили вплоть до середины XX века [25, с. 84]. Сумбо-Хамбо в своей «Истории Кукунора» рассказывает о том, что возвращавшемуся в Джунгарию своему боевому соратнику, джунгарскому правителю Хотогочину Гуши-хан пожаловал титул Батур-хунтайджи, множество подарков и отдал в жены свою дочь Аминтару [26, с. 65]. Это противоречит сообщению П.С. Палласа о Батуре-хунтайджи, о котором он писал: «После смерти своего отца Харахуллы, которая случилась в 1635 г. (на самом деле она произошла в 1634 г. – В.С.), он получил от Далай-ламы грамоту на титул хунтайджи и имя Эрдэни-Батур» [31]. На самом деле есть основания думать, что Батуру-хунтайджи его титул пожаловали совместно Гуши-хан и Далай-лама [32]. Сопrotивление тибетцев было слабым, за исключением осады Шигацзе, столицы Цзана, где засел Пунцок Намджал с остатками своих войск. В осаде Шигацзе принимали участие и вооруженные отряды V Далай-ламы. Это событие относится к 1642 г. Овладев крупным административным центром, Гуши-хан смог установить свою власть над всем Тибетом и занять «высокий трон тибетских царей» [26, с. 67].

Однако, опасаясь выступлений тибетцев против чужеземных правителей, Гуши-хан в том же 1642 г. передал верховную власть над всем Тибетом V Далай-ламе Агван Лубсан-чжамцо. Этот шаг Гуши-хана был встречен ламаистскими иерархами с большим удовлетворением. Тем не менее хошутский князь при своей жизни сохранил за собой фактическую власть над страной, поскольку верховное командование над ойратскими и тибетскими войсками было сосредоточено в руках Гуши-хана. Сформированное правительство Далай-ламы возглавлялось регентом и целиком зависело от Гуши-хана, обосновавшегося со своими войсками в северо-восточном Тибете в местности Дам, а его войска были поселены по берегам рек Мрачу (Хуанхэ) и Нагчу. Сам Далай-лама мог вмешиваться только в те светские дела, которые представляли собой важность. Столицей единого Тибета была официально провозглашена Лхаса, резиденция Далай-ламы и его правительства.

Гуши-хан умер в 1654 г. в возрасте 73 лет. Его преемникам не удалось сохранить свои позиции в Тибете. Деятельность Гуши-хана способствовала окончательно-

му утверждению теократии в Тибете и абсолютному преобладанию желтошапочной секты в стране, что отразилось и на политическом строе Тибета. V Далай-лама Агван-Лубсан-чжамцо стал главой тибетского государства, сосредоточившем в своих руках верховную светскую и религиозную власть, и вошел в историю под названием «Великого Пятого».

К середине XVII в. в результате разделения и расселения ойратов их кочевья простирались от низовьев Волги на западе до Великой Китайской стены и предгорий Тибета на юго-востоке. Военная и политическая активность крупных ойратских этнополитических объединений предопределила появление на карте Евразии трех государственных образований кочевников – Джунгарского ханства (1635-1758 гг.) в Джунгарии и Западной Монголии, Хошутского ханства (конец 30-х гг. XVII в. – 1724 г.) в Кукуноре и Калмыцкого ханства (70-80-е гг. XVII в. – 1771 г.) в Нижнем Поволжье. В это время во внутренней жизни ойратов произошли два крупнейших культурно-исторических события – Джунгарский съезд монгольских и ойратских владетельных князей в 1640 г. и создание в 1648 г. выдающимся ойратским просветителем и религиозным деятелем Зая-пандитой (1599-1662) ойратской национальной письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») на основе старомонгольской вертикальной письменности.

В это время на востоке Монголии усилилась угроза маньчжурской агрессии. Прежде, чем завоевать огромную Минскую империю, правители централизованного военно-феодального государства маньчжуров, возникшего на территории нынешнего Северо-Восточного Китая, в 20-30-х гг. XVII в. подчинили себе одно за другим княжества Южной Монголии, подкупая одних монгольских князей и силой оружия подавляя сопротивление других. На очереди была Халха (Северная или Внешняя Монголия). В этих условиях самые влиятельные и могущественные феодалы Халхи – Дзасагту-хан, Тушэту-хан и Цэцэн-хан, видя явную неспособность разобщенных монгольских княжеств в одиночку противостоять натиску маньчжурских завоевателей, решили пойти на союз с ойратами. В ответ на предательскую деятельность феодальной знати Южной Монголии они, забыв на время о старых распрях с ойратами, постановили провести свой собственный съезд совместно

с ойратскими правителями.

Подробные данные о том, как готовился и как проходил съезд монгольских и ойратских феодалов, отсутствуют. В литературе существует ошибочное мнение о том, что съезд был создан по инициативе джунгарского Батура-хунтайджи в его владениях [2, с. 172, 177; 33; 34]. На самом деле, инициатива проведения съезда исходила, как можно уверенно предположить, от правителей трех самых крупных ханств Северной Монголии. Не случайно, имена двух из них Дзасагту-хана Субуди и Тушэту-хана Гомбодорджи первыми значатся в списке участников съезда, помещенном в преамбуле «Великого уложения». Вместо Цэцэн-хана Шолоя на съезде присутствовали двое его сыновей: Эрдэни-хунтайджи и Далай-хунтайджи [34, с. 13]. Очевидно, что правители Халхи, опасаясь испортить «дружественные» отношения с маньчжурскими завоевателями, не рискнули проводить съезд в своих владениях, а провели его на территории Джунгарии³.

Съезд собрался в начале сентября 1640 г. в урочище Улан-бураа на Тарбагатае во владениях влиятельного хошутского правителя Очирту-тайджи (в будущем известного как Очирту Цэцэн-хан) [29, х. 80; 34, с. 3]. Именно к нему могли приехать монгольские князья-чингисиды, не умаляя своего достоинства, так как только хошутские князья среди ойратов считались по своему происхождению выходцами из «Золотого рода» Борджигид. Известно, что на съезд съехались владетельные князья и крупные феодалы Халхи, Джунгарии и Кукунора, а также правители волжских калмыков, поселившихся в степях Северного Прикаспия. Отсутствовали на нем только представители княжеств Южной Монголии, оказавшиеся под властью маньчжурского хана. По сообщению ойратского источника «Биография Зая-пандиты», на этом съезде-чуулгане «первенствовали Дзасагту-хан и два ойратских тайджи» [35], под которыми имеются в виду правитель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи и хошутский Очирту-тайджи.

Ойратский первосвященник Зая-пандита, осенью 1639 г. вернувшийся на родину из Тибета и зимовавший в кочевье Очирту-тайджи, в работе съезда не участвовал. Он в это время находился во владениях монгольского Дзасагту-хана, исполняя свои миссионерские обязанности («удовлетворяя потребности «имеющих [счастливую]

судьбу» (т.е. представителей знати. – В.С.) в Учении [Будды]), как сказано в его «Биографии» [35, с. 43]. Зато на съезде присутствовали и принимали активное участие другие высшие иерархи ламаистской церкви и личные представители Далай-ламы в Монголии и Джунгарии. Во вводной части (преамбуле) «Великого уложения» названы имена этих трех святителей – хутугт, в присутствии которых оно было принято: Инзан-римбочи, Акшоби Манджушири и Амуга-шиди (Манджушири) [34, с. 13]. По мере роста влияния и могущества ламаистской церкви высшие ламы начинают всё активнее вмешиваться в политическую жизнь монгольского и ойратского общества и их взаимоотношения с соседями.

В работе съезде приняли участие почти все ойратские владетельные князья: правитель Джунгарского ханства Батурхунтайджи с сыном Цэцэн-тайджи и младшими братьями Чуукэром и Мэргэн-Дайчином; дэрбэтские правители – сыновья умершего в 1637 г. Далай-Батыра Дайчин-Хошуучи и Тэнгэри-Тойн и брат покойного тайши Бу-Йэлдэн; хошутские правители Кундэлэн-Убаши и Гуши-хан, а также предводитель хошуттов, оставшихся в Джунгарии, сын Байбагас-Батура Очирту-тайджи. Торгуты были представлены на съезде правителями обеих торгутских группировок: от волжских торгутов – тайша Хо-Урлюк с сыновьями Шукур-Дайчином и Йэлдэном, а от торгутов, оставшихся в Джунгарии, – князь Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ, названный в преамбуле «Великого уложения» Мэргэннойоном [34, с. 13; 36]. Там же, в преамбуле, упомянуты и некоторые другие ойратские правители меньшего ранга [34, с. 13].

Джунгарский съезд явился одним из наиболее значительных событий в политической жизни монголов и ойратов. На нем был принят кодекс монголо-ойратских законов «Великое уложение» (калм. название «Йэкэ цааджин бичиг»), которым должны были руководствоваться монгольские народы. Подлинный текст «Уложения» на монгольский язык до нас не дошел, лишь только у волжских калмыков сохранились копии на ойратском языке, переложенные на зая-пандитскую письменность. Это объясняется тем, что после утраты Северной Монголией своей независимости в конце XVII в. все монгольские оригиналы «Уложения» были уничтожены по приказу маньчжурских правителей.

Так как съезд проводился в наиболее критическое для внешнеполитического положения Монголии время, то во главу угла на нем, судя по тексту «Великого уложения», был поставлен вопрос о том, как возродить внутреннее единство и совместными силами оказать отпор маньчжурской экспансии. Известный монголист Н.Н. Поппе, говоря о значении этого исторического документа, называл первую часть его «первым в истории не только монголов и калмыков, но вообще первым в истории народов всего мира пактом о ненападении и о наказании агрессии» [37]. В случае нападения агрессора на одно из монгольских или ойратских княжеств все монголы и ойраты должны были объединиться и наказать нарушителя мира. Всё его имущество и скот подлежали конфискации, причем одну половину конфискованного следовало отдать потерпевшим от нападения, а другую поделить поровну между монгольскими и ойратскими князьями [2, с. 173-174; 34, с. 13-14; 36, с. 36].

Хотя текст «Уложения» составлен в общих выражениях, и в нем агрессор (дайсун) напрямую нигде не называется, не приходится сомневаться в том, что речь здесь идет именно о маньчжурских завоевателях, непосредственно угрожавших княжествам Халхи. Для борьбы с ними всё население Монголии и Джунгарии обязано было участвовать в равной степени. Никто не освобождался от этой обязанности. С целью мобилизации всех сил предписывалось применять суровые наказания (смертную казнь, конфискации имущества, штрафы) ко всем членам общества, от владетельного князя до простолюдина, уклонявшимся от участия в военных действиях. Причем строгие наказания грозили рядовым воинам не только за то, что они не оказали своим князьям, находившимся в опасности, помощи в бою, но и за более мелкие проступки, такие как несообщение о появлении противника, неявка по сигналу тревоги в ставку своего князя, бегство с поля боя. Высшей мерой наказания для владетельных князей пограничных районов, которые, получив известие о нападении на монголов и ойратов, не выступали против неприятеля, был огромный штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей [34, с. 14; 36, с. 36].

Участники съезда постарались урегулировать также и внутренние взаимоотношения монгольских и ойратских владе-

тельных князей и достичь политического соглашения друг с другом. Для этого необходимо было ликвидировать халхаско-ойратские противоречия и покончить со старыми спорами и взаимными претензиями, таившими в себе возможность вооруженных конфликтов и междоусобных войн. Особенно остро стоял вопрос о самовольных откочевках крепостных аратов от их феодальных владык. На съезде была достигнута договоренность кочевые улусы баргутов, батутов и хойтов, находившиеся с 1618 по 1628 в Монголии, оставить во владении монголов, а улусы, находившиеся у ойратов в тот же период, оставить во владении ойратов. Все другие аратские семьи, кроме принадлежавших к перечисленным улусам, следовало вернуть прежним владельцам. На тех князей, кто осмелились приютить у себя беглецов, за каждого из них налагался штраф в размере 20 лошадей и 2 верблюдов, а задержанных перебежчиков полагалось вернуть туда, откуда они бежали. Нашел разрешение и вопрос о крепостных аратах халхаского Цогтунтайджи (погиб в 1637 г.), которые, спасаясь от смуты после изгнания их князя из Халхи в Южную Монголию, нашли себе убежище во владениях ойратских правителей. Законодатели согласились оставить их у их новых хозяев [34, с. 14; 36, с. 36].

Основная часть законов «Великого уложения» была направлена на то, чтобы кодифицировать нормы обычного права в интересах феодальной верхушки и юридически закрепить сложившиеся у монголов и ойратов феодальные общественно-экономические отношения. Об этом пишут все авторы, говоря об общественном строе ойратов. В то же время необходимо отметить, что ойратские князья – участники съезда, предвидя дальнейшее ухудшение положения простого народа, пытались в какой-то мере ограничить полный произвол феодалов в их улусах над рядовыми членами общества. Об этом писали калмыцкие историки Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень [7, с. 32-33; 21, с. 145]. Вот что сообщает по этому поводу хошутский нойон Батур-Убаши Тюмень в своей «Истории дурбэн-ойратов: «Князья дурбэн-ойратов, собравшись на съезд, на котором было принято «Уложение», совместно обсудили его и торжественно поклялись: «Не будем сеять рознь, действуя через природных монголов. Людей одного

с нами роду-племени, даже если они объединились и сделались крепостными (албату), не будем держать в услужении для черной работы и отдавать в приданое за своими дочерьми... Не будем сеять рознь и отдавать их [в собственность] людям иного роду-племени... Не будем проливать их кровь... Не только мы, но и потомки наши из рода в род, да не будем делать зла друг другу». В дальнейшем большинство князей забыли и думать о соблюдении этой клятвы, и только Далай-хунтайджи, третий сын хошутского Гуши-хана, и правитель волжских торгутов Аюка-хан, как указывал хошутский нойон, смогли сохранить верность ей [7, с. 32-33; 38].

Мирное и объединительное направление деятельности Джунгарского съезда монголо-ойратских князей 1640 года полностью соответствовало национальным интересам обоих монгольских народов. Его решения могли стать прочной основой для укрепления внутренних феодальных порядков в стране и обеспечения политической самостоятельности Монголии. Однако этого не произошло. С середины 40-х годов XVII в. среди нойонов Джунгарии начались междоусобицы. Территориальные и династические споры в обеих частях Монголии привели к срыву принятых на съезде соглашений. Разрыву союзных отношений в немалой степени способствовала и закулисная деятельность императоров маньчжурской династии Цин, установивших свое господство над Китаем.

Джунгарский съезд 1640 г. был последним общеойратским мероприятием, в котором принимали участие правители волжских калмыков. В дальнейшем у них «в середине столетия на основе развития традиционных институтов кочевого общества началось становление калмыцкой государственности», и этот процесс «проходил в условиях интеграции в состав Российского государства» [39]. События 20-30 гг. XVII в. в ойратском обществе сыграли немаловажную роль в обретении калмыками новой родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассматриваемая нами «Повесть» хорошо известна в научной литературе с середины XIX в. под названием «Моңһлын Увш-хун-тээжин тууж оршв» («Повесть о монгольском Убаши-хунтайджи») (См.: Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1975. С. 60-64; он же. Гл. 1. Возникновение ойратской литературы // История калмыцкой литерату-

ры. Т. 1. Дооктябрьский период. Элиста, 1981. С. 215-219; Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Пер. с калм. / Редактор-составитель А.В. Бадмаев. Элиста, 2003. С. 34-78). Она представляет собой ойратскую историческую песнь о том, как ойраты одержали победу над монгольским князем Убаши-хунтайджи. Эта «Повесть» является не только замечательным литературным произведением, но и ценным историческим источником. В ней о событиях 1623 г. рассказано в реалистической манере, правда, с элементами гиперболизации, свойственной произведениям устного народного творчества. Действующими персонажами «Повести» являются реальные исторические личности – монгольский Шолой Убаши-хунтайджи и ойратские правители Эсэльбэйн Сайн-Ка, Сайн-Тэбэнэ, Сайн-Сэрдэнги, Байбагас, Хара-Хула, чьи имена известны из других исторических источников. Это обстоятельство позволяет более или менее точно датировать события, описанные в «Повести».

Хотя в самой «Повести» сказано, что всё описанное в ней произошло в «год огня-свиньи», т.е. в 1587 году европейского летоисчисления, эта дата у некоторых исследователей с самого начала вызывала сомнение. Тем не менее, начиная с Юрия Лыткина, большинство исследователей не подвергало сомнению дату 1587 г., что приводило к преувеличению значения этой даты и, соответственно, к неверному истолкованию происходивших в ойратском обществе событий. Между тем за прошедшие с момента опубликования «Повести» 150 лет наши знания о прошлом значительно обогатились в результате введения в научный оборот новых источников и накопления новых фактов. Это позволило уточнить прежние оценки и пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на хорошо известные исторические события. Японская монголистка Джунко Мияваки, сопоставив данные из опубликованных русских архивных документов XVII в. с сообщениями из восточных источников, пришла к выводу, что событие, описанное в «Повести», произошло на самом деле не в 1587 г., а в 1623 г. (Miyawaki, Junko. The Khalkha-Oyirad Rivalry in the Seventeenth Century // Proceedings of the International Conference on China Border Area Subjects, April 25, 1985. Taipei, 1985. P. 612). По ее мнению, в тексте «Повести» ошибочно указан «год огня-свиньи», тогда как в действительности это мог быть только «год железа-свиньи», т.е. 1623 г. Можно согласиться с ее мнением, так как действующие лица «Повести» и вся политическая обстановка характерны именно для этого времени.

² Торгутский князь Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ или Сайн-Тэнэс-Мэргэн-Тэмэнэ назван в «Повести» Сайн-Тэбэнэ. Что же касается улусной принадлежности Сайн-Сэрдэнги, то, как установил Ю. Лыткин, под этим именем в «Повести» действует

Абида-буучи, сын торгутского владетельного князя Манхая, дяди тайши Хо-Урлюка (см. Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 99, примеч. 48).

³ Также твердо установлено, что место проведения съезда находилось не в улусе Батура-хунтайджи. Достоверное подтверждение этому факту мы находим в «статейном списке» посольства М. Ремезова к джунгарам (Русско-монгольские отношения, 1636-1654. С. 203-206. См. также: Miyawaki, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyirad Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228-230). Так случилось, что «тобольский сын боярский» Меньшой Ремезов именно в это время побывал по заданию правительства с дипломатической миссией и «государевым жалованием» во владениях Батура-хунтайджи. Выехав из Тобольска 3 июня 1640 г. по юлианскому календарю (13 июня по григорианскому), он направился к «солянному Ямыш-озеру». Сюда он добрался 27 июля (6 августа), но не застал здесь ни самого Батура-хунтайджи, ни других тайшей. Тогда русский посол проследовал дальше в улус к некоему «Куле-тайше», «приказному человеку» джунгарского правителя. Тот пытался задержать его под благовидным предлогом, но затем продержав его у себя несколько дней отпустил и «до Контайши дал провожатых». 24 сентября (4 октября) М. Ремезов прибыл в улус «большой жены» (т.е. старшей ханши. – В.С.) в урочище Исют Камень. Здесь ему сказали, желая, видимо, скрыть от него истинную причину отсутствия хунтайджи в своей ставке, что «Контайша в походе против мугал». По словам посла, тот вернулся «к себе в улусы к большой жене из Мугальские земли ввечеру в ночи поздно» только 10 октября (20 октября) 1640 г.

Данное сообщение очевидца событий, несомненно, доказывает, что Батур-хунтайджи находился на съезде за пределами своих владений. Основываясь на показаниях этого источника, Дж. Мияваки ошибочно полагает, что съезд «был созван монгольским правителем Дзасагту-ханом где-то в Халхе» (Указ.соч. С. 228).

ЛИТЕРАТУРА

1. Русско-монгольские отношения. 1607-1636. Сборник документов. М., 1959. С. 52.
2. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 139.
3. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в I половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 61.
4. Miyawaki, Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la

- Society Finno-Ougrienne. Vol. 83 (Helsinki, 1991). P. 207.
5. Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П. Шастиной. М.-Л., 1957. С. 113 (монг. текст), 165 (рус. перевод).
6. Козин С.А. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши хунтайджи в 1587 году // Советское востоковедение. Т. IV. М.-Л., 1947. С. 94, 103.
7. Батур-Убаши Тюмень, Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 33.
8. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966. С. 56-57.
9. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 101.
10. Мияваки Дж. Калмыцкие тайши в начале XVII века // Altaica IV. Сборник статей и материалов. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. С. 70-77.
11. Санчилов В.П. Об одной ошибке в истории ойратов XVII века. Послесловие к статье Джунко Мияваки «Калмыцкие тайши в начале XVII века» // М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. С. 108-120. Altaica IV.
12. Khodarkovsky M. Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771. Ithaca and London: Cornell University Press, 1992. P. 80.
13. Батмаев М.М. Калмыки в XVII- XVIII вв. События, люди, быт. Кн. 1. Восхождение на гору Сумеру. Элиста, 1992. С. 33.
14. История калмыцких ханов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 51.
15. Калмыки. Издание Д.Н. Баяновой. Издательство «Родимого Края», Париж, 1974. С. 7.
16. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.-Л., 1958. С. 44-45.
17. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 412.
18. Веселовский Н.И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Рус. Имп. Археологического общества. Т. 3. СПб., 1889. С. 367.
19. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI- XVII вв. Л., 1932. С. 142.
20. Эмч һавн Шарв, Дөрвн Өөрдин түүк оршва // Вестник Калм. НИИЯЛИ, № 12 (серия филологии). Элиста, 1975. С. 23-24.
21. Габан Шараб. Истории дурбэн-ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 157.
22. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата, 1991. С. 32.
23. Санчилов В.П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 14-25.
24. Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII вв. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. М., 1959. С. 199.
25. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. Очерки истории Тибета и его культура. М., 1975. С. 82.
26. Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Пер. с тибетского, введение и примечания Б.Д. Дандарона. М., 1972. С. 16-17.
27. Ойрад Монголын холбогдох сурвалж бичгүүд-II. Улаанбаатар, 2001. Х. 130.
28. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Дээд боть. 1604-1917. Улаанбаатар, 1968. Х. 61.
29. Далай Ч. Ойрад Монголын түүх. Тэргүүн боть. Хоёрдахь хэвлэл. Улаанбаатар, 2006. Х. 72.
30. «Мэн-гу-ю-му-цзи». Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П.С. Попова. СПб., 1895. С. 133-134.
31. Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mangelischen Volkerschaften. T. 1. SPb., 1776.
32. Miyawaki, Junko. The Qalqa Mongols and the Oyrad in the Seventeenth Century // Journal of Asian History. Vol. 18, № 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1984. P. 161.
33. История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1967. С. 173.
34. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 3.
35. Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). Элиста, 1999. С. 44.
36. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880. С. 35-36, 98-102.
37. Поппе Н.Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов // Калмыцко-ойратский сборник, № 2. Филадельфия, 1966. С. 61.
38. Хошуд ноён Батур убаси түмени туурбиқсан дөрбөн ойрадиын түүке // Тод үсгийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 1976. С. 385-386. (калм. текст).
39. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 6.

КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД 328 ЦЗЮАНИ
«МИН ШИ» - «ОЙРАТЫ»

Д. Г. Кукеев

В статье дается комментированный перевод 328-го цзюаня официальной династийной истории «Мин ши», которая посвящена ойратам и их взаимоотношениям с китайской династией Мин (1368-1644). На русском языке данный источник публикуется впервые. Информация в данной статье позволяет проследить историю ойратов в неразрывной связи со сложными историческими процессами в Центральной Азии в XV–XVI вв.

Ключевые слова: *Ойраты, Махмуд, Тогон, Эсэн, Аруктай, Токто-буха, Хами, Датун, дань, посольства, Турфан, император, хан, тайши, титул, шелк.*

This article contains an annotated Russian translation of the 328th chapter of the official dynastic history «Ming shih», which is devoted to the Oirats and their relations with the Chinese Ming dynasty (1368-1644). This primary source is being published for the first time. The information from this article permits to trace back the history of the Oirats in inseparable connection with the complex historic processes in Inner Asia throughout the fifteenth and sixteenth centuries.

Keywords: *the Oirats, Makhmud, Toghon, Esen, Arugtai, Togto-bukha, Khami, Da-tung, the tribute, the diplomatic missions, Turfan, the emperor, the khan, the taishi, the title, silk.*

Как известно, исследование истории ойратов XIII – XVII вв. до создания Джунгарского ханства сопряжено с немалыми трудностями, поскольку эта часть истории относится к числу наиболее сложных тем в ранний период новой истории Азии.

Судьба ойратов и их взаимоотношений с соседними странами и народами в указанный период не привлекала к себе внимания исследователей, что объясняется наличием малого количества материалов по данной тематике. Однако исследователи не раз подчеркивали, что ойратам принадлежала видная роль в исторических событиях в центральноазиатском регионе с момента гибели монгольской династии Юань и до середины XVIII в. Китайские и маньчжурские историки создали большую литературу об ойратах и их взаимоотношениях с Китаем. Значительная часть ее до сих пор не введена в научный оборот [1, с. 3-4].

Указанные трудности, вызванные недостаточной разработанностью источниковедческой базы по этому периоду истории ойратов, могли бы быть в значительной мере устранены при обращении ко всей доступной исследователю иностранной восточной литературе. Таким образом, актуальной задачей представляется выявление, отбор и введение в научный оборот в переводе на русский язык новых данных об ойратах из восточных источников, в первую очередь китайских [2, с. 215]. Поэтому задача исследователя должна заключаться в привлечении широкого круга источников, относящихся к истории тех стран и народов, с которыми сталкивались ойраты на протяжении многих столетий. Ведущее место по упоминаниям

об ойратах занимают китайские источники.

Полная и концентрированная информация по интересующему нас периоду делает 328 цзюань официальной династийной истории «Мин ши» [3] незаменимым источником для изучения этой темы. На русский язык она по сей день никем не была переведена и не опубликована, не считая работу Д.Д. Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин по китайским источникам» [4]. Благодаря Д.Д. Покотилову «Мин ши» была впервые введена в научный оборот в качестве источника по истории монголов и ойратов. Однако осуществленный им перевод на русский язык не был дословным. К тому же в нем имелось много пропусков, допущенных им в китайском тексте, и множество произвольно включенных добавлений.

«Мин ши» является династийной историей, описывающей события времен правления династии Мин в Китае (1368-1644) и относится к жанру так называемых «чжэн ши», то есть официальных династийных историй. В этих историях события и факты излагались и оценивались с официальной точки зрения, господствовавшей при той династии, при которой составлялась та или иная династийная история. «Мин ши» составлялась уже в период правления Цинской династии, пришедшей на смену династии Мин.

«Мин ши» составлена по императорскому указу от 1723 г. комиссией под председательством Чжан Тин-юя (1672–1755) и была представлена императору Цянь-луну в законченном виде в 1739 г. Она состоит из 322 глав («цзюань»), в которой 328 цзюань посвящается ойратам.

ПЕРЕВОД 328 ЦЗЮАНИ «МИН ШИ» - «ОЙРАТЫ»

«Ойраты – монгольское племя и находятся к западу от татар¹. После падения династии Юань, юаньский сильный сановник Мэн-кэ-тэ-му-эр [Менкэ-тимур] завладел ими. После его смерти народ разделился на 3 части: их вождей звали – Ма-ха-му [Махмуд], второй – Тай-пин, третьей – Ба-гу-бо-ло [Бату-Болот].

Когда Чэн-цзу² взошел на престол, он отправил к ним своих послов, чтобы известить их об этом. В начале правления Юн-лэ [император] несколько раз посылал к Махмуду и др. чжэньфу³ Да-ха-тимура и др., чтобы наставлять их своим указом и пожаловать им шелковые ткани всех сортов в зависимости от их положения. Зимой 6-го года правления [1408] Махмуд и др. отправили Ну-ань-да-ши [Нумдаш] и др., для того, чтобы сопровождать И-ласы, который прибыл ко двору, чтобы доставить дань лошадьми и просить о присвоении им звания. Летом следующего года [1409] Махмуду был присвоен титул *шунь-нин-вана*⁴, Тайпину – *сянь-и-вана*⁵, а Бату-Болоту титул *ань-ло-вана*⁶ с выдачей им печатей и грамот. В соответствии с обычаем *Нумдашу* был устроен прием и преподнесены подарки.

Весной 8-го года правления [1410] ойраты вновь прислали дань лошадьми и благодарили за оказанные милости. С этих пор они ежегодно присылали дань.

В это время в северной части Гоби юаньский государь Бэнь-я-ши-ли [Пунияшри] жил вместе со своим вассалом А-лу-таем [Аруктай], и в это время Махмуд напал и разбил его. В 8-ом году правления [1410] император сам лично возглавил [армию] и разбил войска Пунияшри и Аруктая; Махмуд испросил [для себя] план с целью как можно скорейшего уничтожения этих разбойников. Тогда в 10-м году правления [1412] Махмуд напал и убил Пунияшри. Он подал прошение, в котором говорилось, что хочет преподнести императору старую императорскую печать династии Юань, но боится, что Аруктай перехватит его по дороге, и поэтому он просит Китай уничтожить Аруктая. Поскольку сын То-то-бу-хуа [Токто-бухи] находился в то время в Китае, то он просил отослать его обратно. Так как его люди воевали [вместе с китайцами против монголов] и снискали много заслуг, он просил императора выдать им награды. К тому же ойратские войска становились сильнее, то он просил предоставить им воинское снаряжение. Император сказал: «Ойраты становятся заносчивы, но не стоит им придавать значение». В конце концов император выдал их послам жалование и отослал обратно. В следующем году [1413]

Махмуд задержал у себя и не отпустил обратно присланного к нему посла. Он вновь просил вернуть ему татар [проживавших в] Ганьсу и Нинся, которые сделались подданными Китая. Император разгневался и приказал евнуху Хайтуну объявить ему решительное порицание. Зимой на реке Инь-ма-хэ⁷ Махмуд и др. собрали свои войска, планируя вторжение [в Китай] и пустив слух о том, что идут, чтобы напасть на Аруктая. Кайпинский⁸ шоуцзян⁹ поставил в известность [императора], и император издал указ, что лично поведет войска [на Махмуда]. Летом следующего года [1414] император разбил свой походный лагерь в Ху-лань-ху-ши-вэнь [Хулан-хоши-уне]. Три племени вместе со своими людьми прибыли, чтобы сразиться. Император вручил флаг [знак права войны] *ань-юань-хоу*¹⁰ Люшену и *у-ань-хоу*¹¹ Чжэн Хэну и др., чтобы они отправились на разведку. Император, лично командуя железной конницей, быстро продвигался вперед, атаковал и полностью их разгромил, отрубив головы более чем десяти князьям и многим тысячам [их] соплеменникам. Император преследовал их, и, пройдя через 2 высокие горные цепи, достиг реки Ту-ла [Толы]. Махмуд и другие отступали, и император отозвал свои войска. Весной следующего года [1415] Махмуд и др. прислали дань лошадьми и принесли свои извинения, а также вернули ранее задержанного у себя посла. Содержание его послания было смиренным. Император сказал: «Ойраты не стоят того, чтобы тратить на них время. Примите их посла и разместите его, приняв дань». В следующем году [1416] у ойратов разгорелась война с Аруктаем, и они потерпели поражение. Через некоторое время умер Махмуд. Хайтун, вернувшийся ко Двору, доложил, что ойраты были непокорны из-за *шунь-нин-вана*, а теперь *шунь-нин-ван* умер, и *сянь-и-вана* и *ань-ло-вана* можно подчинить. Император снова отправил Хайтуна к Тайпину и Бату-болоту, чтобы поблагодарить за заслуги.

Весной 16-го года правления [1418] Хайтун вернулся вместе с ойратским послом, который доставил дань. Сын Махмуда, То-гуань [Тогон], просил утвердить [за ним] его наследственный титул, и император пожаловал ему титул *шунь-нин-вана*. Хайтун и дуду¹² Су-хо-эр-хо [Су-Хорхуй] и др. по приказу императора отправили вручать Тайпину и Бату-болоту и его младшему брату Ань-кэ [Энгке] свитки шелка. А также император отправил отдельно посланца помянуть покойного *шунь-нин-вана*. С этого момента ойраты вновь присылали дань.

В 20-м году правления [1422] ойраты на-

пали и разграбили Хами. Императорский двор осудил их, и ойраты прислали послов с извинениями. Зимой 22-го года правления [1424] ойратский подданный Са-ин-да-ли [Саилдари] прибыл ко двору изъявить покорность, и получил титул *чжэньфу*, он получил свитки шелка разных цветов, парадное платье, конскую сбрую и лошадей, а также было приказано чиновникам давать ему все, что необходимо. Затем, все кто приходил изъявить покорность, удостоивались того же.

В начале правления *Сюань-дэ*¹³ [1426] умер Тайпин и преемство перешло к его сыну Не-ле-ху [Нэрэху]. В это время Тогон воевал с Аруктаем и разбил его, и разбитый [Аруктай] бежал в местность между горами Му-ношань [горой Муна] и Ча-хань-но-ла [Цаганнором]. В 9-м году правления [1434] Тогон внезапно напал на Аруктая и убил его, затем прислал послов ко двору и просил позволения преподнести императорскую яшмовую печать. Император ему ответил указом, который гласил: «Вы убили Аруктая, это значит, что Вы дали удовлетворение родовой мести, и я рад этому. Однако Вы говорите о [древности] этой печати, печать долго передавалась из поколения в поколение, вплоть до недавнего времени; это для меня неважно. Раз уж вы получили печать, то Вы можете ею пользоваться». Затем император велел выдать ему 50 кусков сатина.

В начале правления *Чжэн-туна*¹⁴ [1436], зимой, чэн-го-гун¹⁵ Чжу Юн докладывал: «Ныне войска ойратского Тогона настойчиво преследуют татарского До-эр-чжи-бо [Дорджибая], я сильно опасаюсь, что Тогон насильно присоединит его к себе. Тогон изо дня в день становится сильнее. Я предлагаю на всех приграничных территориях собрать силы и быть готовыми к неожиданности». Император принял и одобрил этот доклад. Вскоре, Тогон среди самих ойратов убил двух сянь-и-вана и ань-лована и полностью завладел их людьми. Он желал называться хаганом, но народ не одобрил это, и он возвел на трон Токто-буху, отдав ему всех людей, ранее принадлежавших Аруктаю. Тогон объявил себя чэн-сяном¹⁶ и поселился в северной части Гоби. Ему подчинились также Ха-ла-чжэнь [харачины] и другие племена. После того, как он напал и разбил Дорджибая, он угрозами и соблазнами переманил к себе все дояньские¹⁷ караулы [приграничные монголы], для того чтобы следить за тем, что происходит за заставами.

На 4-й год правления [1434] умер Тогон, и ему наследовал его сын – Е-сянь [Эсэн], ко-

торый объявил себя *тайши* и *хуайваном*¹⁸. В это время Эсэну покорились все племена Севера [т.е. Монголии – Д.К.]. Токто-буха обладал пустым титулом, и он не контролировал их. Каждый раз, когда они присылали дань, то послы отправлялись и от хана, и от министра. Император также направлял им благодарственные послания каждому в отдельности и очень щедро одаривал их, а также их жен, детей и вождей подвластных им племен. Существовало обыкновение, что число членов ойратских посольств не должно было превышать 50 человек. Им [ойратам] было выгодно, чтобы Двор давал им титулы и подарки, поэтому с каждым годом численность членов посольств увеличивалась и превысила 2000 человек. Несмотря на многократные замечания Двора, посланцы не соблюдали предписаний. Посольства на обратном пути занимались грабежами и насилиями, забирали себе чужое имущество, настойчиво требовали дорогих и редких вещей из Китая. И достаточно было малейшего отказа, как они чинили беспорядки. Стоимость жалований с каждым годом увеличивалась. Эсэн напал на Хами, захватил вана [правителя – Д.К.] и мать вана. Позднее он отпустил их обратно. Затем [Эсэн] женился в Шачжоу [на женщине] из военного округа Чигил-Монггул. Он разгромил У-ляньха [уряньхайцев] и угрожал Чжао-Сяню. Бяньцзяни¹⁹ хорошо понимали, что он собирается совершить крупное вторжение; они много раз предупреждали об этом Двор, но Двор довольствовался только тем, что приказывал им быть наготове.

Зимой 11-го года правления [1446] Эсэн напал на урянхайцев и направил посла в Датун²⁰ с просьбой о провианте, и к тому же просил чтобы его принял у себя шоубэй²¹ евнух Го Цзинь. Император приказал Го Цзиню не встречаться с ним и не давать ему провиант, и тот не дал. В следующем году [1447] [Эсэн] снова послал письмо Сюаньфускому²² шоуцзяну Ян Хуну. Ян Хун доложил [об этом] императору и получил приказ в соответствии с ритуалом принять послов Эсэна и затем известить императора. Через какое-то время некоторые люди из его племени пришли [ко Двору], чтобы изъявить покорность. Они сообщили, что Эсэн собирается вторгнуться с грабежами, Токто-буха отговаривает его, но Эсэн ничего не слушает и заключил союз со всеми варварами, чтобы вместе взбунтоваться против Китая. Император направил [Эсэну] послание, чтобы спросить [о причине его бунта], но не получил ответа. В это время Двор отправил посла к ойратам спросить Эсэна и др. о том, что они просят, и не было [из их требований ни-

чего], что не могло быть разрешено [ойратам]. Кончилось тем, что ойратские посланцы снова прибыли огромной толпой, насчитывавшей 3000 человек, и с целью получения большого количества казенного добра [т.е. жалования и подарков – Д.К.] заявили, что численность еще больше. Департамент ритуалов предоставил им жалование в соответствии с их реальным количеством, и им выдали всего только одну пятую часть того, что они просили. Эсэн был пристыжен и пришел в ярость. В 14-м году в 7-й месяц [1449] Эсэн, действуя обманом и угрозами на всех варваров, совершил крупномасштабное вторжение по разным дорогам. Токто-буха послал урянхайцев взять Ляодун²³, Ала чжиюань ограбил Сюаньфу, осадил Ичэн²⁴, и, кроме того, отправил отдельный кавалерийский отряд разграбить Ганьчжоу²⁵, Эсэн самолично напал на Датун. Срочный призыв о помощи [дошел до столицы], цаньцзян²⁶ У Хао погиб в сражении при Маоэрчжуане. Евнух Ван Чжэнь убедил императора лично идти в поход, министры пали ниц перед дворцом, чтобы помешать [это сделать], но успеха не имели. Датунский шоуцзян Сун Ин, у-цзинь-бо²⁷ У Мянью, дуду Ши Хэн и др. сразились с Эсэном в Янхэ²⁸, всеми действиями генералов командовал евнух Го Цзин, но поскольку не было дисциплины, то армия потерпела поражение. Все генералы были взяты в плен Эсэном, и был беспорядок. Ин и Мянью погибли, Цзин спасся и затаился в траве, Хэн бежал и вернулся обратно. Экипаж императора находился в Датуне, а в течение нескольких дней подряд шел сильный дождь, [и дул] ветер, в войске объявлялись частые ночные тревоги; люди дрожали от страха. Го Цзин в тайне предложил Ван Чжэню повернуть войска назад. На обратном пути, когда колесница Императора прибыла в Сюаньфу, вражеские войска внезапно атаковали армию с тыла. Хунь-шунь-хоу²⁹ У Кэ-чжун отважно сопротивлялся врагу, но потерпел поражение и погиб. Чэн-го-гун Чжу Юн, юн-шунь-бо³⁰ Се Шоу с 40-тыс. войском отправились на смену и, прибыв в Яоэрлин, они попали в засаду и были полностью уничтожены. На следующий день [император] прибыл в Туму³¹. Все сановники склонялись к тому, чтобы вернуться [внутрь Великой стены] и добратся до Хуайлая. Ван Чжэнь, напротив, пожалел оставить армейские обозы, и по этой причине армия остановилась. Эсэн удалось догнать ее. Поскольку Туму находилась на возвышенности, то стали копать колодцы глубиной в 2 чжэна, но воды не находили. Все дороги, ведущие к источнику воды, были захвачены врагом. Войска испытывали жажду; количество вражеских всад-

ников росло. На следующий день противник обнаружил, что императорская армия остановилась и не двигается, и притворно отступил. Ван Чжэнь приказал перенести лагерь к югу. Когда императорская армия начала перемещаться, то Эсэн атаковал ее со всех четырех сторон. Весь командный и рядовой состав убежал наперегонки, и ряды войск пришли в большое смятение. Враг прорвал [оборонительные] линии и проник внутрь [лагеря]. Все шесть армий обратились в бегство, сто тысяч человек было убито и ранено. Ин-го-гун³² Чжан Фу, фума дувэй³³ Цзин Юань, шаншу³⁴ Гуан Е и Ван Цзо, чиновники из личной охраны Цао-Най, Дин Сюань, всего свыше 50 человек погибли, также погиб и [Ван] Чжэнь. Император попал в плен. Когда чжун-гуань Си нин узнал от Эсэна о прибытии императорского экипажа, то был очень изумлен и не мог этому поверить. Когда позднее он предстал перед императором, он низко ему поклонился и стал служить ему. Пленный император жил в ставке у младшего брата [Эсэна] Бо-янь-тэ-му-эра [Баян-тэмура]. Тот приставил ранее захваченного в плен сяовэя³⁵ Юань Лина прислуживать императору. Эсэн имел замысел [лишить жизни императора], но случилась гроза, и молния поразила лошадь Эсэна. Это было предзнаменованием, и Эсэн отказался от своих замыслов. Эсэн принудил императора отправиться в г. Датун и потребовать золота и шелка. Дуду (командующий гарнизоном) Го Дэн выдал 30 тысяч лян серебра, замыслив отбить с бою экипаж императора, чтобы вывезти его в город, но император отговорил его. Тогда Эсэн заставил императора направиться на север.

В 9-м месяце правления [1449] на престол императора взошел Чэн-ван³⁶, который прежде был Цзяньго³⁷. Он пожаловал императору-пленнику [титул] Тайшан-хуанди³⁸. Эсэн обманывал, говоря, что он прибыл, чтобы вернуть императора, и пройдя через Датунский Янхэ, добрался до прохода Цзыцзингуань³⁹ и атаковал его. Затем он напал на столицу. Бинбу шаншу⁴⁰ Юй Цянь отдал приказ уцинбо⁴¹ Ши Хэну, дуду Сунь Тану отразить его наступление. Эсэн пригласил высших чиновников прибыть на встречу с бывшим императором, но не имел успеха. Хэн и др. вступили с ним в сражение и сражались с ним несколько раз. Ночью Эсэн обратился в бегство и от Лянсяна⁴² до Цзыцзина сильно грабил и уходил. Дуду Ян Хун полностью разгромил остатки войск Эсэна в местности Цзюйюн. Эсэн продолжал возить с собой бывшего императора, направляясь на север. Эсэн однажды ночью увидел над императорской юртой красный свет похожий на

дракона. Эсэн сильно испугался. Эсэн затем хотел выдать за экс-императора свою младшую сестру, но император отказался. Его [Эсэн] почтение и уважение к нему еще больше возросли. Он время от времени приказывал забивать баранов и лошадей и устраивал пиры, во время которых преподносил вино с пожеланиями долголетия императора; он вставал перед ним на колени, следуя ритуалу поведения вассала в отношении своего сюзерена.

В начале правления *Цзинь-тая* [1450] Эсэн снова с экс-императором дошел до Датуня, но Го Дэн не захотел его принять, и к тому же он пытался силой захватить бывшего императора. Однако Эсэн догадался о его плане и отступил. Сначала Эсэн недооценивал Китай, но после своего нападения на столицу он стал отдавать себе отчет в военном могуществе Китая, в том, что городские стены и ров укреплены. Он пал духом еще и потому, что в это время китайцы хитростью взяли в плен и казнили [его союзника] бандита Ян Си-нина. Эсэн потерял таким образом своего лучшего шпиона. Кроме того, Токто-буха и чжи-юань Алак, направив послов ко Двору для переговоров о мире, отозвали свои войска. Сам Эсэн также решил прекратить военные действия. Осенью император послал шилана⁴³ Ли Ши и шоуцзян⁴⁴ Ло И и управляющего войсками Ма Чжэна доставить грамоты с императорской печатью к Токто-бухе и Эсэну. В то время Токто-буха и Эсэн сами послали Пи-эр-ма-хэй-ма [Пир-Махмуд] и др. в столицу, а император послал снова к ойратам дуюйши⁴⁵ Ян Шаня, шилана Чжао Юн-лю в главе посольства, которое состояло из чжихуэв⁴⁶, цяньху⁴⁷ и др. Эсэн сказал [Ли] Ши, что было бы полезно для обоих государств побыстрее восстановить мир, что как только [китайские] посланцы предстанут вечером перед экс-императором, то на следующее же утро уедет [на родину], но только [за ним] следует прислать двух высокопоставленных чиновников. Сразу же после возвращения [Ли] Ши, [Ян] Шань и др. прибыли для того, чтобы потребовать возвращения бывшего императора. Эсэн спросил: «Прежний император, однажды вернувшись, взойдет ли снова на престол в качестве Сына Неба?» [Ян] Шань отвечал: «Небесный трон уже занят; ничего нельзя изменить». Эсэн повел [Ян] Шаня на аудиенцию к экс-императору, а затем устроил прощальный банкет в честь бывшего императора. Эсэн сидел на земле и играл на люгне, его жены и наложницы подносили чаши с вином. [Ян] Шаню было сказано: «Дуюйши, садитесь». Но [Ян] Шань не осмелился сесть [в присутствии] прежнего

императора, но тот сказал: «Поскольку тайши приглашает вас сесть, то садитесь». [Ян] Шань, повинаясь приказу императора, присел на мгновение, затем встал. Он ходил взад и вперед между Эсэном и бывшим императором. Эсэн, глядя на [Ян] Шаня, сказал ему: «Вы знаете ритуалы». Баян и другие, со своей стороны, также устроили прощальные пиры. Эсэн приказал соорудить земляную площадку, на которую он усадил бывшего императора. Сам он во главе своих жен, наложниц и племенных вождей встал вокруг него на колени. Каждый из них преподнес всякие вещи и съестные припасы. При отъезде бывшего императора Эсэн, Баян и сопровождали его на расстояние полдня пути. Они сошли тогда с лошадей, встали на земле на колени и говорили плача: «Император уезжает, когда мы сможем снова встретиться?» Вскоре они уехали, но вместе с ним послали 70 своих знатных людей сопровождать бывшего императора до столицы.

После того, как экс-император вернулся [на родину], ойраты ежегодно присылали дань ко Двору, и они выдавали экс-императору подарки, которые специально предназначались ему. Затем действующий император захотел порвать отношения с ойратами и не хотел снова отправлять к ним ответные посольства. Эсэн протестовал. Шаншу Ван Чжи, Цзин Цзянь, Хоу Юн и др. все время говорили, что если порвать отношения с ойратами и не посылать больше посольств, то они возобновят военные действия. Император говорил: «Если я отправлю к ним послов, то все будет как прежде и только буду их подстрекать. Когда ойраты совершали набеги, разве я не отправлял к ним послов?» Вот почему он отправил письмо к Эсэну, в котором говорилось: «Прежде, когда я посылал послов к вам, наши добрые отношения страдали от болтовни маленьких людей, это и привело к концу дружбы. Я [император] не буду сейчас посылать к вам послов, но и вы, тайши, не просите меня принимать ваших [представителей]. Нет никакой выгоды делать это». Эсэн и Токто-буха не доверяли друг другу. Жена Токто-бухи была старшей сестрой Эсэна. Эсэн хотел, чтобы сын его старшей сестры стал наследником [монгольского] престола, но Токто-буха на это не согласился. Эсэн заподозрил Токто-буху в связях с Китаем и в том, что [Токто-буха] готовит заговор против [Эсэна], и тогда он повел армию и напал на него [Токто-буху]. Токто-буха проиграл [сражение] и бежал, но Эсэн догнал и убил его. Эсэн захватил его жен, сыновей и раздал его людей и скот своим подчиненным. Потом он, воспользовавшись победой, стал

угрожать всем варварам. На востоке [его войска] доходили до Цзяньчжоу и урянхайцев, а на западе – до Чигильских монголов и Хами.

Зимой 3-го года правления [1452] [он] послал посольство ко Двору с поздравлениями по случаю Нового года. В следующем году [1453] в первый день Нового года шаншу Ван Чжи и др. снова настойчиво просили, чтобы Двор послал посольство в ответ на ойратское посольство. Это предложение было отправлено для рассмотрения в Военное ведомство, и военный министр Юй Цянь сказал: «Моя должность - сына⁴⁸, и я всего лишь знаю и разбираюсь в военных делах, но в том, что касается посольств, я не могу ничего доложить». Император издал указ не посылать посольство. На следующий год зимой [1454] Эсэн объявил себя *хаганом* (великим ханом – Д.К.), назначив своего второго сына тайши. В послании, которое он направил ко Двору, он именовал себя «Да-Юань тяньшэн да-кэхань» («Августейшим великим хаганом великой [династии] Юань»), и датировал свое послание «1-м годом августейшей династии» Юань. Тяньшэн означало «Небесно-мудрый». Двор в своем ответном письме называл его ойратским ханом. Вскоре Эсэн переселил племена Доянь в местность Му-но-ди [Муна] на Желтой реке (Хуанхэ). Эсэн полагаясь на свою силу, его высокомерие изо в день росло, он погряз в разврате и пьянстве. На 6-й год правления [1455] чжиюань Алак напал на Эсэна и убил его.

В 6-м году правления [1455] чжиюань Алак в свою очередь был убит Болаем. Даданьский Бо-лай [Болай] захватил мать и жену Эсэна, а также яшмовую печать. Сын Эсэна Хо-эр-ху-да [Хорхуда] и др. переселились на реку Гань-гань-хэ. Его младший брат Бо-ду-ван [Байду] с племянником У-ху-на [Ухуна] и др. нашли приют в Хами. Байду был младшим братом матери хамийского вана. В 3-й год повторного правления Ин-цзуна [1459] князь Хами просил о титуле для Байду, и император своим указом пожаловал ему титул *дуду цяньши*, а Ухуне – титул *чжихуэй цяньши*. С тех пор, как Эсэн умер, ойраты пришли в упадок и их племена рассеялись. Больше невозможно узнать, каков был порядок преемства их правителей впоследствии.

В правление *Тянь-шуня* [1457-1464] ойратский А-ши-тэ-му-эр [Аши-тимур] неоднократно присылал послов с данью, и Двор, исходя из того, что он был внуком Эсэна, обильно одаривал его. Кроме того, некий Чжол-кэ [Чорикэ] имел вражду с Болаем и убил его. Он почитал Бай-и-сань-ха [Бай-исага] и

вместе с хамийцами приходил ко двору. Их начальника звали Кэ-шэ, он очень усилился и несколько раз объединялся с монгольскими «малыми ханами» («сяо ван цзы»⁴⁹), чтобы совершать грабительские нападения. Когда Кэшэ умер, то Ян-хань-ван [князь Янхан] стал в свою очередь могущественным; он имел под своим началом много десятков тысяч отборных воинов. Младший брат Кэшэ А-ша [Аша] стал тайши.

В 23-м году правления *Чэн-хуа*⁵⁰ [1487] Янхан замыслил напасть на границы; и хамийский ван Хань-шэнь прибыл ко Двору и доложил об этом. Янхан не добился успеха и удалился. Янхан затаил злобу на Хами, и его войска на обратном пути разграбили большую ступу [в Хами].

В начале правления *Хун-чжи*⁵¹ [1488] среди ойратов люди, которые носили титул *тайши*, звались: Хо-эр-ху-ли [Хор хули], Хо-эр-гу-дао-вэнь [Хор гудавун?] и оба они присылали дань ко двору. [Правитель] Турфана занял Хами, и дуюйши Сюй Цзинь щедро заплатил за услуги [вождям] этих двух племен шелком и золотом, чтобы они силой прогнали [правителя Турфана] [из Хами]. Их военачальник Булю устроил свой лагерь в Ба-сы-коу [Барс-куль?]. В 13-м году правления *Чжэн-дэ* [1518] [правитель] Турфана вторгся в Сучжоу. Ведавший обороной этого района чиновник Чэнь Цзюй-чжоу послал к Булю-вану шелк и деньги, чтобы тот, воспользовавшись его отсутствием в связи с походом, напал и захватил три города Турфана внезапным набегом. Убитых и взятых в плен насчитывалось 10 тысяч человек. Турфанский правитель испугался и заключил мир. В 9-м году правления *Цзя-цзин*⁵² [1530] снова начались военные действия из-за провала предложения заключить брак. Так как [правитель] Турфана становился все более и более могущественным, то ойраты много раз оказывались в трудном положении и терпели поражения. Подчиненные им отделились друг от друга, и многие перешли на сторону Китая. Хами снова воспользовался удобным случаем, чтобы совершить набег и разграбить [территорию] Булю-вана. Тот, будучи не в состоянии сопротивляться, просил [у минского двора] позволения стать вассалом Китая. Двор на это не соглашался и оттеснил его за Великую Стену, и неизвестно, что с ним стало»[3].

Как видно из материала послесловия данного источника, китайские историки описывают действия ойратов как неуместные и противозаконные. Это объясняется официальной позицией Двора, который рассматривал ойратов как

противников династии Мин Срединной империи. Однако, причиной таких действий была не «наглость или заносчивость» ойратов, а, с одной стороны, простые экономические потребности кочевого общества в бесперебойном обмене товаров и, с другой стороны, последствия политики «разделяй и властвуй» минского двора в отношении своих северных соседей. Формой выражения такой политики, например, являлся смешанный состав ойратских даннических миссий, которые включали в себя разные делегации от хана восточных монголов Токто-бухи (Дайсуна) и от его тайши (первого министра) Эсэна. И с китайской стороны, как к первому, так и ко второму всегда отсылались посольства отдельно, и проводилась политика внесения раскола между этими двумя правителями.

Подытоживая историю ойратов за период правления в Китае династии Мин, следует отметить, что с начала XV века как в Монголии, так и Центральной Азии происходило постепенное усиление роли ойратов на политической арене. Этому способствовало увеличение численности ойратского населения, в состав которого влились новые этнические компоненты – торгуты, а впоследствии хошуты. С другой стороны, первая половина XV века характеризуется усилением разброда в восточной Монголии в противоположность политической консолидации ойратских племен. Такая обстановка, выражающаяся в раздробленности восточных монголов, которые формально имели право держать ханскую власть в своих руках, создала прецедент, когда фактическая власть находилась в руках первого министра при формальном хане. Ойраты в свою очередь используют такую возможность и захватывают власть в свои руки. Помимо этого дважды ойратам удается взять власть в свои руки как формально, так и фактически, когда ойратские правители провозглашают себя ханами и на китайский манер создают свои династии: при Менкэ-тимуре (Гуйличи, Угэчи-хашиг) и при Эсэне. Наибольшего могущества ойраты достигают во времена правления чоросского Эсэна, когда одерживают ряд политических и военных побед, выраженных в пленении минского императора и создании монголо-ойратской империи. Цель возрождения Монгольской империи, во главе которой стояли ойраты из дома Чорос, была продиктована объективными экономическими потребностями кочевого общества, нуждавшегося в приобретении необходимых продуктов земледелия и развитого ремесленного производства и реализации продуктов кочевого скотоводства. Специфика этих отношений заключалась в том, что

Китай рассматривал эти отношения не сквозь призму экономических выгод, а видел в этом политический инструмент манипуляции кочевниками, главной функцией которого было создание баланса между соперничавшими между собой группами кочевников, строящемся на принципе «разделяй и властвуй». Поэтому, даже на короткий срок, уникальным представляется факт осуществления консолидации кочевых общностей и попытка восстановления империи монголов, во главе которой стояли люди не из чингисидов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Татарами (кит. да-дань) в минских источниках назывались восточные монголы.

² Император Чжу Ди, храмовое имя Чэн-цзу, девиз правления Юн-лэ; 1403-1424.

³ Чжэньфу – чиновник, ведавший судебными делами.

⁴ Шунь-нин-ван – один из княжеских титулов, означающий «покорный и мирный».

⁵ Сянь-и-ван – один из княжеских титулов, означающий «дружелюбный и справедливый».

⁶ Ань-ло-ван – один из княжеских титулов, означающий «спокойный и радостный».

⁷ Инь-ма-хэ – китайское наименование р. Керулен.

⁸ Кайпин – город в Китае, совр. провинция Хэбэй.

⁹ Шоуцзын – начальник пограничного гарнизона.

¹⁰ Ань-юань-хоу – один из княжеских титулов, означающий «усмиряющий даль».

¹¹ У-ань-хоу – один из княжеских титулов, означающий «храбрый усмиряющий».

¹² Дуду – Генерал-губернатор.

¹³ Император Чжу Чжань-цзи, храмовое имя Сюань-цзун, девиз правления Сюань-дэ; 1426-1436.

¹⁴ Император Чжу Ци-чжэнь, храмовое имя Ин-цзун, девиз правления Чжэн-тун; 1436-1449.

¹⁵ Чэн-го-гун – один из княжеских титулов, означающий «основатель государства».

¹⁶ Чэн-сян – первый советник монгольского хана-чингисида.

¹⁷ Доань – округ, состоящий из монгольского населения.

¹⁸ Хуайван – один из княжеских титулов.

¹⁹ Бяньцзянь – должность приграничных генералов.

²⁰ Датун – область в минском Китае. Находится в северной части нынешней провинции Шаньси. На севере этой области располагалась Великая стена, которая и служила границей, а на западе река Хуанхэ. При минской династии (1368-1644) эта область стала укрепленным пунктом против монголов.

²¹ Шоубэй – командир, военачальник в составе

войск в особой местности, исключительно в защитных гарнизонах. Во времена династии Мин – главный военачальник. Хотя на эту должность должны были назначаться военные из числа наследственных князей, фактически назначались привилегированные евнухи.

²² Сюаньфу – область в минском Китае. Местность этой области носит гористый характер и прилегающая непосредственно к столице, считалась весьма важной в стратегическом отношении.

²³ Ляодун – область в минском Китае, находившаяся на северо-востоке страны.

²⁴ Ичэн – город, основан в 1430 году, находящийся к северу от Пекина.

²⁵ Ганьчжоу – область в минском Китае, находящаяся на северо-западной границе страны.

²⁶ Цаньцзян – Старший адъютант.

²⁷ У-цзинь-бо – один из княжеских титулов, означающий «храбрый и продвигающий».

²⁸ Янхэ – местность в области Датун.

²⁹ Хунь-шунь-хоу – один из княжеских титулов.

³⁰ Юн-шунь-бо – один из княжеских титулов, означающий «вечный и покорный».

³¹ Туму – местность, которая находится к юго-западу от г. Хуайлай.

³² Ин-го-гун – один из княжеских титулов.

³³ Фу-ма дувэй – командир резервных лошадей сопровождающих экипаж.

³⁴ Шаншу – министр, глава высшего административного управления центрального правительства. Был напрямую ответственен перед императором.

³⁵ Сяовэй – командир. Этот титул присуждался военным офицерам.

³⁶ Император Чжу Ци-юй, храмовое имя Дай-цзун, девиз правления Цзин-тай; 1450-1457.

³⁷ Цзяньго – используется в качестве регента, на которого возлагался контроль правительства на тот период времени, пока действительный правитель находился на расстоянии от столицы или когда правитель был слишком мал или не в состоянии выполнять свои обязанности.

³⁸ Тайшан-хуанди – обычно использовалось в случае отречения императора от престола, часто

при этом передавая правление сыну.

³⁹ Цзыцзингуань – проход, относящийся к особому пограничному округу, который управлялся на основании особого военного режима.

⁴⁰ Глава военного ведомства, военный министр.

⁴¹ Уцинбо – один из княжеских титулов, означающий «храбрый и чистый».

⁴² Лянсян – небольшой городок, лежащий в нескольких километрах от Пекина.

⁴³ Шилан – вице-министр. Второй административный пост в каждом из ведомств, который быстро стал административной единицей центрального правительства.

⁴⁴ Шоуцзян – начальник пограничного гарнизона.

⁴⁵ Дуэйши – старший цензор.

⁴⁶ Чжихуэй – командир.

⁴⁷ Цяньху – командир батальона, состоящий из 1000 солдат.

⁴⁸ Сыма – военачальник, воевода.

⁴⁹ Сяо ван цзы – китайское название правителей восточных монголов.

⁵⁰ Император Чжу Цзянь-шэнь, храмовое имя – Сянь-цзун, девиз правления Чэн-хуа; 1465-1487.

⁵¹ Император Чжу Ю-тан, храмовое имя Сяо-цзун, девиз правления Хун-чжи; 1488-1505.

⁵² Император Чжу Хоу-цзун, храмовое имя Ши-цзун, девиз правления Цзя-цзин; 1522-1566.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошукту-хане. 2-е испр. и доп. изд. Элиста, 1999.

2. Санчиров В.П. К характеристике источников по истории ойратов: «Мин ши» и китайские источники минского периода (1368-1644) // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2001. Вып.16.

3. Мин ши (История династии Мин). Серия Сы-бу бэй-яо. Шанхай, 1936. Цз. 328.

4. Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин (1368-1634). СПб., 1893.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ
В КОНЦЕ 60 - НАЧАЛЕ 70-х гг. XVII в.**

В.Т. Тенкеев

Статья посвящена одному из переломных моментов в истории ойратов в Северном Прикаспии на рубеже 60 – 70-х гг. XVII века. В результате преодоления внутренних усобиц и внешнеполитического давления к власти над волжскими калмыками приходит Аюка – будущий глава Калмыцкого ханства.

Ключевые слова: *XVII век, междоусобица, калмыки, Аюка-хан, донские казаки, Северный Кавказ, Крымское ханство.*

This article is devoted to one of the crucial moments in the history of the Oirats in the North Caspian region at the turn of the 60-ties and the 70-ties in the XVII century. In the result of the internal strife and the external pressure Ayuka, the future head of the Kalmyk khanate, had come to power over the Kalmyks of the Low Volga region.

Keywords: *XVII century, internal struggles, Kalmyks, Ayuka, Don kossacks, Northern Caucasus, Crimean khanate.*

Одновременно со смутой на юге России, связанной с восстанием Степана Разина, калмыцкое общество переживало и свой собственный политический кризис. Русские и калмыцкие источники весьма скупо освещают эти события, хотя они заметно повлияли на дальнейшую историю ойратов.

К середине XVII в. на евразийском пространстве в результате расселений сформировались 4 крупные группировки ойратских улусов: *Волжская* в степях Северного Прикаспия, *Чакарская* в Юго-Западной Сибири, *Джунгарская* в Центральной Азии и *Кукунорская* в Тибете. В 1661 г. начался новый виток внутрисемейной борьбы в хошутском доме между сводными братьями и сыновьями покойного тайши Байбагаса – Аблаем и Очирту. Если на стороне Аблая выступили чакарские тайши (хошутский Кунделен-Убаши и дербетский Даян-Омбо), то на стороне Очирту – джунгарские тайши (цоросский Сенге и хойтский Солтан). Летом 1661 г. чакарцы в результате двух сражений потерпели от джунгаров сокрушительное поражение. Аблай был осажден в своем монастыре Аблай-кит на Иртыше и после кратковременной осады сдался джунгарам. Кунделен-Убаши и Даян-Омбо откочевали в сторону торгутов в северо-восточные степи Прикаспия. Это было уже по счету вторым прибытием хошутов к торгутам, и Дайчин, как и в первый раз, в 1649 г., предоставил им в пользование свои восточные кочевья.

Потерпев окончательное поражение в борьбе за верховенство в хошутском доме, Аблай со своим улусом также откочевал в западном направлении. В историографии уко-

ренилось мнение о том, что цель хошутского тайши заключалась в возвращении торгутов на старые кочевья в Юго-Западной Сибири. Мать Аблая, Сайханчжун-хатун, была дочерью Хо-Урлюка, соответственно, ее сын приходился Дайчину племянником, а Аюке – двоюродным братом. Практика семейных отношений в среде ойратской элиты показывает, что дети тайшей в результате семейных ссор часто со своими улусами отходили к материнским родственникам. Но в случае с Аблаем происходит настоящее наступление хошутов на позиции торгутов в Северном Прикаспии. Перед Аблаем, видимо, стояла определенная задача – подчинить торгутов и захватить их кочевья. Чакарских калмыков давно привлекали занятые торгутами прикаспийские степи и их многочисленные татарские и ногайские улусы. Возможно, сведения о вспыхнувшем на юге России восстании Разина дали основание Аблаю считать, что российское правительство не будет вмешиваться во внутрикалмыцкие дела.

Примерно во второй половине 1669 г. происходит объединение двух групп чакарских тайшей: Кунделена-Убаши и Аблая. Первым объектом их нападения стал улус дербетского тайши Даян-Омбо, отказавшегося, видимо, от участия в коалиции. Далее удар объединенных сил чакарцев был нанесен непосредственно по торгутским улусам на Яике с огромным ущербом для последних [1]. Смерть Мончака, по всей вероятности, произошла в результате именно этих событий, но при каких обстоятельствах - в русских и калмыцких источниках сведения не обнаружены. Престарелый Дайчин в результате оказался в плену у хошутов. Мо-

лодой Аюка с уцелевшими остатками улусов бежал на правый берег Волги по направлению к Дону. Российское правительство, занятое подавлением восстания Разина, не могло реально оказать военную помощь своему союзнику Мончаку. Аблай на правах победителя предложил Москве годовое жалование, ранее направляемое правительством торгутским тайшам, теперь направлять ему. Посольский приказ потребовал от него отказаться от нападений на торгутов и предложил служить России или отойти за Яик [2]. В Северном Прикаспии, таким образом, происходила постепенная смена власти торгутского правящего дома на хошутский.

Кризис в торгутском доме, последовавший после смерти Мончака и пленения Дайчина, поднял вопрос и о преемственности. Кандидатура молодого и амбициозного сына Мончака, Аюки, видимо, приветствовалась не всеми тайшами. Габан Шараб упоминает в своей летописи о враждебных действиях против Аюки бывших соратников его отца – Солом-Церена и Батура. Дугар в конце 1669 г. также последовал вслед за Аюкой на правобережье Волги, но не к племяннику, а под Азов, вступив, таким образом, под турецкую протекцию [3; 4]. По мнению В.И. Колесника, далеко не все были согласны с автоматической передачей власти по наследству по прямой нисходящей мужской линии от Мончака к Аюке [5].

Ранней весной 1670 г. от Аюки откочевал к Дугару под Азов и тайша Бок. Причиной ухода послужило убийство им некоего «свойственника» Мончака. Донские казаки были свидетелями, как 4 тыс. калмыков и ногаев Бока переходили реку Донец в районе Хороших гор на крымскую сторону по направлению к Азову, а в апреле-мае люди этого тайши напали на казачий городок Сиротин и отогнали стада. В дальнейшем калмыки Дугара и Бока совместно с азовцами планировали нападение на Волуйку и другие пограничные русские города. Общая численность сил двух тайшей под Азовом составила около 10 тыс. калмыков, татар и ногаев. 11 мая у казаков и азовцев закончилось действовавшее на тот момент перемирие, но конфликт между ними во многом возник из-за действий вышеуказанных тайшей. В мае же объединенные силы мятежных калмыков, азовцев и крымцев двинулись в набег вверх по Дону на южное порубежье России, разоряя по дороге казачьи городки [6; 7; 4, с. 206].

Уже к лету 1670 г. Аюка, Солом-Церен и Батур действовали совместно. 15 июля в Саратове от дербетского тайши Солом-Церена при-

были посланцы – Чекулат и Кажамгур с товарищами. Они и сообщили, что Аюка и Батур с 20-тысячным войском по государеву указу двинулись против повстанцев Разина. Солом-Церен отрядил с ними 1,5 тыс. своих людей под командованием старшего сына Даши, который отправил 400 человек под мятежный Царицын для отгона скота и лошадей, полностью блокировав город с повстанцами. По другим данным, у Даши было 2 тыс. человек, и он стоял со своими людьми на заставе между Царицыным и Паншиным с целью не пропустить казаков, направлявшихся с Дона на соединение к Разину. С этой задачей, видимо, поставленной Аюкой, дэрбэты благополучно справились. Но их успешные действия продолжались до тех пор, пока 7 июля здесь не появилось 4-тысячное войско мятежных тайшей Дугара и Бока (совместно с азовцами и крымцами), шедшее по левому берегу Дона в набег на южные окраины России. В результате неравного боя в районе между Царицыным и Пяти Изб дербетская застава была полностью разбита, погибли Даши и полторы тысячи его людей. Остальные смогли уйти через Волгу к реке Камышинка и вернуться к Солом-Церену [4, с. 185, 213-214, 232, 234].

Видимо, Дугар и Бок также понесли серьезные потери, и им пришлось отменить свой запланированный набег и вернуться под Азов. По сведениям воронежского воеводы Бориса Бухвостова, люди двух тайшей полностью перекрыли дорогу с Дона на Царицын, убивая казаков и угоняя скот и лошадей. Подчиненные мятежным тайшам калмыки и едисаны совершали нападения на казачьи селения по Хопру, Чиру и Медведице в отместку за недавний разгром их улусов людьми Разина [4, с. 224-225, 239]. Атаманы отправляли посланцев к Дугару и Боку с предложением мира, но получили отказ, мотивированный тем, «что они воры и своему государю изменили, а им от них тово ж ждать» [4, с. 16].

Как отмечали многочисленные свидетели того времени, у калмыков происходили «межусобье и бои великие и сеча большая». Но наиболее пострадали в этой «смуте» едисанские, джемболукские и малибашские улусы, за передел которых, видимо, также разразилась борьба между тайшами [4, с. 213-214]. По сведениям В.М. Бакунина, в 1670 г. война разгорелась и между калмыцкими едисанами, с одной стороны, и Большим и Малым Ногаем, с другой стороны. Пользуясь неразберихой среди калмыков, малоногайский Ямгурчей-мирза захватил астраханских юртовских татар мирзы Бека

Оллашева и увел на Терек [8].

Весной 1671 г. Аюка с калмыцкими улусами кочевал вверх по Дону в районе казачьего городка Курман Яр. После подавления восстания Разина тайши попытались урегулировать свои сильно подорванные отношения с донскими казаками, дважды присылая к ним своих представителей. В результате переговоров стороны заключили шерть, подтвердив прежние договоренности и обусловив возможные последующие действия: «А которые их калмыцкие люди, прикочевав, похотят у них жить на Дону, и за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить. И живучи, им меж собою никаких обид не чинить, а если кому какая обида учинитца, и им про то на обе стороны разыскивать вправду». Видимо, уже с этого времени в составе донского казачества появляются первые калмыцкие поселенцы.

Калмыцкая оппозиция в лице тайшей Дугара и Бока, кочевавшие со своими улусами в междуречье Кагальника и Маныча, обратились с просьбой к Аюке и Батуру, что «хотят великому государю служить же с ними вместе». Причиной смены их настроений послужило возникшее недоверие к ним азовцев, подозревавших в постоянной пересылке с другими тайшами и на этом основании не пускавших калмыков в Азов. Объединение тайшей (как показали дальнейшие события, только временное) было направлено, в первую очередь, на возвращение 40 тыс. малибашских и джемболукских татар, ушедших от калмыков на Кубань в Малую Орду во время погрома разинцами калмыцких улусов на Дону. Неоднократные обращения Аюки, Солом-Церена, Батура к донским атаманам за военной помощью в итоге получили поддержку, и 300 казаков совместно с калмыками Аюки, Дугара и Бока направились в «Ногайские» горы, расположенные в двух неделях пути от Дона. В результате совместного похода летом татарские улусы с пятью мирзами были возвращены с Кубани, а казаки и калмыки «пришли все в целости». Такие совместные военные действия теперь происходили неоднократно. Калмыцкие улусы, чьи тайши находились между собой «все в дружбе», летом 1671 г. располагались кочевьями по рекам Маныч, Егорлык и Калаус.

Но последние калмыцко-донские действия против Малого Ногая сильно встревожили и крымского хана. Крупное крымское войско в районе Азова перешло Дон на ногайскую сторону. 6 декабря 1671 г. донские атаманы, следившие за передвижениями татар, срочно отправили донесение в Москву о выступлении

крымцев против калмыков, кочевавших на Тереке. Предупреждение о крымской угрозе казаки отправили также в Астрахань и дважды к тайшам [9; 10]. По сведениям харьковского полковника Григория Захаревича, в течение всей зимы 1671/72 гг. крымский хан находился в Кабарде, вступив в бой с черкесами и калмыками. Отсюда многие татары из войска дезертировали в Крым, но ханский отряд при преследовании «срубил» трех мурз, а беглецов вернул [7, с. 104]. Хан более восьми месяцев хозяйничал в Кабарде, но кабардинцы, не желая ему подчиняться, ушли «в горы и в крепкие места и с собой все побрали». Крымцам досталось всего 50 заложников, и они вынуждены были, произведя огромные разрушения, уйти. Указанные события, видимо, были связаны со сменой власти в Крыму. В мае 1671 г. из Стамбула вместо Адиль-Гирея (1665-1670 гг.) на ханство был прислан новый ставленник – Селим-Гирей I (1671-1677 гг.). Причиной, скорее всего, послужили активные военные действия в июне 1670 г. атамана И.Д. Серко по взятию турецкой крепости Очаков, в результате чего город запорожцами был сожжен и захвачено огромное количество имущества и пленных. Отсюда Серко просил помощи у калмыков, которые 27 июня ворвались в Крым и «неприятелям много беды учинили». Из донесений в Москву известно, что в 1671 г. Адиль-Гирей, несогласный со своим смещением Портой, «подняв калмыков и черкес, идет войною на хана нового» [11].

Консолидовав оставшиеся после разгрома торгутские улусы и помирившись с Дугаром и Боком, Аюка решил взять реванш у Аблая. Во многом эту задачу ему упростило и то обстоятельство, что недавние союзники Аблая, Кунделен-Убаши и дербетские тайши отошли от него на дальние кочевья, находящиеся на востоке. Они были явно недовольны, по их мнению, несправедливым разделом Аблаем имущества, захваченного у торгутов. Другой противник Аблая, хошутский Очирту, воспользовавшись ситуацией, из Джунгарии совершил молниеносный рейд на север, разгромил и подчинил улусы Кунделен-Убаши, Доржи и дербетских тайшей. В числе захваченных оказался и его дядя по материнской линии – торгутский тайша Дайчин. Позже Очирту отправил уже престарелых Дайчина и Кунделен-Убаши (Дургучи) в «почетную ссылку» в Тибет, где они и закончили свою жизнь, навсегда покинув политическую сцену. Улусы их были переданы Данджину-хунтайджи, а старший сын Кунделена-Убаши, Доржи, остался при своем владенье [1, с. 107]. В результате одержанной

громкой победы Очирту провозгласил себя *Цецен-ханом*, поскольку ему удалось вернуть в Джунгарию значительную массу ойратов, откочевавших в свое время на запад.

В начале 1671 г., в месяце Цаган Сар, Аюка со своим войском и союзниками, в числе которых был и его свояк, князь Каспулат Черкасский с кабардинцами, совершил поход на Яик, полностью разгромив войско Аблая. Хошутский тайша вместе со всей своей семьей и сыном Цаганом был пленен и первое время содержался под арестом на Тереке под присмотром кабардинских родственников Аюки. В 1672 г. пленники были переданы в Астрахань. Дальнейшая судьба Аблая в русских источниках противоречива. У Г.Ф. Миллера есть сообщение, что он в Астрахани, «сидя в тюрьме городской стене в башне, умер». По другим данным, хошутский тайша вместе с семьей был отправлен в Москву, где скончался в 1674 г. В августе 1672 г. послы Очирту Цецен-хана официально обращались к властям в Тобольске с требованием выдать Аблая взамен на безопасность со стороны калмыков при добычи русскими соли на Ямыш-озере [12].

Воспользовавшись уходом калмыцких войск Аюки на Яик, в феврале 1671 г. Ямгурчи-мирза совместно с ногаями, черкесами и крымцами выступил против едисан, кочевавших на Волге и под Астраханью. В результате боя, длившегося целый день, Ямгурчи-мирзе удалось увести значительные массы астраханских ногаев и татар на Кубань под протекторат крымского хана [8, с. 23].

После победы над Аблаем среди торгутских тайшей по неизвестным причинам вновь вспыхнул конфликт. Весной 1672 г. Аюка сообщал царицынскому воеводе Дмитрию Свищову, что Дугар «великому государю изменил» и идет на соединение к крымскому хану. На этом основании он просил казаков не пропускать беглых калмыков через Дон. Причем у Дугара находилось в подчинении примерно 15 тыс. улусных людей, в том числе и люди умершего к тому времени Бока. Когда же летом Дугар прикочевал на Дон, то он дважды оправлял своих послов к атаманам с подтверждением «быть у великого государя под рукою», ходить войной на Крым и Азов. Запорожцы также обращались в Москву с просьбой о привлечении калмыков Дугара к участию в походе на Крым, для чего к нему был даже отправлен с царской грамотой Леонтий Копнин. Когда же донские казаки предложили Дугару совместный поход под Азов, то тайша отказался. Выяснилось, что находившиеся с ним ногайские мирзы отказались

и отговорили тайшу. Позже Дугар со своими калмыками и ногаями ушел в горы [9, л. 115-116; 13; 14].

В июне 1672 г. Аюка с другими тайшами кочевал на луговой стороне Волги возле Саратова и активно торговал с местными жителями, «а дурна от них никакова нет». Но под Черным Яром у его калмыков произошел конфликт с местными жителями, о чем он сообщил на Дон [15; 14, л. 5]. Несмотря на внутрикалмыцкие неурядицы и стычки калмыков с жителями волжских городов, Аюка продолжал придерживаться русско-калмыцких договоренностей, заключенных его покойным отцом. Еще весной тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для захвата «языков». Пленив трех татар, калмыцкий отряд на обратном пути под Азовом натолкнулся на лагерь азовцев, отбив у них русский полон, взятый под Волуйкой и Рыбным. 20 мая калмыки «все в целости» пришли на Дон. Затем 2 июня они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата малибашских татар, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направившихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будаچери. Совместно с казаками атамана Корнилы Яковлева они совершили поход под Азов, разбив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [9, л. 113-115; 14, л. 7-8].

Осенью 1672 г. в Астрахань от Аюки прибыли послы Юмай-тархан и Эшбердей Авжиев с 4 товарищами. Калмыцкие улусы в это время кочевали под Царицыным в верховьях реки Сарпа у озера Цаган-нур. Аюка подтвердил свое желание и дальше верно служить государю, как его дед Дайчин и отец Мончак. Но, по мнению тайши, русско-калмыцким отношениям мешали должным образом развиваться продолжающиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И.Б. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка интересовался «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил». Тайша просил правительство выслать к нему его годовое жалование «против прежнего». Отправленные из Астрахани с послами в калмыцкие улусы казанец Михаил Бараков и Микитка Протопопов должны были призвать Аюку, Солом-Церена и других тайшей собраться на съезд под Астраханью с целью подтверждения прежних шертей. Задержка правительством жалования тайшам, видимо, не совсем устраивала Аюку, и он оста-

вил посланцев у себя в улусе до ноября, а сам с войском двинулся к Куме [16].

В это время калмыки совершили крупный поход на Северный Кавказ для укрепления здесь своих пошатнувшихся позиций и возвращения ушедших сюда калмыцких татар и ногаев. Предварительно к князьям Большой Кабарды, мирзе Большого Ногайя Каракасаю Яштерекову и казыевским мирзам были отправлены послы с приказом «накрепко», чтобы мирзы с улусами «от крымского хана и от худых дел отстали», «учинили шерть» и дали «добрых» аманатов. В противном случае Аюка обещал «разорить их до конца». Мирзы обязаны были теперь кочевать совместно с калмыками, а с крымским ханом «не ссылатися», на чем они и дали шерть. Арсланбек и другие казыевские мирзы отдали калмыкам в аманаты своих детей (5 человек). Кабардинские же князья по договору обязались «впредь ему, Аюкаю тайше, с них имати на год по 15 девок». Отсюда Аюка планировал по просьбе донских казаков совершить военный поход под Крым и Азов, а затем вернуться к Астрахани на предстоящий русско-калмыцкий съезд: «и прежнюю шерть отца своего Мончака тайши подкрепит и в совете и в любви... быть душею своею рад». Бежавший в крымские владения Дугар затем вернулся обратно к калмыкам, но, со слов Аюки, «для проведывания вестей и для обману и воровства». При попытке к бегству мятежный тайша был арестован и вместе с Аблаем и крымским послом находился под арестом. Всех их троих Аюка позже передал русским властям на съезде. В ноябре в Астрахань прибыл калмыцкий посол Банши с 6 товарищами и письмом, где Аюка еще раз подтвердил прежние заключенные шерти и договора [16, л. 12-15].

Молодому Аюке, таким образом, удалось ликвидировать все препятствия по преодолению политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему завоевать симпатии как простого народа, так и старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию безопасности калмыцких кочевий. 1671 г. можно считать и датой окончательного падения некогда могущественной северной группировки ойратов – чакарских калмыков. Большая ее часть была подчинена джунгарами, и лишь ее немногочисленные группы влились в состав волжских калмыков. Следующий виток междоусобной войны среди ойратов относится ко второй половине 70-х гг. XVII в., в результате чего власть в Джун-

гарском ханстве окончательно перешла к цороскому правящему дому. На западе, на берегах Волги начал оформляться его политический противовес – Калмыцкое ханство, чей «фундамент» был заложен еще Дайчином после возвращения из Тибета в 1647 г. Именно эти два «полюса» в XVII-XVIII вв. продолжали оставаться политическими ориентирами для всего ойратского мира вплоть до их окончательного падения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / Пер. со старомонг. Д.Н. Музраевой, К.В. Орловой, В.П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 107.
2. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 83.
3. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер. с калм. / Сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 103.
4. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666 – июнь 1670 гг. М.: АН СССР, 1954. С. 220.
5. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит-ра, 2003. С. 96.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 111 (Донские дела). Оп. 1. 1669 г. Д. 12. Л. 72.
7. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. С. 104.
8. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С. 23.
9. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 67.
10. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 3. М.: АН СССР, 1962. С. 122-123, 138-139, 144, 168.
11. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9. 1668 – 1672. СПб.: Типография М. Эгтингера, 1877. С. 242-243, 576.
12. Русско-монгольские отношения. 1654 – 1685. Сборник документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 245, 445.
13. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 9. Л. 15, 17.
14. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 11. Л. 4-5.
15. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13.
16. РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1-4, 8.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КАЛМЫКИИ (1993 – 2003 гг.)

Е. В. Сартикова

В статье рассматривается развитие национальной школы в Калмыкии как один из механизмов, использование которого позволяет народу сохранить себя и свою культуру в многонациональной среде российского государства, передавая из поколения к поколению накопленный веками опыт, поддерживая связь времен, обеспечивая преемственность в жизни народа.

Ключевые слова: *национальная система образования, национальное самосознание, национальная школа, родной язык, обычаи, традиции.*

The development of the national school in Kalmykia is dealt with in this article as one of the mechanisms which when used enables the people to remain and to preserve its culture in the environment of other nations in the Russian state, transmitting the experience gained from one generation to another, maintaining connection between various ages, ensuring succession in the peoples life, the continuity of its national being.

Keywords: *National system of education, national self-consciousness, national school, native language, customs, tradition.*

Потребность в исследовании названной темы диктуется объективными условиями развития народов в российском государственно-политическом, - экономическом и культурном пространстве. Происходит процесс возрождения народов и их культур, чему в немалой степени способствует развитие национальной системы образования, в которой главенствующая роль отводится изучению родного языка (при сохранении двуязычия) и истории своего народа как автономной этнической общности в геополитическом и геокультурном пространстве России.

Калмыцкий народ на себе испытал и неудачные эксперименты в области языковой политики, и многое другое. Более того, он пережил незаконную ссылку, ликвидацию государственности и упразднение республики в 1943 – 1956 годах. Изгнанные с родной земли, калмыки были разбросаны на огромном пространстве Сибири, Средней Азии и Казахстана, пережили много потерь. Уничтожались духовные и материальные ценности буддизма, утрачивались обычаи и традиции народа. Этому способствовало и то, что национальные школы в Калмыкии были закрыты, обучение велось лишь на русском языке.

В этой связи актуальным представляется исследование региональных особенностей развития национальной школы как неотъемлемой части общего процесса, происходившего в стране.

Исследовательская новизна состоит в попытке рассмотреть национальную систему образования как один из механизмов, использова-

ние которого позволяет народу сохранить себя и свою культуру в инонациональной среде.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1993 по 2003 гг. В 1993 году после долгих лет единообразия впервые появились несколько вариантов концепций развития национальной школы в Калмыкии. Основным положением в них является осуществление демократического и конституционного права обучения и воспитания учащихся на родном языке, восстановление статуса калмыцкого языка как официального государственного, появление национально-регионального компонента в содержании обучения учащихся. Завершающий хронологический рубеж связан с подведением первых итогов развития национальной системы образования, принятием Распоряжения Президента РК «О развитии национальной системы образования в республике» (2001 г.) и Указа «О праздновании 10-летнего юбилея национальной системы образования Республики Калмыкия» (2003 г.).

Данная проблема разрабатывалась Р. Б. Дякиевой [1], Л. Н. Мукаевой [2], О. Д. Мукаевой [3], А. Б. Панькиным [4], Е. В. Сартиковой [5]. В монографиях О. Д. Мукаевой исследуется культурное своеобразие народной педагогики. Особое внимание уделено содержанию образования, этнопедагогическим традициям воспитания детей, обоснована идея двуязычной школы, плодотворна идея управления системой образования на основе программно-целевого подхода. А.-Б. Панькин в своей монографии предлагает Концепцию развития калмыцкой национально-региональной систе-

мы образования, возрождающей, сохраняющей и развивающей родной язык – основу национальной культуры и самосознания. Заслугой ученых является привлечение внимания властей к серьезной государственной поддержке и помощи учреждениям национальной системы образования. Вместе с тем культурные традиции все еще недостаточно изучены, хотя с 1993 г. началась уже третья в XX веке попытка возрождения калмыцкой национальной школы. Но самое главное – предстоит обобщить материал, связанный с ролью образования в экономической и общецивилизационной модернизации калмыцкого общества. Эта задача достаточно сложна и требует интенсивной поисковой и аналитической работы. Поэтому история развития национальной школы в Калмыкии нуждается в дальнейшем изучении.

Ключевым понятием и главным процессом социального развития в XX веке была модернизация общества в целом и отдельных его сфер. Национальная система образования – и часть, и двигатель этого процесса.

Национальная система образования представлена различными школьными учреждениями. Сложившаяся к настоящему времени ситуация имеет глубокие корни в истории развития национальной школы в Калмыкии.

На состоявшемся в марте 1921 г. X съезде ВКП(б) была намечена программа мероприятий в области национальной политики. Особое внимание уделялось роли родного языка в просвещении народных масс, ликвидации безграмотности населения, расширению сети начальных школ. Острым был вопрос о подготовке учителей. В 1920 г. были организованы двухгодичные педагогические курсы в г. Астрахани, которые в 1921 г. были преобразованы в Калмыцкий педагогический техникум. С 1922/23 учебного года в Калмыцкой области уже наблюдался рост количества школ и учащихся. Но обучение в калмыцких начальных школах проводилось на русском языке. Приобретение навыков чтения и письма в основном на русском языке объяснялось и техническими причинами – нехваткой учебных пособий и трудностями, связанными с усвоением старинной национальной графики.

Основными этапами развития калмыцкой письменности стали: «тодо бичиг» («ясное письмо»), созданное Зая-пандитой (1648 – 1924); письменность на основе русской графики с введением дополнительных знаков (1924 – 1930); на основе латинского алфавита с дополнительными знаками (1930 – 1938) и вновь на основе русского алфавита (1938). Перипетии с алфавитом

осложнили решение и без того непростых задач по преодолению неграмотности в Калмыкии.

В 1923 г. Калмыцкий областной отдел народного образования впервые начал работу по составлению учебников для начальных школ на калмыцком языке.

Успехи школьной политики 1920-х годов сказались в том, что уже с 1924/25 учебного года КалмОНО приступил к постепенному переводу школ 1 ступени на родной язык преподавания. Ранее это было невозможно, так как отсутствовали учителя-калмыки. К важнейшим мероприятиям в области национализации школы относились: «проведение шестимесячных курсов по подготовке учителей-калмыков; перевод учебников на калмыцкий язык; разработка на калмыцком языке комплексных программ для первого и второго года обучения». Благодаря этим мероприятиям 30 % школ Калмыцкой области или 34 школы, в 1925/26 учебном году перешли на преподавание на родном языке. В 1926 г. обучение учащихся на родном языке проводилось в первом и втором классах начальных школ.

В 1927/28 учебном году работало более 50 национальных школ. В 1927 г. предполагалось распространить обучение на родном языке на третьи классы. Соответственно этому увеличилось и издание учебников для национальных школ, велась широкая подготовка национальных учительских кадров.

В 1929 г. в РСФСР действовало 85 национальных педучилищ и 8 пединститутов. Кроме того, в 24 пединститутах функционировали национальные группы. Преподавание в начальных школах осуществлялось на 48 языках коренных национальностей России [6].

Однако, начиная со второй половины 1930-х годов ситуация начинает существенно меняться. Упраздняются национальные органы просвещения в структуре государственного управления, происходит частая смена графических основ письменности и, наконец, в 1938 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР вводится закон «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», что открывает полувековой период ограничения сферы функционирования родного языка в образовании. Государство фактически возобновило политику русификации. Она не была явной, не успела породить заметных последствий, но в перспективе угрожала отрицательными результатами.

В 1957-1958 годах после восстановления автономии калмыцкого народа возобновляются обучение на родном языке, подготовка учительских кадров для национальных школ.

Однако школьный закон, принятый в 1958 г., не отменяя формального принципа «школа на родном языке», повернул ситуацию для массового перевода большей части национальных школ РСФСР на русский язык обучения, для превращения их в обычные русские школы с дополнительным родным языком как учебным предметом [7].

В «советскую» эпоху, сохранив только один признак национальной принадлежности – преподавание родного языка, школа все более утрачивала этническое своеобразие. Но в целом советская школа, несмотря на недостаточное внимание к национальным традициям, способствовала росту образовательного уровня народа.

В 1993 году были открыты первые 24 национальных класса, через 10 лет их число составило уже 153. В этом же году на базе Ульдючинской средней школы Приютненского района была создана первая национальная школа Калмыкии. В 1993 – 1995 гг. открылись первые национальные детские сады: 1993 г. – «Сайгаченок» (п. Кетченеры), 1994 г. – детский сад № 6 при национальной прогимназии (г. Элиста), 1995 г. – «Булг» (п. Оргакин Ики-Бурульского района). По линии Международного фонда образования и ЮНЕСКО выделено 6 пилотных школ, вошедших в проект «Развитие национальной школы», который был учрежден в 1994 г. девятнадцатью регионами России, в том числе и Республикой Калмыкией. С 1 сентября 2001 г. открыта первая в республике Калмыцкая национальная гимназия. Увеличилось число национальных начальных школ 1 ступени.

В условиях социально-экономических и политических реформ 1990-х годов сложилась уникальная ситуация в образовании, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка в обучении [1]. Созданию такой ситуации способствовала активизация решения языковых проблем как в целом в Российской Федерации, так и в её субъектах (принятие законов РФ «О языках народов РФ» и «Об образовании РФ»).

Стимулирующее влияние на возрождение национальной системы образования (НСО) оказали Указы Президента Республики Калмыкия «О мерах по дальнейшему возрождению и развитию калмыцкого языка» от 07.05.1998 г. и «О развитии национальной системы образования» от 04.07.2001 г., актуальные по своей направленности и исторические по своему значению.

Программно-целевой и системный подходы к деятельности по развитию НСО в республике позволили создать необходимую

нормативно-правовую базу, увеличить и разнообразить сеть национальных образовательных учреждений.

В числе основных задач национальной системы образования – приобщение учащихся к истории и культуре родного края, стимулирование интереса к изучению родного языка, поддержка одаренных детей. В этих целях в республике ежегодно проводится республиканская олимпиада по предметам региональной компетенции. Для того чтобы калмыцкий язык полноценно функционировал и был востребован в сфере образования, в 2000 году был введен обязательный экзамен по калмыцкому языку и калмыцкой литературе на итоговой аттестации учащихся 9 и 11 классов.

В рамках национальной системы образования проведено более 30 научно-практических конференций и семинаров по проблемам национального образования. В том числе: международный семинар под эгидой ЮНЕСКО «Языки народов России: перспективы развития» (1999 г.), международный семинар «Сохранение национальной самобытности народов Северного Кавказа и предотвращение конфликтов: подготовка программы действий» (1999 г.), международный семинар «Двуязычие и билингвизм» (2003 г.) и др.

В Республике Калмыкия (также как и в национальных республиках Северного Кавказа и Дагестана) в последнее десятилетие XX века реализовывалась программа регионализации образования, концепция внедрения национального компонента в учебно-воспитательный процесс. В учебные планы школ были введены разнообразные курсы и программы: «Традиционное воспитание калмыков», «История и культура родного края», «Основы буддизма», «Основы народных ремесел», «Экология Калмыкии», а основной акцент в национально-региональном компоненте делался на такие предметы, как «родной язык» и «родная литература». Но в школах республики обучаются представители разных национальностей. Одна из проблем учебных заведений со смешанным национальным составом – достижение гармонии национального и интернационального в личностных качествах учащихся. Э. Гарунов считает, что «нормативным является такое развитие национального, когда человек овладевает национальным языком того народа, к которому принадлежит, понимает и ценит его культуру. Под интернациональным мы понимаем готовность и умение с искренним уважением относиться к языку, культуре, добрым традициям тех народов, которые проживают в данной местности и вокруг» [8].

Для удовлетворения этнических потребностей народов, проживающих в республике, в содержание образования вводятся факультативы, спецкурсы, создаются кружки по изучению языков народов Калмыкии. Например, организовано обучение «казахскому языку в школах Юстинского и Лаганского районов, даргинскому языку в школах Ики-Бурульского района, аварскому – в Черноземельском, чеченскому в Целинном районах» [9].

При определении национально-региональной системы образования очень важно разграничивать понятия «калмыцкая национальная школа» и «национальная школа Калмыкии». Они пересекаются, но не совпадают целиком. Первое из понятий направлено на изучение конкретного этноса, его языка, истории и культуры, традиций и т.д. Второе понятие – на территориальное образование, которое само по себе полиязычно, политэтнично и поликультурно. Поэтому, говоря о национально-региональной системе образования, нам необходимо пользоваться термином «национальная школа Калмыкии», т.к. мы подразумеваем не только национальную школу конкретного этноса, но и других народов, проживающих на данной территории, удовлетворяющей интересы многонационального населения.

Инновационные методы народного образования внедряются все уверенней. Предпринимаются эксперименты, открываются национальные группы в детских садах, национальные классы в общеобразовательных школах, национальные мастерские.

Аналогичные процессы происходят в соседних с Калмыкией республиках. Например, в Кабардино-Балкарии выделяются следующие основные тенденции в образовании: «смена основной парадигмы образования; кризис его классической модели, разработка новых педагогических идей; демократизация школы, гуманизация, вариативность образования; восстановление и развитие положительных традиций национальной школы; отработка модели системы непрерывного образования» [10].

Анализ сложившейся ситуации в системе образования Кабардино-Балкарской республики свидетельствует об изменении «содержания национально-регионального компонента и отработки модели системы непрерывного образования». Широкая реализация непрерывного образования в КБР возможна, по мнению Мизовой М. Х., «если будут разработаны преемственные образовательные программы, сквозные учебные планы, соответствующая учебная литература, направленная на воспитание лич-

ности как субъекта этноса» [10, с. 109].

В типовой модели национальной школы Северного Кавказа содержание комплекса учебных предметов идентично с общеобразовательной школой, и вместе с тем в него вводится специфика региона. «Так, при изучении естественнонаучных предметов (биология, география, физика, химия) обращается внимание на местную флору и фауну, экономику и производственную деятельность населения, национальный состав и особенности традиций и обычаев этносов; термины и понятия, обозначающие физические и химические явления и процессы, их эквиваленты на родном языке» [11].

Региональный и национально-этнический компоненты включают в себя родной язык и литературу, историю народа и его культуру, устное народное творчество. «Все предметы, - отмечают Х. Х. Сукунов и А. П. Величук, - изучаются с опорой на самобытность, нравственную и эстетическую культуру народа, специфику среды обитания, окружающего мира, обычаи и традиции этноса. Формирование физической и трудовой культуры также осуществляется с привлечением национальных видов спорта, трудовых традиций» [11].

Очевидны общие тенденции и закономерности. Так, ориентация на воспитание личности как субъекта этноса является приоритетной во всех республиках, в попытке выработать нормативно-ценностные системы заложены общие критерии. Речь сейчас идет, конечно, о выборе идентификационной модели системы национального образования, исходя из того, что «каждая из них как органическая часть общероссийской образовательной системы должна гарантировать достижение одного и того же уровня образования... при обеспечении учета национально-самобытных особенностей всех народов Российской Федерации» [11, с. 37]. Но, кроме общности проблем национального образования в полиэтническом регионе, существуют различные интересы народов (они в конкретных содержательных формах и моделях).

Калмыкия имеет тесные дружественные связи с соседними краями, областями и республиками Северного Кавказа, ее основными направлениями в духовной сфере являются: «государственная поддержка национальных языков и культур, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения, создания условий для развития национально-русского и русско-национального двуязычия; развитие национальных общеобразовательных учреждений» [12].

Таким образом, «национальные системы образования должны составить целостную

общероссийскую структуру, полностью удовлетворяющую национально-образовательные потребности всех этносов, проживающих в Российской Федерации, с учетом разнообразных региональных особенностей (этно- и социокультурных, исторических, хозяйственно-экономических и др.). Необходимо, на наш взгляд, четко определить направления деятельности НСО, чтобы обеспечить ее развитие в перспективе. Эти направления связаны, прежде всего, с программно-методическим, кадровым, материально-техническим, финансовым и научно-информационным обеспечением. Поэтому самым оптимальным решением проблемы развития национальной системы образования является вариант, при котором государство изыскивает средства для превращения образовательной сферы в конкурентноспособный механизм удовлетворения национально-культурных потребностей населения, адекватный перспективам национального развития, принципам гуманизма и демократии. Результаты, которых достигла национальная система образования за 10 лет – это итог деятельности учёных, руководителей системы образования разных лет, педагогов национальных классов, внесших значительный вклад в развитие национальной системы образования республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дякиева Р.Б. Развитие национально-регионального образования Республики Калмыкия (организационно-управленческие аспекты). Элиста: КГУ, 2006.
2. Мукаева Л.Н. Калмыцкая национальная школа: истоки, становление, перспективы развития // Калмыцкая нация на рубеже столетий: современное состояние, перспективы развития. Сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1995. С. 52-63.
3. Мукаева О.Д. Этнопедагогика калмыков: история и современность. Элиста: Джангар, 1999.
4. Панькин А.Б. Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001.
5. Сартикова Е.В. Образование Калмыкии: истоки и становление. Элиста: Джангар, 2000.
6. Национальная система образования: 10 лет – опыт и перспективы развития // Алтн товч, 2003. 16 мая. С. 1-3.
7. Там же.
8. Гарунов Э. Школа со смешанным национальным составом // Народное образование, 1993. № 5. С. 61.
9. Национальное образование: проблемы и перспективы // Известия Калмыкии, 2001. 25 января. С. 3.
10. Мизова М.Х. Модель системы непрерывного образования (национально-региональный аспект) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2000. № 1. С. 108-109.
11. Сукунов Х.Х., Величук А.П. Разработка типовой модели национальной школы (для школ Северного Кавказа) // Педагогика, 1997. № 4. С. 44.
12. Максимов К.Н., Ванькаев Ю.К. Калмыкия и Северный Кавказ: перспективы сотрудничества // Народы Калмыкии: современные социокультурные и этнические процессы. Сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1997. С. 26-27.

«КРАСНОШАПОЧНЫЙ» БУДДИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫКИИ

М.Б. Марзаева

В статье рассматривается процесс становления буддийских общин «красношапочных» школ в Республике Калмыкия в постсоветский период. Отмечены общие черты в развитии данных организаций и определены особенности в деятельности общин.

Ключевые слова: *буддизм, религиозные организации, буддийские посвящения и ритуалы, буддийские ступы.*

This article is devoted to the process of development of buddhist communities of «old skools» in Kalmyk Republic in the postsoviet period. Also the general features in development of the given organizations are marked and the features in activity of communities are determined.

Keywords: *Buddhism, religious organizations, the buddhist dedications and rituals, the buddhist stupas.*

В настоящее время буддизм у многих вызывает особый интерес как философия нового тысячелетия. В современной Калмыкии интерес к буддизму также связан с возрождением этнической культуры калмыцкого народа. Восстановление буддийской религии в республике, начавшееся в конце XX в., характеризуется активным строительством хурулов, подготовкой кадров буддийского духовенства, посещением республики высокими учителями буддийских школ разного направления.

Буддизм у калмыков имеет длительную и богатую историю. Знакомство предков калмыков - ойратов с буддизмом относится к XIII в., а широкое распространение данного вероучения происходит в конце XVI - начале XVII вв., о чем пишут И. Я. Златкин, Н.Л. Жуковская, Э.П. Бакаева, Г.Ш. Дорджиева [1]. В XVII в. буддизм у ойрат-калмыков стал государственной религией, утвердившись в форме вероучения «желтошапочной» школы Гелуг.

Вопрос о распространении влияния соперничавших с ней «красношапочных» школ буддизма среди калмыков является малоизученным. В работах А. Ровинского, Г.С. Лыткина, Х.Б. Канукова имеются данные о распространённости «красношапочных» школ Сакья среди волжских калмыков [2]. Автор работы «Старокалмыцкая живопись в фольклорной традиции калмыков» С.Г. Батырева пишет, что учение «красношапочной» школы Сакья существовало у донских калмыков до XIX в. [3]. Данной проблематике посвящена статья Э.П. Бакаевой «Красношапочный ламаизм у калмыков?» [4]. Ее автор констатирует, что в данный период вопрос о существовании «красношапочных» школ буддизма среди калмыков в XVII – XIX вв. однозначно решить нельзя

ввиду отсутствия достаточной аргументации [5]. Исследователь Б.У. Китинов на основе зарубежных источников пришел к выводу, что в начальный период существования буддизма у монголов имели распространение все четыре основные направления тибетского буддизма: Ньингма, Кагью, Сакья и Гелуг [6]. Как видим, вопрос об истории распространения религиозных школ буддизма в Калмыкии требует специального исследования.

В связи с этим особую актуальность приобретают исследования современных религиозных общин, ориентированных на ту или иную школу тибетского буддизма. В данной статье мы осветим историю развития буддийских организаций красношапочных школ в современной Калмыкии. Материалом для написания статьи явились полевые исследования автора.

В настоящее время в республике представлены все основные четыре школы тибетского буддизма Гелуг, Кагью, Сакья, Ньингма. Наряду с традиционно функционирующими хурулами тибетской школы Гелуг действуют буддийские сообщества, развивающие автономные формы организации религиозной жизни.

Одной из первых таких общин стал центр Карма-Кагью, который из «красношапочных» школ Калмыкии является самым большим по численности своих последователей. Буддийский Центр Карма-Кагью, основанный европейским проповедником датчанином Оле Нидалом, является светской организацией, объединяющей только мирян.

Школа Кагью начала складываться в Тибете с XI века. Термин Кагью означает “линию” преемственности буддийского религиозного опыта, переходящую от учителя к учителю, не опосредованную обращением к письменному

наследию. Сущностью этого обучения являются устные наставления в так называемой буддийской Тантре – ритуальных практиках, представляющих собой совокупность психотехнических способов преобразования личности и сознания адепта [7].

Традиция школы Кагью в русле тибетского буддизма исторически выделялась своей разветвленной сетью образовательных центров, где миряне могли изучать буддийскую догматику, философию и логику. Особое внимание в образовательном комплексе Кагью уделялось изучению канонической религиозной доктрины (Виная). Однако первостепенную роль наставники Кагью отдавали теоретическому освоению ритуальных практик и буддийской психотехники (Тантре) [8].

В России центры Карма-Кагью представлены организациями, основанными Оле Нидалом. Первый центр Кагью был основан им в г. Санкт-Петербург в 1991 г. Он координирует деятельность “нидаловских” общин в России и СНГ. На территории России, Украины, Белоруссии и стран Балтии насчитывается около восьмидесяти центров и групп медитации линии Карма-Кагью.

Первая публичная лекция Оле Нидала в Элисте состоялась в 1993 г. перед обширной студенческой аудиторией. На волне идеологической открытости российского общества он представлялся определенным слоем населения как яркая неординарная личность, как международный духовный лидер, изучивший сокровенное буддийское знание. Его приезд способствовал созданию Центра Карма-Кагью, одного из первых религиозных общин мирян.

В 1995 г. в Элисте был зарегистрирован филиал Международного Буддийского института “Кармапы” (KIBI), в котором преподавались буддийская философия и практика, тибетский и английский языки. Это также повлияло на увеличение числа новых последователей Карма-Кагью в республике. В последние несколько лет ввиду малочисленности студентов занятия прекращены.

Следующим фактором увеличения численности и сплочения общины Карма-Кагью стало строительство ступы Просветления, получившей название “Монлам Тамчед Друпа” – “Исполнитель всех молитв”. В период строительства ступы все те, кто был занят на строительных работах, помогал материально, сплотились и в итоге образовали костяк общины Карма-Кагью.

Инициатором строительства ступы явился один из высочайших лам тибетского буддизма Шамар Ринпоче, вторая по значимости фигура

школы Карма-Кагью. Летом 1995 г. он выбрал и освятил участок для строительства ступы. Проект буддийской ступы был разработан Войтеком Косовски, архитектором из немецкого города Франкфурт-на-Майне. Строительство ступы осуществлялась в два этапа. Оно началось летом 1997 г., когда под руководством ламы Лопен Цечу Ринпоче был заложен фундамент, а в 1998 г. была построена внутренняя алтарная комната. Второй этап, начавшийся в 1999 г. с ритуала Янг-Бум, заключался в возведении самой ступы и наполнении ее священными текстами, свертками с мантрами, цацами, сосудами с драгоценностями. Главными спонсорами строительства ступы Просветления явились Шамар Ринпоче и Оле Нидал. Строительство ступы велось волонтерами из разных городов России, Украины и усилиями жителей Калмыкии. Впоследствии рядом со ступой был возведен домик для статуи двурукого Махакалы, одного из главных божеств-защитников школы Кагью. Махакала, являясь эманацией Будды Силы Ваджрапани (калм. Очир Вани), покровителя Калмыкии, имеет особую связь с Калмыкией [9].

Ступа играет очень важную роль в распространении буддийского учения и увеличения численности последователей школы Кагью. Многие верующие приходят сюда со своими семьями. Здесь они начитывают мантры, делают подношения, обмениваются буддийской литературой, которая поступает из Санкт-Петербургского Центра. Ступа Просветления также построена в селе Цаган-Нур Октябрьского района, там она носит название Тра Ши Лумбини Цал – «Сад удачи Лумбини» [10].

В данное время Центр Карма-Кагью представляет собой многочисленную общину. Община состоит из разных по возрасту и по социальному положению людей. Большинство членов городской общины - это люди в возрасте от 25 до 60 лет.

Структура ритуальных практик общины Карма-Кагью состоит из индивидуальных практик, совместных медитаций, Пховы. В рамках ежегодных визитов Нидала в Россию проводятся коллективные практики, называемые Пхова, в них могут участвовать не только члены российских общин Карма-Кагью, но и все желающие. О проведении Пховы обычно оповещают посредством электронной почты и афиш, расклеиваемых по городу. На таких афишах обычно печатаются фотографии Нидала, а в тексте обычно указывается, что будет проведена практика «переноса сознания».

В 2006 г. в Элисте в течение двух недель действовала передвижная выставка «Буддизм,

который можно потрогать руками». Экспонаты выставки вызвали особый интерес у населения, к священным предметам разрешалось прикоснуться.

В планах общины открытие образовательного центра Кагью, строительство здания которого начато в 2008 г.

«Красношапочный» буддизм представлен в Калмыкии еще двумя школами – Сакья и Ньигма, общины которых возникли после приезда в республику учителей этих традиций. Тибетская школа Сакья появилась во второй половине XI в. Ее последователи следуют учению, согласно которому «адепт осознает свое состояние (настоящее); он совершает путь, во время которого узнает, что следует принимать, от чего необходимо отказываться; результат – достижение желаемого состояния, цели. Знание достигается во время прохождения пути посредством медитации в состоянии бардо (промежуточного между жизнью и смертью)» [11].

Буддийский центр Сакья был создан после визитов иерархов школы Сакья Ринпоче и Сакья Тризина. Во время своего визита в июне 1995 г. сорок первый Патриарх традиции Сакья – Сакья Тризин даровал Учение Будды, посвящения Шри-Херуки, Манджушри, Ваджрапани, Зеленой Тары [12]. Итогом его визита было создание калмыцкого буддийского центра, которому он дал название Сакья Чопа Линг и оставил тексты Хеваджары, Махакалы.

В 1997 г. центр принимал в Элисте Жамьяна Легшея (28 августа – 7 сентября). Им был прочитан курс лекций, дано посвящение Белого Манджушри, проведен ритрит Ваджрапани. В 1998 г. был приглашен учитель Нгаванг Гьялцен из центра Сакья (Индия). Им был прочитан курс Нанг Сум (Три воззрения). Для проведения месячного курса была проведена большая организационная работа, включавшая подготовку аудиозаписи, аудитории и т.д.

Первоначально центр состоял всего из 20 человек, к настоящему составу общины изменился. Все члены центра являются представителями интеллигенции: ученые, художники, инженеры, студенты, средний возраст которых составляет 35-40 лет, по национальной принадлежности – калмыки. Из старого состава общины осталось трое. Как объяснил руководитель центра, «поскольку люди еще находятся в процессе поисков своего пути развития, то одни ушли в традиционную для калмыков общину Гелуг, другим ближе оказались иные традиции, часть выехала за пределы республики на заработки».

Структуру Центра определяет его Устав: руководитель Центра, Совет Центра – 3 челове-

ка, казначей, общее собрание Центра, которое является высшим его органом. Руководитель Центра Салдусова А.Г. осуществляет проведение и руководство практик, занятий, подготовку текстов (перевод, издание текстов), представление центра в высших органах – Объединение Буддистов Калмыкии (ОБК) и т.д. Совет центра принимает важные решения по обеспечению помещением, финансовые вопросы центра, принятие решений уставного характера, которые при необходимости выносятся на общее собрание.

В соответствии с принятым Уставом (1995 г.) задачами буддийского Центра «Сакья Чопа Линг» являются: изучение Дхармы, проведение совместных духовных практик и церемоний, пропаганда буддийского учения.

Каждый член Центра ежедневно занимается индивидуальной практикой (изучение литературы, медитации). Один раз в неделю, в субботу, члены Центра собираются вместе для проведения общих практик - Садханы Белого Манджушри, Садханы Шри Херуки, Ваджрапани. По определенным датам проводятся церемонии «Тары Пуджи» - большой молебен, по которому был подготовлен и издан текст молитвы Белой Тары, одобренный Сакья Тризином, главой Сакья школы. Центр арендует помещение в Дхарма-центре за счет членских взносов.

Главным учением традиции Сакья является «Путь-Плод» (Путь и результат). Учение «Путь-Плод» - одно из самых важных передач точных инструкций по практике в тибетском буддизме. Оно включает различные методы работы человека с миром: как постепенные, шаг за шагом приближающие его к глубокому пониманию, так и очень быстрые, в соответствии с той конституцией психики и понимания, которой располагает конкретный человек. Оно объясняет, что самый простой человек, находящийся под влиянием своих эмоций и различного рода поступков, может начать путь духовного развития, и какие результаты будут сопровождать его на этом пути, вплоть до достижения им полного просветления. Учение включает две части: первая – Хеваджра-тантра и комментарий к ней; вторая – точные указания, как осуществлять это учение. Само учение объединено в собрание, состоящее из 31 тома. Хеваджра-тантра является теоретической основой доктрины Путь-Под (Lam-'bras), которая впоследствии стала специальной доктриной школы Сакья.

Одной из своих задач центр считает разработку и реализацию программы духовного развития. Община поддерживает контакты с ученым Санкт-Петербургской АН, кандидатом филологических наук Р.Н.Крапивиной, с по-

мощью которой подготовлена к изданию сутра III Патриарха традиции Сакья Дагпа Гьялчена «Освобождение от четырех привязанностей». Решается вопрос об ее издании. Центр ставит перед собой цель издание этой сутры в Калмыкии не только для ритуальной деятельности, но и для научного ее изучения.

Центр поддерживает связи с зарубежными общинами Сакья. Так, в 2002 г. члены центра встретились с Сакья Тризином в г. Граце (Австрия), который находился там по приглашению местной общины. Состоялся разговор о работе центра, его проблемах и трудностях, которые встретили понимание со стороны Учителя.

Члены центра принимают участие в мероприятиях, проводимых Объединением буддистов Калмыкии, Дхарма центром, посещают лекции учителей других традиций (ньюингма, дзогчен, гелуг), приезжающих в Калмыкию.

Итак, рассмотренный нами буддийский центр является мирским религиозным сообществом с отличительными практиками и организацией. В ходе исследования мы выявили, что Центр Сакья проводит ритуальные практики, которые полностью соответствуют тибетской традиции. Духовные практики регламентированы и состоят из индивидуальных и коллективных. Рассмотренный нами буддийский Центр Сакья отличается своей позицией по отношению к другим буддийским центрам. Руководство Центра ориентировано на сотрудничество и активное участие в работе ОБК.

В настоящее время в пос. Ики-Бурул действует хурул, настоятелем которого является лама школы Ньюингма, потомок известного калмыцкого гелюнга Тугмюда Гавджи (Очир Дорджиев) - Падма Шераб (Гордеев Р.Н.) [13]. История возникновения буддийской школы Ньюингма связывают с именем Падмасамбхавы (VIII в.). Согласно сокровенному учению этой школы, достижение состояния просветления зависит от посвящения в ту или иную группу текстов. «Посвященный в крия-тантру достигает состояния Будды через семь рождений в облике человека; в упайока-тантру – обретает состояние будды после пяти рождений человеком; посвящение в йога-тантру приводит к состоянию будды через три жизни; махайога-тантра дает возможность стать Буддой в следующем рождении, аннуйога-тантра – во время смерти, ати-йога – в этой жизни [14].

Впервые буддийские учителя школы Ньюингма Кхенчен Палден Шераб Ринпоче и Кхенпо Цеванг Донгьял Ринпоче (США) посетили нашу республику в 1995 г. и благословили открытие

Ики-Бурульского хурула «Падма Цокье Дордже Линг».

В силу того, что Ики-Бурульский хурул является первым и единственным монастырем школы Ньюингма в России, название хурулу «Оргье Самье Линг» присвоено в честь первого буддийского монастыря «Самье Линг» в Тибете [15]. Оргьен - страна чудесного рождения Гуру Падмасамбхавы – Уддияна, расположенная в северо-западном направлении от Индии, как и Калмыкия. В 2000 г. здание хурула согласно буддийским канонам реконструировали при помощи местных властей.

В 2003 г. Кхенчен и Кхенпо Ринпоче проводят ритуал освящения земли под строительство ступы в п. Ики-Бурул. 15 июля 2004 г. состоялось торжественное открытие ступы «Чжанчуб Дудул Чортен». Чертеж ступы был составлен Тулку Пема Ригдзин Ринпоче из Непала, мастером по строительству ступ в традиции Ньюингма. Автором проекта ступы в пос. Ики-Бурул является Владимир Гиляндиков. Все канонические работы по закладке бумб, цацы и т.д. провели буддийские ламы Кунзан Дордже (Индия) и Пальджор Церинг (Тибет).

Строительство ступы включает в себя проведение особых ритуальных действий. Кхенчен Палден Шераб Ринпоче и Кхенпо Цеванг Донгьял Ринпоче даровали в ступу для закладки 108 томов буддийского канона Ганджур, рильбу - субстанцию зуба Будды Шакьямуни, печати Гуру Падмасамбхавы и тертона Цасум Лингпы, прах великого ламы школы Сакья - Пагба ламы, наставника Хубилай-хана - внука великого Богдо Чингис-хана.

Строительство ступы благословили главы школ Ньюингма и Сакья Минлинг Тричен Ринпоче и Сакья Тризин, Минлинг Кхенчен Ринпоче, которые даровали различные благословения около 20 наименований, включая землю с горы Кайлаш, песок мандалы Дешег Кагье, собранный на ежегодном дробчуне (большом молебне, проводимый по линии ньингмапинской школы) в течение 18 лет в Миндроллинге и многое другое.

Ступа является самой высокой в России, ее высота составляет 12 метров. 20 мая 2005 года Кхенчен Палден Шераб Ринпоче и Кхенпо Цеванг Донгьял Ринпоче провели ритуал освящения ступы с участием многочисленных своих учеников из Калмыкии, Москвы, Санкт-Петербурга, Юга России, Белоруссии и верующих района.

Ступа «Чжанчуб Дудул Чортен» построена благодаря усилиям верующих из 8 стран: Индии, Калмыкии, Кореи, Непала, России, США,

Японии и Тибета и заслуженно носит свое второе имя - Пагода Мира, построенная людьми доброй воли стран мира для укрепления и защиты мира во всем мире. Учителя школы Ньигма регулярно посещают республику. Во время этих визитов проводятся посвящения, совершаются ритуальные обряды, организуются ритриты. С проведением практики ритрита появилась необходимость в специальном помещении для таких мероприятий, требующих уединения. В планах руководителя общины Падма Шераба строительство ритрит-центра.

Итак, рассмотренные нами буддийские центры являются мирскими религиозными сообществами с отличительными практиками и организацией. Однако общими в развитии рассмотренных буддийских организаций являются следующие факты: общины основаны приезжими учителями по просьбе местных жителей, желающих получить и практиковать учение; они самостоятельно развивают свою деятельность, контактируя с зарубежными организациями. Более развитые международные связи общин Карма-Кагью и Ньигма оказывают благоприятное влияние на развитие этих центров.

Степень участия в общественной жизни республики у «красношапочников» разная. Наиболее активны последователи Оле Нидала. Это объясняется не только многочисленностью центра Карма-Кагью, но и контактами с главенствующим петербургским центром и помощью с его стороны. Приоритетными направлениями деятельности общины Карма-Кагью являются: организация регулярных визитов как самого Оле Нидала, так и его учеников, участие в буддийских семинарах и посвящениях, проводимых учителями Кагью в различных регионах России и в странах СНГ.

В отличие от центра Карма-Кагью деятельность членов Сакья никем не регулируется. Они практикуют самостоятельно. Эта община состоит из представителей творческих профессий, которые практикуют учение, не будучи монахами, но имеют обеты и активно занимаются религиозным самообразованием. Рассмотренный нами буддийский Центр Сакья отличается своей позицией по отношению к другим буддийским организациям. Руководство Центра ориентировано на сотрудничество и активное участие в работе ОБК.

Община Ньигма - единственная из рассмотренных нами буддийских организаций, которая возглавляется священнослужителем. Основная сфера деятельности этого коллектива – создание благоприятных условий для изуче-

ния теории и практики учения, организация лекций учителей, проведение массовых практик. Необходимо отметить, что хурул находится в районном центре, где не все верующие знакомы с учением школы Ньигма. Для многих из них принадлежность настоятеля хурула Падма Шераба к данной школе не имеет принципиального значения.

Таким образом, можно сделать вывод, что при существовании буддийских организаций разных школ все же большинство верующих остаются несведущими в особенностях буддийских традиций. И лишь единицы буддистов-неофитов сознательно пришли к своему выбору, самостоятельно практикуют в избранной ими буддийской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964; 2 изд. М., 1983. Жуковская Н.Л. Народные верования монголов и буддизм // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978; Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Элиста, 1994; Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Элиста, 1995.
2. Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань, 1928; Лыткин Г.С. Калмыцкие записки. История калмыцкого народа. 1859. ЛО ИВ АН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 215. Ровинский И. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб, 1809.
3. Батырева С.Г. Старокалмыцкая живопись в фольклорной традиции калмыков // Калмыцкий фольклор / проблемы издания / Элиста, 1985. С. 68.
4. Бакаева Э.П. Красношапочный ламаизм у калмыков? // Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста, 1989. С. 83.
5. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Элиста, 1994. С. 15.
6. Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII-XVII). М., 2004.
7. Торчинов Е.А. Буддизм: Словарь. СПб., 2002. С. 80-84.
8. Островская-младшая Е.А. Тибетский буддизм. СПб., 2002.
9. Информант Батырев С.Б., Элиста.
10. Информант Шантаев Б.А., Элиста.
11. Огнева Е.Д. Буддизм: Словарь. Под ред. Жуковской Н.Л. М., 1992. С. 195.
12. Информант Салдусова А.Г., Элиста.
13. Информант Гордеев Р.Н. (Падма Шераб)
14. Огнева Е.Д. Буддизм: Словарь. Под ред. Жуковской Н.Л. М., 1992.
15. Колкарева Л. Хурул и самая высокая в России ступа // Мандала. Элиста, 2008. №16-17. С.26-27.

**МАТЕРИАЛЫ ПО ДАГУРСКОМУ ЯЗЫКУ XVII в.
ИЗ КНИГИ Н. ВИТСЕНА «СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ТАРТАРИЯ»
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Э.У. Омакаева, А.А. Бурыкин

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00449а

В статье впервые приводится список дагурских слов из книги Н. Витсена и рассматриваются некоторые их особенности фонетического и лексического характера.

Ключевые слова: *дагурский язык, Н. Витсен, лексика, фонетические особенности, Внутренняя Монголия.*

The article deals with the phonetic and lexical peculiarities of the Dagur words given in the N. Witsen's book.

Keywords: *the Dagur language, N. Witsen, lexicon, phonetic peculiarities, Inner Mongolia.*

Монгольские языки изучены неравномерно. Лучше всего изучены те из них, которые раньше попали в поле зрения ученых: халха-монгольский, бурятский и калмыцкий. Наименее исследованными долгое время оставались языки и диалекты монголов Внутренней Монголии, в том числе дагурский (даурский, или дахурский).

Как отмечал еще акад. Б.Я. Владимирцов, «мало известно наречие дагурское..., на котором говорят дагуры..., живущие в С. Манджурии, главным образом на р. Нонни и оазисами по другим местам» [1, с. 8]. Акад. Б.Я. Владимирцов считал дагурский язык особым наречием монгольского языка, смешанным с маньчжурскими элементами.

Современные дагуры являются одной из монгольских народностей, проживающей в двух географически удаленных друг от друга регионах Китая: на северо-востоке страны – в провинции Хэйлуцзян (г. Цицикар и окрестные уезды Лунцзян, Фуюй, Нэхэ – самый центр исторической Маньчжурии) и Хулунбуирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия (хошуны Мориндава, Бутха, Ажун, Солон) и на крайнем северо-западе – в уезде Чугучак Синьцзян-Уйгурского автономного района (у границы с Казахстаном).

Этническое происхождение дагуров не вполне ясно: одни исследователи считают их монгольским племенем, подвергшимся сильному тунгусо-маньчжурскому влиянию, другие – тунгусо-маньчжурским племенем, перешедшим в 13–14 вв. на монгольский язык. В степи Байгар, находившейся в долине р. Нонни Северной Маньчжурии, дагуры оказались в середине 17 в., когда в 1654 г. маньчжуры заставили их покинуть родные места в верховьях р. Амур и в долинах

рек Аргунь и Зея. Дагуры на новом месте были распределены по 4 округам – Цицикар, Бутха, Мергень, Айгунь.

В Европе дагуры стали известны благодаря выдающемуся голландскому государственному деятелю и ученому Н. Витсену [Витзену] (1641-1717). Амстердамский бургомистр, юрист, географ и этнограф Н. Витсен – автор книги, известной в России как «Северная и Восточная Тартария», выдержавшей несколько изданий. Оригинальное название труда Н. Витсена – «Norden Oost Tartarie ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen on volken, zo als voormals Eekent zyn geweest, beneffens versierde tot noch tue onbekende lantstrecken... in de Noorder en Oosterlyckste Gedeelden van Asia en Europa» (первое издание – Амстердам, 1692).

Этот уникальный для своего времени научный труд является ценнейшим памятником истории науки и одним из важнейших источников для изучения дагурского языка и культуры и, шире, языковых и культурных контактов народов России, Центральной Азии и Дальнего Востока

Отечественной науке эта работа была знакома, не в последнюю очередь, по причине известности личности самого автора, выдающегося картографа и личного знакомого Петра I. Однако вследствие того, что книга Н. Витсена написана на голландском языке, который не имел столь широкого распространения в России, как другие европейские языки, само содержание этого сочинения оставалось малопонятным для специалистов.

Труд Н. Витсена, содержащий первые сведения о калмыках, привлек внимание исследователей, в частности, стал темой магистерской

диссертации Д.А. Балакаевой, написанной на голландском языке. К сожалению, как сам труд, так и работы, ему посвященные, остаются мало доступными из-за отсутствия русского перевода, хотя такие попытки предпринимались.

В середине прошлого столетия сотрудница Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) В.Г. Трисман подготовила перевод книги Н.Витсена на русский язык [2], однако этот перевод оставался неопубликованным до настоящего времени [3], а другое сочинение Н.Витсена «Путешествие в Московию» было издано лишь относительно недавно [4].

Труд Н. Витсена представляет собой ценный источник по исторической лексикологии монгольских и, шире, алтайских языков. Материалы по корейскому и калмыцкому языку уже привлекли внимание исследователей [5], однако сведения о дагурах и их языке, содержащиеся в книге Н. Витсена, пока остаются без внимания специалистов.

В России первые сведения об этом народе были получены в конце 30-х гг. XVII в. предводителем енисейских казаков Максимом Перфильевым на р. Витим от местных тунгусов. Но впервые удалось увидеть дагуров на их прежних местах обитания в районе р. Зея казачьему атаману Василию Пояркову во время похода на Амур в 1643 г. [6].

В 60-е гг. прошлого века число этнических дагуров, по данным Б.Х. Тодаевой, составляло 50 тыс. чел. [7]. Согласно переписи 1990 г., численность возросла до 121 тыс. человек, из них около 85 тыс. владело дагурским языком. На 1999 год численность дагуров составляла 96 085. В настоящее время исследователи [8, с. 106] указывают на цифру 100 тыс. чел., из них говорящих на родном языке - чуть больше половины. Количество носителей языка среди молодежи неуклонно снижается, поскольку преподавание в школах ведется на китайском языке.

Язык используется в основном в быту. На сегодняшний день язык является бесписьменным. Предпринимались неоднократные попытки создания систем письма, в том числе на основе кириллицы (в 1957 году) и дважды (в 20-х и 60-х годах XX века) — латиницы. В качестве письменного литературного в настоящее время используется китайский язык, ранее применялся маньчжурский. Функционирует радиовещание на дагурском языке.

Исследователи отмечают, что «история и культура дагуров до сих пор продолжает оставаться «белым пятном» в российском востоковедении» [9]. То же самое можно сказать и о языке дагуров.

Первое знакомство отечественных исследователей с фонетикой и лексикой дагурских говоров состоялось благодаря материалу, собранному и опубликованному в 1894 г. А.О. Ивановским [10].

Долгое время было неизвестно, на какие говоры он распадается. Н.Н. Поппе считал дагурский архаичным монгольским диалектом, отмечая несомненные общие черты с письменномонгольским языком, южно-монгольскими говорами, ойратским, бурятским, могольским языками. Его описание хайларского говора дагурского наречия, опубликованное в 1930 г., включает очерки по фонетике и морфологии с приложением текстов и словаря [11].

В 50-х годах прошлого столетия в Китае была проведена совместная академическая советско-китайская экспедиция, в которой активно участвовала известный монголовед Б.Х. Тодаева. В полевых условиях членами экспедиции были собраны материалы практически по всем современным монгольским языкам и их диалектам, представленным в Китае. Первые статьи по итогам полевых исследований, написанные Б.Х. Тодаевой и известным китайским монголоведом Чингэлтэем, были опубликованы в китайских изданиях [12]. Уникальный экспедиционный материал составил целый цикл работ, изданных Б.Х. Тодаевой в различные годы уже в Москве, начиная с известного труда «Монгольские языки и диалекты» (1960 г.). В 1986 г. вышла ее книга, посвященная и дагурскому языку [13], переизданная в 1999 г.

Значительная часть материалов экспедиции была опубликована спустя четверть века китайскими учеными в Китае в форме кратких грамматических очерков на старописьменном монгольском и китайском языках, но, как отмечает Ю. Янхунен, «все эти очерки по качеству во многом уступают работам Б.Х. Тодаевой» [14]. Благодаря публикациям Б.Х. Тодаевой монголоведы получили возможность привлечь новые материалы для широких сравнительных и сравнительно-исторических исследований не только в области фонетики и морфологии, но и лексики.

Сравнительное исследование лексики монгольских языков по тематическим группам, охватывающим различные пласты слов, относящихся к таким важнейшим сторонам жизни и быта монгольских народов, как хозяйственная деятельность, традиционная материальная и духовная культура, семейный уклад и т.п., - давняя традиция в алтаистике.

В 1983 г. в Китае опубликовано сравнительное исследование дагурского и монгольского языков [15]. Лексике дагурского языка посвяще-

на увидевшая свет в 1984 г. книга китайского исследователя Эньбата [16] и совместная статья Юй Шана и Б.Д. Цыбенова, изданная в 2006 г. [17].

Следует отметить, что в последнее время большой интерес к дагурам и их языку проявляют бурятские ученые, активно занимаясь дагурско-бурятскими лексическими параллелями [18], осуществляя полевые этнографические исследования [19]. В.И. Рассадиным, Ж.Д. Бадагаровым, Л.Б. Бадмаевой и др. выявлены интересные грамматические и лексические особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским. В дагурском языке отмечено значительное число заимствований из маньчжурского, китайского, а также других языков, в т.ч. русского.

Весьма показательно, что тунгусо-маньчжурские слова отсутствуют в материалах Н. Витсена, содержащих массив дагурской лексики, насчитывающий почти 500 слов и включающий «базисную лексику». Тунгусо-маньчжуризмы, по всей видимости – и отчасти на это указывает анализ материала – являются более поздними заимствованиями: их появление может датироваться концом XVII века или XVIII веком.

Список слов дагурского языка содержится в книге Н. Витсена под следующим заголовком: «Следует список названий и слов языка Даурии около Амура в городах и местах, подчиненных Китаю около Великой стены, между Китаем и Татарией. Он похож и на китайский язык Леаутунга, и на язык Мугалов (монголов. – Э.О., А.Б.)». Этот список включает более 480 слов и коротких фраз. В нем представлены названия частей тела, термины родства, названия мастей лошадей и частей конской упряжи, названия домашнего скота и культивируемых растений, предметов быта, названия металлов, наименования диких животных и птиц, названия частей костюма (предметов одежды), названия природных объектов, названия небесных светил, сезонов и месяцев; по всему списку разбросана глагольная лексика, даваемая часто в составе коротких высказываний.

В перечне дагурских слов, опубликованном Н.Витсеном, полностью преобладает собственно монгольская лексика, причем в имеющемся материале весьма малозаметны те факты, которые в наши дни показывают специфику фонетического облика лексики дагурского языка по отношению к лексике других монгольских языков, в первую очередь к халха-монгольской лексике. Встречаются случаи преобразования преконалтных согласных, похожие на дагурский ротацизм, Voentschuk (Бунчук) – икры, (монг. бул-

чин), Kentschir (Кенчир) – белье (монг. хувцас), Mangadoer (Мангадур) – завтра (монг. маргааш), Schibege of schilboe (Шибеге, шилбу) – птица.

Отмечаются случаи оглушения (усиления) начальных звонких (ненапряженных, слабых) согласных: Suruken (Сурукен) – сердце, Ka-aziar (Ка-азиар) – земля (монг. газар), Taboesoen (Табу-сун) – соль. Tabazak (Табазак) – пузырь, но Darri (Дарри) – порох.

Начальные среднеязычные согласные не вполне устойчивы: Joeta (Юта) – копье, но Dzon (Дзон) – лето.

Трудно однозначно установить характеристики заднеязычного глухого (напряженного) согласного, является ли он смычным или спирантом: ср. Chamar (Хамар) – нос, но Kojer Tschikin (Койер Чикин) – уши (= два уха. Э.О., А.Б.), Kaboesoen (Кабусун) – ребро, Koemoesoen (Кумусун) – ногти пальцев рук. Слово Koetaga (Кутага) – нож, принадлежит к тем словам, которые дают нерегулярные соответствия (монг. хутга, но калм. утх).

Наблюдается переход конечных в -н: Askoen (Аскун) – вечер (тюрк. акшам). Kartschugan (Карчуган) – ястреб (монг. харцгай). Трудно установить, является ли начальный j протезой или представляет собой особенности восприятия – ср. Joenesun (Юнесун) – зола, Jelezinn (Елезинн) – песок.

В лексическом отношении дагурские материалы Н. Витсена интересны тем, что в них присутствуют тюркизмы, не отмеченные в других монгольских языках или редкие для них – ср. Mijuk (Миюк) – усы, Alltinn (Алтинн) – золото (не алтан), Kartchaganak (Карчаганак) – локти, Коу (Кой) – овца.

В исследуемом материале встречаются отдельные слова, история которых не ясна: Soer (Суп) – выдра (не халиу), Suka of oliber (Сука или олибер) – топор, Toskoer (Тоскуп) – лодка.

Что касается русских эквивалентов, то в некоторых случаях перевод на русский язык требует перепроверки (такие слова отмечены звездочкой).

В

Kumin (Кумин) значит: человек
Tolochoy (Толохой) – голова
Eken (Экен) – мозги
Oesun (Усун) – волосы
Magnay (Магнай) – лоб
Koemoeskoe (Кумуску) – ресницы*
Nudun (Нудун) – глаза
Soermoeseoen (Сурмусун) – веки глаз*
Chamar (Хамар) – нос
Tana (Тана) – ноздри

- Mijuk (Миюк) - усы
 Sagal (Сагал) - борода
 Oeroer (Уруп) - губы
 Eirgun (Эйргун) - волосы бороды
 Dero Oeroer (Деро Уруп) - нижняя губа
 Schidun (Шидун) - зубы
 Kelen (Келен) - язык
 Nior (Ниор) - лицо
 Kojer Tschikin (Койер Чикин) - уши
 Kol (Кол) - горло
 Amann (Аманн) - рот
 Koedun (Кудун) - шея
 Em (Эм) - правая лопатка
 Duem (Дуэм) - левая лопатка
 Kartchaganak (Карчаганак) - локти
 Gur (Гур) - сердце
 Alexan (Алексан) - ладонь
 Jerekey, kumokoу* (Эрекей, кумокой) - большой палец
 Schirgutschi, koergun (Ширгютши, кургюн) - мизинец
 Кабоensoen (Кабусун) - ребро
 Коемоensoen (Кумусун) - ногти пальцев рук
 Jertchun (Эпчун) - грудь
 Noergoen (Нургун) - позвоночник
 Suruken (Сурукен) - сердце
 Kotoe (Коту) - живот
 Kokinn (Кокинн) - соски груди
 Koedosen (Кудосун) - предплечье
 Benko Oezun (Бенко узюн) - пояс
 Kojosen (Койесун) - пуп
 Tabazak (Табазак) - пузырь
 Kuja (Куя) - ляжки
 Ebuduk (Эбудук) - колено
 Ooschki (Оошки) - легкое
 Jelechen (Элехен) - печень
 Schinbu (Шинбу) - берцовая кость
 Voentschuk (Бунчук) - икры
 Kol (Кол) - ступня
 Kolin Tabak (Колин табак) - плоскости ступни
 Kolin Oezegey (Колин узегей) - пятки
 Jetschegeymeni (Эчегеймени) - мой отец
 Turcksen (Турксен) - старший брат
 Duni (Дуни) - мой младший брат
 Okien duni (Окиен дуни) – сестра
 Jebegen (Эбеген) - бабушка
 Jemekeni (Эмекени) - бабушка
 Koergoen (Кургун) - шурин, зять
 Koeredu (Куредю) - брат жены
 Katim Jetschegey (Катим Эчегей) - тесть, свекор
 Katim Jeke (Катим эке) - теща, свекровь
 Tschikenebie? (Чикенеби) - Вы человек?
 Tschikie neren Kembrie? (Чики нерен Кемби) - Как вас зовут?
 Кама Odunatschi? (Кама одуначи) - Где вы были?
 Saziegey (Сазигей) - хозяин
 Bol (Бол) - раб
 Albatoekeen (Албатукеен) - подданный
 Tarataratschinkum (Таратарачинкум) - земледелец, крестьянин
 Tschusoen Karchoe (Чусун Карху) - он кровоточит
 Minntschasainkoen (Минчисаинкун) - поистине, вы набожный человек
 Minntschi iniak bischoemokumin (Минчи иниак бишумокумин) - вы на самом деле злой человек
 Jende (Энде) - здесь
 Tennde (Тенде) - там
 Oto (Ото) - теперь, сейчас
 Baiazie of Bansjar (Баязи или бансяп) – медленно (есть такое же китайское слово с тем же значением)
 Vaza (База) - еще
 Kajerla (Каерла) - я молось
 Tengeri Kajer Jeptoegay nada sain Ketsch (Тенгери каер ентугай нада саин кеч) - Ради Бога, сделайте мне добро
 Kexenn (Кексенн) - Я делал
 Коemin, jebet, mat (Кумин, ебет, мат) - он плохо себя чувствует
 Kekoe, ketschi (Кеку, кечи) - смотрите, я хочу это сделать
 Oeazietschi (Уазичи) - бараны
 Bay, bitegey ay (Бай, битегей ай) - я это наблюдал
 Bi, Oezetschi Ireba (Би, узечи Иреба) - вы видели
 Karboeia, namoe soemukazitschy (Карбуя, наму сумуказичи) - стреляйте из лука
 Ka-azi itschi bo-ogakatschi alaba (Ка-ази ичи бо-окагачи алаба) - стреляйте из ружья
 Ka-azitschi (Ка-азичи) - он в него стрелял
 Na-antsche bitugeta jene jamar (На-анче битугета ене ямар) - продолжай, убей или иди дальше
 Jenemo (Энемо) - худой, плохой
 Boala (Боала) - не бейте*
 Nada atza (Нада атза) - дайте это мне
 Ka-aziar (Ка-азиар) - земля
 Tschiridoe mordoba jere (Чириду мордоба эре) - мой муж уехал на военную службу
 Azia-azyoeknada (Азия-азиуекнада) - покажите мне
 Joenesun (Юнесун) - зола

- Jelezinn (Элезинн) - песок
 Iki Acha (Ики аха) - большой
 Bitschik (Бичик) - письмо
 Katschar (Качар) - узда лошади
 Bitschikan (Бичикан) - маленький
 Nom (Ном) - книга
 Koetoergoe (Кутургу) - задняя сбруя лошади
 Chorchonn (Хорхонн) - коротко
 Tschingede Koemindurdga (Чингедэ
 Куминдурга) - бейте весело
 Dure (Дуре) - стремя
 Doenda Oeta (Дунда ута) - широко
 Narinmeni (Наринмени) - узко
 Tschidin (Чидин) - стреноженная лошадь
 Turge ala-azyilikeneitschi (Турге ала-
 азиликенейчи) - зачем его бить?
 Nari Iret (Нари ирет) - идите сюда
 Olonsaer (Олонсар) - кожаный ремень
 Tschagan moerin (Чаган мурин) - желто-
 серая лошадь
 Boroelan moerin (Бороулан мурин) - свет-
 лая (бело-серая) лошадь
 Charabora moerin (Харабора мурин) - темно-
 серая лошадь
 Koeren moerin (Курен мурин) - темно-рыжая
 лошадь
 Kara moerin (Кара мурин) - темно-
 коричневая лошадь
 Alak moerin (Алак мурин) - пегая лошадь
 Boergoe moerin (Буру мурин) - буланая (бе-
 лая) лошадь.
 Tzabidar moerin (Тзабидар мурин) - рыжая
 лошадь с белым хвостом
 Chula moerin (Хула мурин) - темно-желтая
 лошадь с белой гривой и черной полосой на спи-
 не
 Chartar moerin (Хартар мурин) - высокая ко-
 ричневая лошадь с беловатым ртом
 Scharga moerin (Шарга мурин) - желтая ло-
 шадь
 Gongog moerin (Гонгор мурин) - темно-
 желтая лошадь
 Kare moerin (Каре мурин) - коричневая ло-
 шадь
 Zerda moerin (Зерда мурин) - рыжая ло-
 шадь
 Ka-aktschigon (Ка-акчигон) - коричневая ко-
 была
 Adzarga moerin (Адзарга мурин) - жеребец
 Schgiro moerin (Шгиро мурин) - иноходец
 Del (Дел) - грива
 Sul (Сул) - хвост
 Tschikin (Чикин) - уши
 Ztzagmay (Зтзагмай) - звездочка на лбу
 Galdzan moerin (Галдзан мурин) - лошадь
 со звездочкой
 Kergaldzan moerin (Кергалдзан) - коричне-
 вая лошадь со звездочкой
 Zerdagaldzan moerin (Зердагалдзан) - рыжая
 лошадь со звездочкой во лбу
 Charagaldzan moerin (Харагалдзан) – темно-
 коричневая лошадь со звездочкой
 Borogaldzan moerin (Борогалдзан) - темно-
 серая лошадь со звездочкой
 Choelagaldzan moerin (Хулагалдзан) -
 темно-желтая лошадь
 Tzabidar Galdza moerin (Тзабидар галдза
 мурин) - рыжая лошадь с белой гривой
 Boro Oelan Galdza moerin (Боро улан галдза
 мурин) - светло-серая лошадь со звездочкой во
 лбу
 Gongorgaldza moerin (Гонгоргалдза) - темно-
 желтая лошадь со звездочкой
 Boerogaldza moerin (Бурогалдза) - белая ло-
 шадь
 Chaltargaldza moerin (Халтаргалдза) - темно-
 коричневая лошадь с меднокрасной мордой
 Schargagaldza moerin (Шаргагалдза) - жел-
 тая лошадь со звездочкой
 O-o-doen (О-о-дун) - удила
 Nochtou (Нохтоу) - недоуздок
 Iki Kaanetoen (Ики Каанетун) - корзина с
 овсом
 W70
 Koemin durda (Кумин дурда) - грудной ре-
 мень.
 Macha (Маха) - мясо.
 Oeker (Укер) - корова.
 Tschar (Чар) - вол или бычок годовалый.
 Boecha (Буха) - бык.
 Koу (Кой) - овца.
 Ergikoy (Эргикой) - овца.
 Ima (Има) - коза.
 Serko (Серко) - козел.
 Jebir (Эбир) - рога.
 Koeroeska (Куруска) - ягненок.
 Koelir (Кулир) - мука.
 Voetatar (Бутатара) - пшеница.
 Boertschar (Бурчак) - горох.
 Schara tosoe (Шара тосу) - масло.
 Okit (Окит) - жир.
 Karatara (Каратара) - манна или крупа.
 Okin (Окин) - девица, девушка.
 Koboен (Кобун) - мальчик.
 Jere (Эре) - женатый мужчина.
 Gergen (Герген) - домашняя хозяйка.
 Oekoeба (Укуба) - он умер.
 Jemedoe (Эмеду) - он жив.
 Ili bi (Или би) - это у вас.
 Bainoenadatschamaуjum kelekoe (Байнуна-
 датчамауом келеку) - у меня есть о чем погово-

ритель с вами.

Kele (Келе) - говорить.

Ko-otschin iletschen (Ко-отчин илетчен) - старое животное.

Schipschina (Шипшина) - новое животное.

Dzo-Olochon (Дзо-олохон) - молодое животное.

Dzoloekoemini (Дзолукумини) - молодой сильный человек.

Ochoja (Охоя) - он делает.

Atza ochoja (Аца охоя) - заказать сделать.

Oenen, boiskoymbolboe (Унен, бойскойболбу) - действительно, несомненно.

Ene mokoemin koetal (Эне мокумин кутал) - он лжет, он плохой человек.

Tschimogoy (Чимогой) - змея.

Tschi ili Eme aboexen (Чи или эме абуксен) - вы уже ухаживали (добиваться руки) или вы женаты?

Boskoe (Боску) - оно стоит.

Boskoebischoe (Боскубишу) - оно не стоит.

Tschamadoe Eme baynoe (Чамаду эме байну) - есть ли у вас жена?

Bida Emeteyboe (Бида эметейбу) - он женат.

Koedinasittay dzonbayne (Кудинаситтай дзонбайне) - сколько вам лет.

Il (Ил) - один год.

Ibill (Ибилл) - зима.

Kaboer (Кабур) - весна.

Doelan of Doeloechan (Дулан, дулухан) - тепло.

Koyton (Койтон) - холодно.

Poera Oeroba of Oerotschi (Пура уроба или урочи) - дождь.

Moespoerga schoergan (Муспурга шурган) - лед.

Oesun (Усюн) - вода.

Taboesoen (Табусун) - соль.

Tscasoe Oeroba of Oerotschi (Часу уроба или урочи) - идет снег.

Ibusun (Ибусюн) - трава.

Ide macha (Иде маха) - ешь мясо.

Idekoe (Идеку) - я ем.

Tschatba, of tschatba idekoe bischoe (Чатба или чатба идеку бишу) - я сижу.

Elezmo (Элезму) - я голоден.

Moengoe (Мунгу) - серебро.

Alltinn (Алтинн) - золото.

Koemin tschapschi, oetul (Кумин чапчи, утюл) - бить человека.

Tulia Oetul (Тюлия утюл) - бить собаку.

Gal, tule (Гал, тюле) - зажигает огонь.

Galas tulia (Галас тюлия) - зажигает огонек.

Oeba, of jaboe (Уба или ябу) - пейте (пьет).

Boeli (Були) - достаточно, полно.

Baga oeba (Бага убау) - пьет мало.

Bida soktoba (Бида соктоба) - я пьян.

Baga (Бага) - немного.

Iki (Ики) - много.

Iki tabi (Ики таби) - положит много.

Baga tabi (Бага таби) - положит мало.

Jendo olon tolonay (Эндо олон толонаи) - почему вы считаете так много?

Setkil tschamadoe baynoebi (Сеткил чамаду байнуби) - есть у вас ум?

Bayne (Байне) - да, у меня есть ум.

Setkil tamgatoe oegey (Сеткил тамгату угей) - у сумасшедшего нет ума.

Kersoo sainkoemin (Керсо саинкумин) - мудрый, умный человек.

Sokele kelen baynoe (Сокеле келен байну) - что нового?

Ap, of aboetsch (Ап или абуч) - уберите прочь.

Otchoe (Отху) - он ушел (прочь).

Odoexen (Одуксен) - он уехал.

Ketsche erebe (Кече эребе) - когда он придет?

Oetur (Утюр) - скоро.

Argoen of ajar (Аргун или аяр) - медленно (тихо).

Kolo (Коло) - далеко.

Orochon (Орохон) - близко.

Odo kerektey (Одо керектей) - мне сейчас нужно.

Koiney kerktoe (Койней керекту) - мне потом нужно.

Koemin ebetschi (Кумин эбечи) - этот человек болен.

Minn tere (Минн тере) - это так.

Tere bischoe (Тере бишу) - не это.

Ire (Ире) - приходите.

Nari, ire (Нари, ире) - приходите сюда.

So, of so-onay, of so-otschi (Со или со-онай, или со-очи) - садитесь.

Bos (Бос) - вставайте.

Kalaba (Калаба) - сгорел.

Tschi mandoe teme karanay (Чи манду теме каранай) - почему вы меня ругаете?

Bida tschamadoe karanay oegey (Бида чамаду каранай угей) - я вас не оскорбил.

Tschamadoe io koemaldoechoe baine (Чамаду ио кумалдуху байне?) - что вы продаете?

Koedoli oegoeju (Кудоли угуя) - что дадут?

Olon egene (Олон эрене) - вы требуете слишком много.

Bagan oegoenay (Баган угунай) - вы предлагаете слишком мало.

Kandaga (Кандага) - лось.

Tschuna (Чуна) - волк.

Kaleo (Калео) - бобр.

Oetoegoe (Утугу) - медведь.

- Boelagan (Булаган) - соболь.
 Oeen (Уэн) - горностай.
 Dotor (Дотор) - подкладка из меха.
 Koetaga (Кутага) - нож.
- W71
 Boelat (Булат) - сталь.
 Ghoe (Гуи) - ножны.
 Kuresun (Кюресюн) - дикое животное.
 Soer (Суп) - выдра.
 Oenegен (Унеген) - лиса.
 Sul (Сул) - хвост.
 Kerme (Керме) - пестрый фрак из белок.
 Suka of oliber (Сука или олибер) - топор.
 Schibe (Шибе) - столб.
 Kete (Кете) - огниво.
 Oela (Ула) - трут для огнива.
 Kim, tegba (Ким тегба) - кто говорил?
 Darri (Дарри) - порох
 Tschokog (Чокор) - кремьень.
 Tuletschi (Тулечи) - оно пригорело.
 Koeкоег (Кукур) - сера.
 Durusun (Дурусун) - уголь.
 Oentaba (Унтаба) - он спит.
 Oentaba, bischoe (Унтаба бишу) - он не спит.
 Oerlasen (Урласен) - он гневается.
 Oerlagoe oegey (Урлагу угей) - вы не гневитесь.
 Joedo, ibi, jardzi, sananay ebre katzar (Юдо, иби, ярдзи, сананай эбре катзар) - почему вы печалитесь о родине?
 Bi ili bida sananay ebren katzar oegey (Би или биде сананай эбрен катзар угей) - я и не печалюсь о моей родине.
 Joendo oelganay (Юндо улганай?) - почему вы плачете?
 Bitugey oelga (Битугей улга) - не плачьте.
 Irgen sain (Ирген саин) - вы слишком веселы.
 Kaisoen boeltschi (Каисун булчи) - котел (пища) готов.
 Baza, oedui (База удуи) - оно еще не готово.
 Koedusun (Кудусюн) - сапоги.
 Oimusun (Оймюсюн) - верхняя одежда.
 Tschamtschi (Чамчи) - рубаха.
 Oemudun (Умюдюн) - штаны.
 Kentschir (Кенчир) - белье.
 Schar (Шар) - цветное белье.
 Basma (Басма) - пестрое белье.
 Zajän, tamaydoe tschama, temi (Заян, тамайду, чама, теми) - вера у вас такая.
 Mandoe (Манду) - у меня.
 Tschamadoe (Чамаду) - у вас.
 Manay (Манай) - мой.
 Tschini (Чини) - твой.
- Tschamay (Чамай) - около.
 Goebde (Губде) - он стоит.
 Manay ikn (Манай икн) - наша.
 Dasoraba (Дасораба) - вы врете.
 Jamar, tschi, kitscho-o коем (Ямар, чи, кичо-о кум) - какой вы хороший человек.
 Tengri (Тенгри) - небо.
 Eoelen (Эулен) - облака.
 Oedun (Удюн) - звезды.
 Naran (Наран) - солнце.
 Saran (Саран) - месяц.
 Oedur (Удюр) - день.
 Soey (Суи) - ночь.
 Enedur (Энедюр) - сегодня.
 Oertschayba, odo ajas (Урчайба одо аяс) - уже светлый день.
 Baza oerum (База урюм) - еще рано.
 Askoen (Аскун) - вечер.
 Karangoe (Карангу) - темно.
 Mangadoer (Мангадур) - завтра .
 Noko, oedoer (Ноко, удур) - послезавтра.
 Koeran sara (Куран сара) - март.
 Boegoe sara (Бугу сара) - апрель.
 Doelan sara (Дулан сара) - май.
 Ekki boergan (Экки бурган) - июнь.
 Baga boergan sara (Бага бурган сара) - июль.
 Goetscha sara (Гуча сара) - август.
 Koe oebi boergan (Ку уби бурган) - сентябрь.
 Kodzir boergan (Кодзир бурган) - октябрь.
 Edzin (Эдзин) - ноябрь.
 Kokoek (Кокук) - декабрь.
 Oelar sara (Улар сара) - январь.
 Oesken sara (Ускен сара) - февраль.
 Schibege of schilboe (Шибеге, шилбу) - птица.
 Galon (Галон) - гусь.
 Nogosoen (Ногосун) - утка.
 Tschay (Чаи) - курица.
 Koen (Кун) - лебедь.
 Toergoen (Тугрун) - журавль.
 Kartschugan (Карчуган) - ястреб.
 Julö (Юло) - орел.
 Jundo ireboe (Юндо иребу) - почему вы идете?
 Ju, tschamadoe koetaldoe, bayne (Ю, чамаду куталду, байне) - что у тебя есть продать?
 Olon egene (Олон эрене) - вы просите слишком много.
 Baga oegoenay (Бага угунаи) - вы предлагаете слишком мало.
 Schiniu (Шиниу) - новый.
 Ko-otschin of iledzin (Ко-очин, иледзин) - старый.
 Kadzay bainoe koemin (Кадзай байну кумин)

- на дворе народ.

Ascginoe koemin (Ачину кумин) - идет народ.

Basoem, mo, ta mat, nochin, koin (Басум, мо, та мат, нохин, коин) - вы хитрый, вы сумасшедший, собачий сын.

Bi, teoeni, medekoe, ogey (Би, теуни, медеку, огей) - этого я не могу сделать.

Goll (Голл) - река.

Nor (Нор) - озерцо, стоячая вода.

Schabar (Шабар) - уличная грязь.

Aoela (Аула) - гора.

Tzoen (Тзун) - камень.

Moerin, emelda (Мурин, эмелда) - оседлайте мне лошадь.

Tzial irebe (Тзиал иребе) - я пойду гулять.

Jarta moerin (Ярта мурин) - лошадь под седлом.

Na-alka (На-алка) - дорога.

Oener sain (Унер саин) - это прямо.

Moertschi (Муртчи) - это криво.

Воетое odoenau (Буру одунай) - вы неправильно ехали.

Dologon (Дологон) - он хромает.

Tschikin, tuley (Чикин, тулей) - глухой.

Nudun, ogey (Нюдун, угей) - слепой.

Konginn (Конгинн) - светло.

Koendi (Кунди) - тяжело.

Ta, baian, bi ogey, taугоen, tschamadoe, joem, tulettschi, agey (Та баян, би угей, тайгун, чамаду, юм, тулечи, агей) - вы богаты, а я бедный, чем я вам заплачу?

W72

Bida, jamar sain, tschamadoe, oedzeba, (Бида, ямар саин, чамаду, удзеба) - чем мы вам заплатим за ваш товар?

Irebe of aschinoe (Иребе, ашину) - он пришел.

Ire edoe (Ире эдуи) - он еще не пришел.

Osta, irtschere, ogey (Оста, ирчере угеи) - нет у вас стыда.

Dzoegan (Дзуган) - толсто.

Nimgen (Нимген) - тонко.

Nimgen arasoen (Нимген арасун) - тонкая кожа.

Oetoe (Уту) - высоко*.

Voehoni (Бохони) - низко*.

Koelagatschi (Кулагачи) - вы украли?

Aliki koemin (Алики кумин) - какой человек?

Nokor (Нокор) - товарищ.

(По южно-китайски Маттелотти значит товарищ)

Keteschi (Кетеши) - повар.

Tere koemin do-odo (Тере кумин до-одо) -

позовите этого человека.

Oedur beer (Удюр беер) - всегда.

Edun (Эдун) - перо птицы.

Dzebir (Дзебир) - крыло.

Oezun, kotolodzi, orkitsch (Узюн, котолодзи оркич) - переведите меня через реку.

Toskoer (Тоскур) - лодка.

Kayboer (Каибур) - руль корабля.

Tschiptschi, oesoeno otbo (Чипчи, усуну, отбо) - утопленник.

Amin (Амин) - душа.

Machan koemin (Махан кумин) - тело.

Oe-oeta (У-ута) - сумка.

Tuokey (Туукей) - сыро.

Dzoelekon (Дзулекон) - неделя, мочить.

To-oelay, of To-oelaittsch (То-улай, то-улаич) - поет.

Tsche-eken (Че-экен) - маленький.

Tekschi-de-ere (Текши-дере) - наверху.

Doro (Доро) - внизу.

Tabi (Таби) - положи туда.

Ap of Aboetsch (Ап или абуч) - берите.

Bi, aboexen ogey (Би, абуксен угей) - я его не взял.

Ko-or bay (Ко-ор бай) - уходите.

Izegey (Изегей) - притащили.

Jasoen (Ясун) - нога.

Abatschataу (Абачатай) - долг.

Tere, keneу, koemin, кама, odoenau (Тере, кеней, кумин, кама, одунай) - какой народ ездит там?

Ko-oeray (Ко-урай) - сухо.

Noiton (Ноитон) - влажно.

Bitugey, ko-oelaba, (Битюгей, ко-улаба) - не разбейте на куски.

Koe-oegloba (Ку-углоба) - уже сломался.

Kolesun (Колесун) - он потеет.

Karboe (Карбу) - он ушел.

Aboeldoeja (Абулдуя) - он борец.

Aboeldoexen (Абулдуксен) - я боролся.

Moerin bayba (Мурин байба) - моя лошадь устала.

Bitschetschoereba (Бичечуреба) - я устал.

Bisdoerata (Бисдурата) - я хочу, желаю.

Bi, oe-oegoe, ogey (Би, у-угу, угей) - я не хочу этого.

Bajerlaba (Байерлаба) - я люблю.

Emes (Эмес) - берег.

Am baraba (Ам бараба) - моя милая душа.

Oretege (Оретеге) - он лежит.

Koruk, naitzimenin (Корук наитзименин) - мой милый друг.

Medeney (Меденей) - я знаю.

Medekoe, ogey (Медеку угей) - я не знаю.

Oeran, soerga, namay, nom bitschik (Уран сурга намай ном бичик) - учитель, научите меня

читать и писать.

Oener, kelexen, of tschiker (Унер, келексен, чикер) - скажите правду.

Beke (Беке) - чернила.

Nakboer (Накбур) - чернильница.

Oedzug (Удзуг) - перо, которым пишут.

Tana, tere koeminoedoe, soergoeba (Тана тере куминуду сургуба) - вы хорошо учили этого человека.

Boelchoelan, boelmoegay (Булхулан, булму-гай) - будет это так, или нет?

Ize boelchoelani, bagay (Изе булхулани ба-гай) - если нельзя иначе, то хватит.

Tere koemin, oekba (Тере кумин укба) - этот человек дал.

Oegoenay (Угунай) - я дам.

Alda (Алда) - сажень.

Oetoe tuo (Уту туо) - пядь.

Ize, oegba (Изе угба) - он не дает.

Oetun (Утюн) - дым.

Nurusun (Нюрюсюн) - угли.

Kereke (Кереке) - пламя.

Tschikendoe, keleksen (Чикенду келексен) - кому вы говорите?

Keleba (Келеба) - говорил.

Tschagalak (Чагалак) - праздник.

Oekkoe (Укку) - я дам.

Koejak (Куяк) - панцирь, латы.

Joeta (Юта) - копье.

Tschetschi (Чечи) - колоть.

Tschetschir, oekoeba (Чечир укуба) - он уколол насмерть.

Iki koendoe lubanada, Nojen (Ики кунда лю-банада Нойен) - я умоляю своего государя.

Ikki bamoe, koele (Ики баму куле) - свяжите его.

Oergoetschiodoenatschi (Ургучиодуначи) - он убежит.

Tjalje (Тяле) - развяжите его.

Doera mini, oera tuschmeki (Дура мини ура тюшмеки) - утешьте меня в моей старости.

Sain, nimi amarachtue (Саин ними амарахту) - сделайте мне добро.

Bi, tschiney, sain, toerki marthachoe, oegey (Би чиней саин турки мартаху угей) - я не позабуду ваших хороших дел.

Tschi mede (Чи меде) - вы хорошо знаете.

Sanazboe (Саназбу) - я слышу.

Sanazboetschi (Саназбучи) - вы слышите.

Tana-iki-koendoelexen (Тана-ики-кундулексен) - вы меня помиловали.

Kajerla (Каерла) - умоляю о благосклонности.

Ene, tere, emi, sain koemin, kama, turuxen (Эне, тере, еми, саин кумин кама тюрюксен) - где зародились такие хорошие песни?

Tolochoy ibedenej (Толохой ибеденей) - у меня болит голова.

Oeja (Уя) - зашейте.

W73

Schirboesu, nosoe (Ширбусу носу) - нить, сделанная из кишок.

Ischin (Ишин) - рукоятка шпаги, ножа.

Koeddi, suy konoba (Кудди суи коноба) - сколько ночей вы не были дома?

Kaboer (Кабур) - весна.

Dzon (Дзон) - лето.

Ibul (Ибул) - зима.

Koiton (Коитон) - холодно.

Doe-oelachan (Ду-улахан) - тепло.

Subusun (Сюбюсюн) - жемчуг.

Toptschi (Топчи) - пуговица на одежде.

Oener kelexen (Унер келексен) - вы сказали правду.

Natschi kelexen (Начи келексен) - я шутя говорил.

Temey, keleba (Темей, келеба) - напрасно вы меня обвинили.

Mani geretschi, baine (Мани геречи, байне) - у меня свидетели.

Kamtue, odoeja (Камту, одуя) - пойдем вместе.

Mandoe jadzi, irebe oegey (Манду ядзи, иребе угей) - почему вы никогда к нам не заходите?

Jom, koele, bayge, (Йом, куле, байге) - позаботьтесь о моих вещах.

Oedze, bitun (Удзе, битюн) - смотри, все хорошо.

Kagaratschi oetuluxen (Кагарачи утюлюксен) - отверстие пробито.

Bekoeli, oegoeta (Бекули угута) - целуйте и дайте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

2. Решетов А.М., Полевой Б.П. К 100-летию со дня рождения В.Г. Трисман // Этнографическое обозрение. 2002. № 3. С. 126-127.

3. В настоящее время этот перевод подготовлен к изданию. Авторы приносят благодарность профессору Тьереду де Граафу (Гронинген) за возможность ознакомиться с электронной версией голландского текста сочинения Н. Витсена и его русского перевода, который должен в ближайшее время выйти в свет в издательстве Сибирского отделения РАН в Новосибирске.

4. Витсен, Николаас. Путешествие в Московию, 1664-1665: Дневник / Пер. со староголланд. В.Г. Трисман; [Амстердам. ун-т, Ин-т Вост. Европы]. - СПб.: Симпозиум, 1996.

5. Симбирцева Т.Н. Бургомистр Амстердама

- Николаас Витсен (1641-1717) и российское корееведение // Российское корееведение. № 1. М.: Муравей, 1999. С. 110-132; Сусеева Д.А. Из первых сведений о калмыцком языке в Европе // Российское монголоведение. Бюллетень IV. М., 1996. С. 89-91; Эрендженова О.К. Лексика в словаре калмыцкого языка Н. Витсена (опыт тематической классификации лексики XVII века) // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Элиста, 2005. С. 266-270.
6. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960.
7. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Изд-во вост. литературы, 1960.
8. Бадмаева Л.Б. Бурятская лексика, корреспондирующая с лексикой дагурского языка // История развития бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
9. Цыбенков Б.Д. Этнографические заметки о дагурах // Исследователь монгольских языков (К юбилею Б.Х. Тодаевой). Элиста: АПП «Джангар», 2005. 268 с. (Сер. Калмыцкая интеллигенция). С. 219-225.
10. Ивановский А.О. Mandjuica I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб., 1894.
11. Поппе Н.Н. Дагурское наречие. Л., 1930.
12. Тодаева Б.Х. Предварительные итоги изучения дагурского, монгорского, дунсянского и баоаньского языков // Чжунго юйвэнь. 1957. № 9; Чингэлтэй. Дунд улсын монгол төрлийн хэл ба монгол хэлний аялгуун еронхий байдал // Монгол хэл бичиг. 1957. № 11. Монгол түүх хэл бичиг. 1958. № 2, 3, 6, 7, 12.
13. Янхунен Ю. Этапы изучения монгольских языков Куку-Нора // Исследователь монгольских языков (К юбилею Б.Х. Тодаевой). Элиста: АПП «Джангар», 2005. 268 с. (Сер. Калмыцкая интеллигенция). С. 236-246.
14. Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М.: Наука, 1986.
15. Бадагаров Ж.Д. Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ, 2000. С. 11-15; Рассадин В.И. Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольским языками // История и внешние связи бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 13-17.
16. Цыбенков Б.Д. О родовом составе дагуров // Батуевские чтения: История и культура Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2006. С. 107-112; Цыбенков Б.Д. Об этногенезе дагуров: историография проблемы // Вестник Бурятского гос. ун-та. Улан-Удэ, 2006. Сер. 18. Востоковедение. Вып.2. С. 114-128.
17. Namcarai, Qaserdeni. Dagur kele mongyul kelen-ü qarışayulul. Öbür Mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1983.
18. Engkebatu. Dagur kelen-ü üges. Öbür Mongul-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1984.
19. Юй Шан, Цыбенков Б.Д. К вопросу о формировании словарного фонда дагурского языка // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 71-79.

С. БУЯННЭМЭХ О МОНГОЛЬСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

Ван Мандуга

Литературоведческие и искусствоведческие произведения С. Буяннэмэха явились важным вкладом в развитие теории монгольской литературы. В своих произведениях по теории литературы он поднимает вопрос о важности и необходимости продолжения устной и художественной письменной монгольской традиции. В контексте традиции и новаторства литератором был начат поиск нового направления в развитии монгольского стихосложения.

Ключевые слова: *Буяннэмэх, монгольская литература, теория, критика, стихосложение.*

The poet and writer Sonombaljir Buyannemekh made significant contribution to the development of the theory of the Mongolian literature by his published works on the literature and art criticism. In the publications devoted to the theory of literature he raised the problem of the importance and the necessity of the continuation of the oral and written Mongolian art tradition. In a context of the tradition and the innovation of Mongolian literature the literary man began a new search of the direction in the elaboration of Mongolian art.

Keywords: *Buyannemekh, Mongolian literature, theory, criticism, poetry.*

Один из основателей современной монгольской литературы, заслуженный работник искусства Монголии, известный литератор, одаренный литературный критик Сономбалжирын Буяннэмэх является автором ряда литературоведческих работ, в т. ч. опубликованного в 1935 г. первого теоретического труда «Врата литературы» («Утга зохиолын үүд»). В настоящее время эти произведения считаются уникальными материалами в изучении теории критики монгольской современной литературы.

Первой работой Сономбалжирын Буяннэмэха о стихах является критическая статья «Шүлэгч нар хянамуй», напечатанная в газете «Үнэн», № 14, в 1929 г. [1], в которой автором проведено исследование стихотворных связей, даны ответы писателям. Исследуя стихотворную композицию того времени, он отмечает, что «в настоящее время, хотя написано немало стихотворений, но назвать их настоящими стихами сложно. В основном, часто бывает, когда слова, аллитерирующие с содержанием и стилем, никак не сочетаются». Такая была дана критическая оценка. С. Буяннэмэх представил собственное мнение о том, чем конкретно является стихотворная композиция и каким образом ее составлять.

Во-первых, по мнению С. Буяннэмэха, стих – это или четверостишие (дөрвөн бадаг), или восьмистишие (найман бадаг).

Во-вторых, при создании стиха не стоит опираться только на аллитерацию. Автор дал объяснение такому старинному явлению в мастерстве стихосложения, как «соединение количества слов и мелодичной нормы» (үгийн тоо, аялгууны хэмжээ нийлүүлэх). Также он

подверг критике недавно вышедшие стихи, написанные при помощи широко распространенной аллитерации.

В-третьих, настоящие стихи те, где в малых словах скрывается большой смысл.

В-четвертых, важно также уметь соотносить и согласовывать их с мелодичным стилем. У читателей от прочтения таких стихов возникает чувство нахождения с неразлучным хорошим другом. Стихотворная композиция обогащает ум, помогает ощутить душевное счастье, одним словом, проявляется волшебство.

В-пятых, стихи – это одно из средств передачи идеи, высказывания собственного мнения. В те годы, когда шел процесс формирования монгольской новой литературы, это был важный вопрос в ее развитии. Рассказывая о внешней форме и внутреннем качестве стиха, автор приводит пример стиха, требующего разъяснения (тайлбарлахыг эрсэн шүлэг), и дает комментарии к нему. В данной короткой статье можно увидеть особенности формирования литературного критического взгляда С. Буяннэмэха.

В исследовательской статье «Уран зохиолын зүйлийг хэрхэн зохиох сэдэв» («Как создавать литературные произведения») критик представил 14 основных подпунктов под названиями: «О стихе», «Внутреннее содержание стиха», «Мастерство сочинения стиха», «Стихотворная стилевая норма», «О связанном стиле», «О песне», «Сочинение сказаний, сказок (улигеров)», «Повесть», «История», «Шастры», «Фантастика (научно-фантастические произведения)», «Пьесы», «Мотив», «Литературный талант». Автором даны определения к

понятиям стиха, его особенностей, искусства, стилевой нормы и связанного стиля. Стих обладает силой раскрытия интеллекта, передачи мнений и взглядов, обнаруживания знаний. С. Буяннэмэх, говоря об основных особенностях стиха, определил его функции, идеологическое свойство. «Во-первых, так как в стихе немного слов, то читается он быстро. Во-вторых, в стихе множество идей, и они глубоки по содержанию, то обдумывая их, не заходишь в тупик. В-третьих, так как стихотворный стиль складывается прекрасно и самостоятельно, то при чтении стих не надоедает. В-четвертых, стиль стиха непременно впитывается в мысли человека» [2].

Говоря о содержании стихов, он отмечает, что «в стихах существует два смысла – ясный (илэрхий утга) и скрытый (далд утга). Ясный смысл – это тот смысл, который познается немедленно после прочтения стиха. Такие стихи просты и написаны обычными словами. Другой же, скрытый смысл – это смысл, понимание которого достигается только после размышления над ним. Такого рода стихи требуют особого понимания и предназначены людям, обладающим способностями объяснения. В таких, требующих пояснений стихах также открывается дорога для рассуждений или же проверяется глубина знаний» [2].

Таким образом, по мнению С. Буяннэмэха, в стихах может быть ясный и тайный смыслы. Стихи с ясным содержанием легко воспринимаются и называются простыми стихами или стихами с простыми словами. Стихи со скрытым смыслом сложны, понять их может человек образованный.

Во взгляде на вопрос о ясных и тайных стихах присутствует критическое отношение С. Буяннэмэха к монгольской литературе. Если внимательно изучить древнюю монгольскую литературу, считает автор, то в ней обнаруживаются два вида традиций. Одна из них – стихи скрытого содержания или смысла. Такие стихи носят название тайные, или скрытого смысла стихи (далд / битүү утгагай шүлэг). Другой традицией могут быть стихи с ясным смыслом, которые сочинены для простого народа и доступны для понимания необразованным людям. Две традиции монгольского стихосложения в настоящее время развиваются по отдельности.

С. Буяннэмэх в своей статье затронул теоретическую проблему системы монгольского стиха. Древний монгольский стих имел форму, в которой внутри одной строфы проявлялась одна мысль, при большом количестве строф

строфы разделялись интервалом либо верхняя и нижняя строки располагались ступенями, и композиционно число строк древнего монгольского стиха было от 4 до 16. Сейчас же количество строк современного монгольского стиха стало свободным, стих непременно пишется кратко, аллитерация монгольского стиха также стала свободной, согласовываются число слов и каданс (нугалбар). Относительно этих и других вопросов С. Буяннэмэх выдвинул собственное мнение. В истории монгольского стихосложения в самом первом своем значении слово «бадаг» – это первая часть всего смысла стиха: «шүлгийн дөрвөн мөр буюу нэг хэсгийг нэгэн бадаг». В произведениях Чойджи-Одэра (XIV в.), Хасбуу, Инжинаша (XIX в.), литературных работах XX века под словом «бадаг» понимается одна из четырех частей одного стиха.

На примере стихов автором были даны разъяснения в отношении размера каданса, различий форм, также было установлено различие между стихом и связанным стилем. Связанный стиль обладает признаком стиха, но и отличается по содержанию. Стих есть сокращение смысла любой вещи или явления, обладающее явным и скрытым смыслом. Однако в связанном стиле не может присутствовать ни явный, ни скрытый смысл. Он, непосредственно проявляя внешнее положение и внутреннее наполнение вещей, создается в благозвучной гармонии через словесную связь. Стих – это деление куплета (бадаг), уравнивание количества слов в каждой строке, выравнивание меры ритма и нестрогое требование соблюдения аллитерации. Связанный стиль, наоборот, обращает внимание на аллитерацию.

В монгольском поэтическом мире разновидности связанного стиля (напевы хурчи, магтаалы, улигеры и шаманские заклинания, различные магталы животным, горам и рекам) с древних времен и до наших дней имеют широкое распространение в народе, стихи же, напротив, не могут быть столь широко распространенными. Определив, что в старинных песнях присутствуют интересные слова, которые требуют внимательного исследования, автор предложил рассмотреть вопрос о литературной преемственности и новаторстве. «В настоящие дни наши новые революционные писатели не пользуются этими видами и только прибегают к некоторым богатым по содержанию словам, отбирая их из написанных ранее старых произведений. Однако эти разнообразные старинные произведения искусства также необходимо изучать. Например, со стороны внешней формы надо учиться использовать языковые сред-

ства, обогащать стихотворный язык, проявлять интерес к критике древних сочинений» [2]. С. Буяннэмэх, отнеся к связанному стилю ероолы (благопожелания), магталы, шаманские призывы, магталы горам и рекам и народные песни, показал их отличительные черты от стиха.

Написанная С. Буяннэмэхом книга по теории литературы «Врата литературы» («Утга зохиолын үүд») [3] в своей структуре, помимо предисловия, включает 5 разделов с 35 частями. В первом разделе представлены 6 частей под названиями: «Исследование и мастерство сочинения», «Тенденции написания», «Смысл сочинения», «Основная строка каждой строфы (куплета)», «Основной смысл («основной куплет»)», «Способы начина стиха». Второй раздел делится на 7 частей, каждая из которых имеет определенное название: «Об искусстве сочинения», «Искусство стиха», «Порядок стихотворных слов», «Стихи из обычных слов», «Явление сложения стихов», «Парные надписи», «Поговорки». Третий раздел состоит из 4 частей: «Что называется связанным стилем?», «Магтаалы», «Связанные благопожелания (ероолы)», «Связанные поучения (сургаалы)». В четвертом разделе 12 частей: «Юмористические сочинения», «Способы создания юмористических сочинений», «Сатирические произведения», «О малом улигере», «Детский улигер», «Ставшие улигерами сочинения», «О художественных произведениях», «Что такое история?», «Исторический улигер», «Пьесы», «О малых загадках», «Примеры аллегории». Пятый раздел включает следующие 6 частей: «Как подобрать тему сочинению», «Блокнот», «Название», «Художественный талант», «Способы прочтения литературы» и «Критика искусства».

В данном произведении С. Буяннэмэх подробно описал способы создания литературных произведений, их оценки, порядок написания связанных стихов, цель написания, содержание, стихотворное искусство, связанный стиль, труд писателя и т.д. Цель его сочинения указана в предисловии. «В данной первой книге, рассматривающей художественные стихи и связанный стиль, способы и методы их создания, обращено внимание на начинающих писателей, литературно одаренную молодежь, которые в своем творчестве могут использовать данную книгу как руководство» [3].

В своей книге С. Буяннэмэх, говоря об общих способах написания, содержания сочинений, прежде всего, указал писателям на важность осознания направленности и цели литературных творений, проверки начального

материала. «Смысл» – это в нашем современном понимании «тема» или «основная мысль». «Цель» – это указание на основную мысль, создающую произведение. «Материалом» же называется задуманный материал. Задуманное произведение в итоге будет иметь «сырой» вид (шүүрхий зүйл), если автор не осознает тему и основную мысль, не проверит и не отберет качественно материал. Говоря о созданном произведении, в котором удачно сочетаются мысль и содержание, автор умело подобрал иллюстрацию: «Гадаад хэлбэр нь уншиж үзэхэд тааламжтай, сонсоход чимэгтэй, дотоод утга чанар нь үзэх тусам бодох тусам барагдашгүй гүн нарийн» [3, с. 294].

Литератор исследовал поэтическое содержание, вопрос о форме, закон стихосложения, талант к стихосложению. Он разделил стихи композиционно на связанные стихи, стихи с простыми словами, стихотворные сочинения, парные надписи, поговорки, магтаалы, связанные благопожелания, связанные поучения, шаманские заклинания. Каждый из этих видов получил определение, была выявлена их специфика. Автор увидел четкие различия между ними и к использованным примерам дал подробные комментарии. Особо он обратил внимание на вопрос о структуре монгольского стиха. Так, высказывая мнение о том, что «форма настоящего монгольского стиха составляется малыми словами, но глубока по содержанию» [3, с. 270], на примерах указал на важность стихотворных куплета (бадаг), каданса (нугалбар), особенностей строки и аллитерации.

Внутри куплета присутствует главная строка, остальные же строки, поясняя главную, сплачиваются вокруг нее. «Написанные по правилам стихи в каждых строфах имеют главные строки» [3, с. 282]. Такая главная строка, во-первых, придает глубокий смысл куплету, а, во-вторых, умение применять ее говорит о качестве искусства стихосложения. В каждой строке имеется каданс. В связи с тем, что каданс определяется как важный стихотворный элемент, автор рассматривает словесное, смысловое, стилевое деление и, в особенности, деление с позиции произношения. Внутри стихотворных строк он выделяется запятой. Например:

Улсын сүлд / улан туг /
алтан соёмбын гэрэл
Бүх улсдаа / хотол гийгүлж /
хүн бүрэн баясаад
Идэр шаламгай / баатар зоригт /
монголын нүүдэлчин ард
Дэлхий дээрхи / дээд мөрөнд /

эрх чөлөөгөө илтгэнэ

Как видно, подобное расположение является четким разделением по смыслу и словесной структуре. Оно также влияет на ударное произношение и разделяет форму строки.

Этот же стих выдержан в следующей форме:

Улсын сүлд / улан туг
 алтан соёмбын гэрэл
 Бүх улсдаа / хотол гийгүлж
 хүн бүрэн баясаад
 Идэр шаламгай / баатар зоригт
 монголын нүүдэлчин ард
 Дэлхий дээрхи / дээд мөрөнд
 эрх чөлөөгөө илтгэнэ
 Иная форма стиха:
 Улсын сүлд
 улан туг
 алтан соёмбын гэрэл
 Бүх улсдаа
 хотол гийгүлж
 хүн бүрэн баясаад
 Идэр шаламгай
 баатар зоригт
 монголын нүүдэлчин ард
 Дэлхий дээрхи
 дээд мөрөнд
 эрх чөлөөгөө илтгэнэ
 Можно написать в другой форме:
 Улсын сүлд / улан туг /
 алтан соёмбын гэрэл
 Бүх улсдаа / хотол гийгүлж /
 хүн бүрэн баясаад
 Идэр шаламгай / баатар зоригт /
 монголын нүүдэлчин ард
 Дэлхий дээрхи / дээд мөрөнд /
 эрх чөлөөгөө илтгэнэ
 Манай улсын / баатар хүчит /
 ардын улан цэрэг
 Улс орноон / батлан хагаалах /
 хүчин сүрээн үзүүлнэ

Таким образом, можно использовать различные формы расположения строк. В монгольском стихотворении основным правилом считается выравнивание количества слов внутри строки. «Хотя и два слова, но по свойству приравниваются к одному слову, хотя и одно слово, однако расценивается оно по качеству и размеру как два слова. Помимо этого, словесные окончания не расцениваются как одно слово». Однако некоторые окончания (суффиксы): *-бөгөөд*, *-мэт*, *-ажгуу*, *-лугаа*, *-лүгээ* иногда можно назвать словами. Отвечая на вопрос, почему так, С. Буяннэмэх поясняет, что в мелодичной песне элементы *-мэт*, *-бөгөөд*, признанные как отдельные слова, из-за того, что

попадают на несколько нот, достаточно долго произносятся и внешне имеют качество одного слова. В случае, если внутри одной строки с четырьмя словами вносятся суффиксы типа: *-даган*, *-дэгэн*, *-ану*, *-ину*, *-лугаа*, *-лүгээ*, то она становится похожей на строку с 7 или 8 словами [3, с. 342]. Рассматривая этот вопрос, автор касается проблем стихотворного слога, ударения и стопы.

Как считает критик, основным вопросом в монгольском стихосложении является метод аллитерации. Описывая разные способы аллитерации, он указывает, что «не только останавливаться в начале стиха на аллитерации, а также согласовывать конец стиха – это есть лучшее художественное украшение» [3, с. 346]. Литератор напомнил о том, какие интересные по содержанию слова входят в стихотворные строки и куплеты и с какой целью они употреблены в стихах.

Ранее, в статьях «Шүлэгч нар хянамуу» и «Уран зохиолын зүйлийг хэрхэн зохиох сэдэв», автор отмечал, что стихи обладают двумя смыслами: ясным и скрытым. Ясный смысл критик определил как смысл, понятный сразу же после прочтения стиха. Такой стих называется «хялбар шүлэг» или «ер үгийн шүлэг», он понятен каждому человеку. Тайный смысл непонятен после прочтения стиха, и только после его обдумывания можно объяснить значение.

Как полагает критик, такие устные и письменные произведения монгольского фольклора, как загадки, «ертөнцийн гурав», басни, улигеры, имеют скрытое содержание. Поясняя произведения со скрытым смыслом на примере стихов, аллегорий, шуток, загадок, он также приводит собственный сочиненный пример, в котором описан новый кружок литераторов:

Модны думд бодь мод бүжиглэн найган суухад

Шувууны доторхи тоть шувуу баясан дуулан ирдэг

Таван өнгийн өд сөд нь навчийн хавтаснаа намирч

Нэгэн зурвас яруу үг нь мянган лантай таацна

Стих, написанный способом монгольского настоящего стихосложения, с небольшим количеством слов скрывает глубокий смысл. Некоторые литераторы, как пишет С. Буяннэмэх, связывают происхождение стихов с тайным смыслом с индийской традицией, другие считают, что они происходят от монгольских загадок и «ертөнцийн гурав». Также есть мне-

ние, что такие стихи тесно связаны с китайскими древними стихами. Автор выступает с критикой, направленной в адрес некоторых монгольских литераторов. С. Буяннэмэх критически относится к своим современникам: «закрывается ясное направление мысли, забывается вопрос о содержании, притупляется литературная цель, однако развивается только дискуссия с использованием большого количества слов, которые могут уже стать собранием сочинений» [4, с. 12].

Рассматривая взгляды С. Буяннэмэха, важно отметить, что в то время поднимался вопрос: продолжать устную и письменную монгольскую художественную традицию или опираться на традиции иностранной литературы? С другой стороны, взяв на вооружение вопрос о традиции и новаторстве монгольского стихосложения, авторы начали новый поиск направления в развитии монгольского стихосложения. В то время именованые крупных произведений (их мы сегодня называем поэмами) стихотворными произведениями, связанными произведениями явилось новым явлением в литературе. Обнаружилось, что в форме стихотворных произведений можно писать различные улигеры и лирические музыкальные произведения, которые называются сейчас пьесами.

Таким образом, С. Буяннэмэх в своем труде системно и обоснованно рассмотрел способы стихосложения, виды литературного стиля, особенности форм, литературное содержание,

признаки искусства, вопрос о традиции и новаторстве, вопрос о свойстве и т.д. Это литературоведческое и искусствоведческое произведение стало важным вкладом в развитие теории монгольской литературы, опирающейся на монгольский традиционный фольклор, исторический опыт письменного сочинительства и использование западных литературных достижений того времени. Очевидно, что теоретические взгляды в отношении литературных стилевых видов развивались и вырабатывались, опираясь на фольклор и монгольскую литературу, на связанные благопожелания, магтаалы, ставшие улигерами рассказы, исторические улигеры и другие сочинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буяннэмэх С. Шүлэгч нар хянамуй // Үнэн. № 14. 06.04.1929.
2. Буяннэмэх С. Уран зохиолын зүйлийг хэрхэн зохиох сэдэв // Уран үгсийн чуулган. Улаанбаатар, 1929; Ван Мандуга. Монголын орчин үеийн уран зохиолын судлал шүүмжлэл. Өвөр Монголын соелын хэвлэлийн хороо. 1999. 151-179-р нүүр.
3. Буяннэмэх С. Утга зохиолын үүд. Улаанбаатар, 1935 // Хэл зохиол судлал. 1975. 10-р боть // Ван Мандуга. Монголын орчин үеийн уран зохиолын судлал шүүмжлэл. Өвөр Монголын соелын хэвлэлийн хороо. 1999. 255, 282, 289-290, 294, 270, 314, 341, 346, 351-р нүүр.
4. Цэнд Д. Монголын орчин үеийн уран зохиолын судлал шүүмжлэлийн тойм. Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх газар. Улаанбаатар. 1966. 12-р нүүр.

ТРИАДА «ЯЗЫК — КУЛЬТУРА — ЭТНОС» СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОНИМИИ: КАЛМЫЦКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Э.У. Омакаева

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-00449а

В статье представлены некоторые результаты анализа калмыцких личных имен в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: *имя, антропоним, калмыцкий язык, культура, лексика, обряд, буддизм.*

Within the framework of the research the author presents some results of the analysis of Kalmyk names in lingvocultural aspect.

Keywords: *name, anthroponim, Kalmyk language, culture, lexicon, rite, Buddhism.*

В процессе углубленных лингвистических исследований последних десятилетий, особенно в области семантики, четко определилось направление, изучающее взаимосвязь языка и культуры, в рамках которого базовой проблемой предстает вопрос о том, как, изучая язык, мы можем объяснить особенности той или иной культуры и, наоборот, как, изучая культуру, мы можем объяснить особенности того или иного языка.

Сложной проблеме взаимоотношения языка и культуры посвящено немало работ современных исследователей: Ю.С. Степанова, В.Б. Касевича, Т.В. Топоровой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, В.Н. Телия, Г.Ц. Пюрбеева и др.

Истоки лингвокультурологии заключены в знаменитой гумбольдтианской триаде «язык — народ — дух». Калмыцкий язык, как и любой другой естественный язык, - результат культурной эволюции этнического сообщества.

В языке — в его словаре и грамматике — заключена картина мира калмыцкого этноса, его кристаллизованный опыт. Номинативный компонент языковой системы, в первую очередь словарь, включающий лексику, фразеологию, паремиологию, является наиболее репрезентативным материалом, где отчетливо виден срез «язык — культура — этнос».

Значительную часть лексикона любого языка составляют онимы (имена собственные). Оним - объект ономастики, лингвистической науки, которая определяет его как «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого объекта среди других объектов и его индивидуализации и идентификации» [2, с. 95]. Но задача изучения феномена имени собственного не ограничивается только языковыми аспектами. Ономастика вырастает в комплексную проблему, затрагивающую самые разные аспекты материальной и духовной сферы.

Важнейшим фрагментом ономастикона любого языка является антропонимия (личные имена, фамилии, прозвища, псевдонимы), изучение которой тесно связано с целым комплексом гуманитарных наук, среди которых можно выделить литературоведение, фольклористику, этнологию, культурологию.

Личное имя, будучи объектом междисциплинарного изучения целого ряда наук, актуализирует три основных направления: 1) лингвистическое, рассматривающее собственное имя как языковой знак, исследующее его семантическую и словообразовательную структуру; 2) фольклорно-литературоведческое, в рамках которого имя персонажа выступает как средство создания художественного образа; 3) историко-этнографическое, представляющее имя собственное как знак социальный, отражающий быт, культуру, мировоззрение народа. В рамках последнего направления изучаются экстралингвистические аспекты антропонимов — мотивы имяназвания, социальные функции имени и т.д.

Развитие отечественной ономастики последнего десятилетия отмечено проявлением определенной активности в изучении антропонимии, углублением теоретической и расширением эмпирической базы исследования собственных имен, рождением новых направлений (лингвокультурология, когнитология и др.), повышенным интересом к современным животрепещущим темам (имя собственное и языковая картина мира, личное имя и идентичность, этническое имя и глобализация, литературная ономастика, имя в СМИ и т.д.). Вместе с тем необходимо признать, что порой недостаточно объективно и не вполне адекватно анализируется современная антропонимическая ситуация, слабо используются компьютерные методики и инновационные технологии.

Многоаспектность антропонима предполагает комплексный подход к его изучению, позволяющий рассматривать феномен личного имени с разных сторон, под разным ракурсом при неизменности целостного видения проблемы. Это, в свою очередь, предполагает множество частных объектов наблюдения, иначе говоря, в зависимости от аспекта конкретизируется объект исследования.

Необходимо учитывать и изменение антропонимикона того или иного народа под действием исторических, социально-политических, правовых, культурных, психологических, экономических факторов. На разных этапах исторического развития в зависимости от внелингвистической ситуации может отдаваться предпочтение то одним, то другим именам, национальный антропонимикон может меняться, но он остается неизменным спутником жизни коллектива.

Нам уже не раз приходилось писать о том, что антропонимы представляют большой интерес с лингвистической точки зрения [3]. В лингвистическом исследовании личных имен мы выделяем пять основных проблемных блоков: собственно лингвистический, включающий как теоретические (например, типология антропонимов, их классификация и т.п.), так и прикладные аспекты (словари личных имен, перевод и т.д.); социолингвистический; психолингвистический; этнолингвистический (лингвокультурологический) и лингвопоэтический. Практически все они малоисследованы, а некоторые, пожалуй, только начинают разрабатываться.

Тема, заявленная в названии доклада, представляется актуальной прежде всего для решения ряда теоретических и прикладных вопросов социолингвистики, поскольку последнюю, как известно, интересуют «конкретные» носители языка, в отличие от собственно лингвистики, изучающей язык «абстрактных носителей».

Это и побуждает нас обратить внимание в большей степени именно на социолингвистический и лингвокультурологический аспекты ономастики и в меньшей – на все остальные. Как известно, предмет особой отрасли языкознания – социолингвистики – составляет проблематика, связанная с проявлением социальных характеристик говорящего и слушающего в языке, речевой деятельности и тексте.

Вопрос о значении имени собственного до сих пор остается одним из наиболее дискуссионных. Так, А.В. Суперанская выделяет шесть теорий, основанных на связи имени с понятием и именуемым объектом [1, с. 7]. Часто неправомерно смешиваются, не разграничиваются совершенно различные явления: этимологическое

значение апеллятивной основы, т. е. значение доантропонимическое; собственно антропонимическое («паспортное»), указывающее на данное лицо; отантропонимическое, рождаемое личностью носителя имени.

Поскольку ономастика - часть лингвистики, мы рассматриваем имена как особый лексический пласт языка, но для правильной интерпретации семантической структуры антропонимов мы вынуждены обращаться к историко-этнографическим данным, имея в виду социальность личных имен и невозможность их существования вне социума с его картиной мира, ритуалом, правилами, законами и мировоззрением.

Антропонимия сегодня активно исследуется в лингвокультурологическом плане, с учетом социальных и психологических факторов, особенностей языкового общения. Активизация междисциплинарных исследований, сигнализирующая о расширении границ лингвистического знания, наметилась и в современной калмыцкой ономастике. Такой комплексный подход поможет, на наш взгляд, избежать и одностороннего рассмотрения личных имен.

Калмыцкая антропонимия видится нам как определенным образом структурированная полевая система со своим ядром и периферией, в которой нет места чему-то случайному. Личные имена, будучи соотношенными с человеком (носителем имени) и конкретным обрядовым комплексом, относятся к тем элементам лексической системы калмыцкого языка, которые несут определенную культурно-историческую информацию.

Но на сегодняшний день актуально не просто собрать воедино реликты прошлого и истолковать современную антропонимическую ситуацию, но и по возможности воссоздать традиционную ономастическую картину мира монгольских народов. Семантическая структура антропонима «проливает свет на экстралингвистическую сферу – модель мира, отражающую сумму представлений о макро- и микрокосме носителей данной традиции» [4].

Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная система антропонимов, возникших в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже существенно пересмотрена через призму языка и кросс-культурных контактов. Традиция именная ойратов, имеющая центрально-азиатское происхождение, впитала в себя антропонимикон Древней Индии и Тибета, будучи тесно связанной с письменной

тибетско-монгольской традицией.

Изучение языковых особенностей личных имен особенно продуктивно в рамках этнолингвистики. И это не случайно. Антропонимы имеют большую познавательную и культурно-историческую ценность. Это своего рода история жизни этноса, настоящая энциклопедия народного быта, передающая его неповторимый колорит, своеобразие материальной и духовной культуры, неписанные правила поведения в семье и обществе.

Исследование калмыцкого антропонимикона осуществляется нами в русле пилотных разработок в области реконструкции материальной и духовной культуры этноса по данным языка (В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Н.И. Толстой, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо и др.), современных ономастических работ [5] с учетом достижений калмыцкой антропонимики.

Личным именам калмыков посвящена значительная литература, созданная как в прошлые столетия, так и в относительно недавнее время. В научном багаже калмыцкой школы ономастики есть опыт предшествующих поколений, к которым принадлежат собиратели личных имен, записанных в разное время в Калмыкии, и современные разработки в области изучения антропонимии калмыков (М.У. Монраев, Г.Ц. Пюрбеев, В.П. Дарбакова, Т.Г. Басангова, Э.У. Омакаева и др.). Ценным вкладом в изучение личных имен является докторская диссертация и монографии М.У. Монраева, фиксирующие антропонимическую лексику калмыков [6].

Традиционная модель калмыцкой антропонимической системы двучленна: личное имя и имя отца, например, Бадмин Харцх (Харцха, сын Бадмы), но под влиянием русской модели трансформировалась в трехчленную, где имя отца стало отчеством. Древняя антропонимическая система монгольских народов была, как известно, одночленной, использовавшей для наименования человека лишь одно имя. В древних именах широко была представлена титулатура, поэтому большинство имен были многосоставными.

Противопоставленность имя/фамилия – один из важных признаков системной организации антропонимического материала калмыцкого языка. Общеизвестно, что основным свойством элементов любой лингвистической системы является наличие в ней оппозиций.

Каждый член оппозиции образует своеобразную подсистему, которая также образуется на определенных противопоставлениях и характеризуется своими особыми связями. В современной подсистеме личных имен калмыков чет-

ко противопоставляются два разряда: мужские и женские имена, но раньше гендерная маркированность калмыцкого имени была не столь заметной: часто одно и то же имя носили и мужчины, и женщины.

Калмыцкие личные имена вызвали у нас особый интерес как с точки зрения их особой роли в ономастическом пространстве калмыцкого языка, так и с точки зрения их представленности в языке, обслуживающем буддийскую культуру.

Традиционно имя считалось сутью человека. У калмыков есть пословица «Зун күүнэ чирэ үзхэр, нег күүнэ нер мед» (Чем знать 100 человек в лицо, лучше знать одного по имени).

Наречение именем – важнейший инициационный акт, придающий новорожденному статус человека [7].

Естественно, что в контексте буддийской культуры этот акт отождествлялся с религиозным обрядом очищения, во время которого ребенок получал имя.

В связи с распространением буддизма традиционный фонд собственно калмыцких имен был значительно расширен именами санскритского и тибетского происхождения. Такие имена очень популярны среди калмыков. Среди них можно обнаружить попавшие в калмыцкий язык в разное время через уйгурский и тибетский языки санскритизмы (Эрднь, Радна, Эрнцн, Эрнжэн «Драгоценность», Очр, Баазр «Ваджра», Дэр «Тара» и др.), а также тибетские имена: Санж «Просветленный, Будда», Церн «Долгая Жизнь» (калмыцкий эквивалент Утнасн), Чагдр «Ваджрапани», Мингъян «Благозвучное имя», Луузн «Хороший Ум» и т.д.

Самым распространенным было календарное имянаречение. Имя определялось в соответствии с астрологическими признаками дня рождения ребенка. Не случайно у калмыков многие имена обозначают названия планет и созвездий, что связано с днем недели, в который родился человек. Следует отметить, что в калмыцкий именник попали не только исконные имена, но и заимствования. Например: санскр. Адъян, тиб. Нимэ, калм. Нарн 'Солнце', санскр. Сумъян, калм. Сарн, тиб. Дава 'Луна', тиб. Мигмр 'Марс', калм. Улмж, тиб. Лавга 'Меркурий', тиб. Пүрвэ 'Юпитер', тиб. Басн, санскр. Шуһр 'Венера', тиб. Бемб, санскр. Санчр 'Сатурн'. Хотя такие имена давали в основном мальчикам, встречались они и у девочек, поэтому у калмыков было много общих имен.

Благоприятным временем для наречения именем считались периоды нахождения Солнца в зодиакальных созвездиях Стрельца (Нумн),

Водолея (Бумб, Хумх), Рыб (Заһсн), Близнецов (Хүрцл). Весы и Скорпион относились к неблагоприятным созвездиям для имянаречения.

Плохими днями для наречения имени были дни, которыми управляли созвездия № 1, 3, 8, 10, 13, 17, 18.

В воскресенье предписывалось давать имена ханские. Но такие имена могли носить только особы княжеского рода (нойоны). В понедельник можно было давать имена чиновников и простых людей. В среду - мужские имена, в четверг - буддийские имена гелюнгов, в пятницу - женские имена и имена, обозначающие названия животных, вещей, драгоценностей [8].

Если же календарное имя было по какой-то причине нежелательно, выбирали другое имя.

После совершения обряда имянаречения в целях предохранения ребенка от несчастья астролог давал специальный талисман «бу» (по П. Небольсину, тельник) - зашитое в материю (цвет материи определялся зурхачи) изображение божества (шутэн) с заклинаниями (тэрн). Амулет надевали на шею ребенка, а на следующий день снимали и привязывали к колыбельке. С выходом из колыбельного возраста амулет одевали снова на шею ребенку. В качестве детских оберегов широко использовались и серебряные монеты, раковины каури, которые назывались по-калмыцки «моһан толһа» (змеиная головка). Это же название бытует у многих тюркских народов, например, у татар, казахов, киргизов, туркмен. Монеты и раковины прикреплялись обычно к волосам ребенка.

Если обряд омовения совершался без участия священнослужителя, то тогда ездили в хурул освятить воду, размешав в половине стакана воды одну чайную ложку молока. Заговоренную в хуруле воду смешивали дома в чистой посуде с 3 литрами теплой воды. Затем воду выливали в таз, куда бросали белые и желтые монеты с пожеланием долгой жизни младенцу, соль для укрепления тела, костей ребенка, щепотку можжевелового порошка для очищения от грехов предыдущих жизней. Иногда в воду для первого купания бросали три черных камушка с пожеланием «Пусть твоя жизненная сила будет крепче черных камней!» [9, с. 30].

Если емкости для купания не было, то ребенка омыли на руках, предварительно положив кусочек ткани, на который сверху клали монетки, и возжигали можжевеловый порошок для окуривания.

Поливая водой ребенка, произносили: «По божественной милости ты с сегодняшнего дня очистился» (ода цеврдж одвч). Обряд обычно совершала мать ребенка при помощи других

женщин. После обмывания мать проводила несколько раз своим языком по телу ребенка.

Обряд первого купания ребенка основан на мифологических представлениях о воде как обереге, животворном средстве, санкционирующем новый статус ребенка.

Обряд имянаречения без участия священнослужителя происходил следующим образом. Как только из хурула получали письменное известие о том, какое имя следует дать ребенку, родильница спешила в дом родителей отца ребенка.

Это был ее первый выход к родным мужа. Мать ребенка брала с собой ребенка в люльке и подношения - борцоки (3 тазика-тевш), чай (3 кувшина-домбо), водку (несколько фляжек-бортха), тушу целиком сваренного барана. Когда она подходила к кибитке свекра, то сразу не заходила, оставаясь снаружи у распахнутых дверей. Подарки у нее забирали и ставили в ряд на жертвенник (алтарь) и только после этого ей позволялось переступить порог кибитки. Войдя после специального разрешения в кибитку, мать ребенка ставила колыбельку перед большим бараном, прислонив ее отвесно к шесту, на вершине которого находилась жертвенная чаша, и молилась перед алтарем, совершая три поклона.

Обряд имянаречения совершал старший участник обряда, обычно дед (өвк эцк). Он подходил к алтарю и, отвесив три поклона, наклонялся к ребенку, лежащему в колыбельке, затем, взяв за левую мочку уха, если давали имя девочке, и правую мочку, если это был мальчик, негромко трижды произносил имя: «По божественной милости ты с этого дня именуешься так-то». После этого вынимал из принесенного барана сердце, отрезал верхний кусочек и прикладывал ко рту ребенка. С этого времени ребенок считался грешным (килнц хурана), поскольку попробовал кусочек мяса животного, специально для него заколотого. Оставшуюся часть сердца барана клали на алтарь [10, с. 86-87].

После совершения обряда мать вместе с ребенком переходила на женскую половину кибитки и садилась рядом со свекровью у малого барана. Родители мужа одаривали ее и ребенка подарками и произносили благопожелания.

По представлениям калмыков, жизнь ребенка и его счастье во многом зависели от имени. Считалось, что имя влияет на судьбу ребенка, его будущий характер и способности.

Часто ребенку давали тотемное имя (Чон - Волк, Ноха - Собака и т.д.). Имена животных носят двойственный характер: с одной стороны, с их помощью ребенок получал защиту, вновь нарекаемому должны были передаться качества

соответствующих животных – сила и неуязвимость волка, живучесть и крепость собаки, с другой – ребенок причислялся к миру природы с целью обмана злых духов.

Помимо социальной функции имени (идентификация его носителя), большое значение придавалось его мифологической функции, магическим свойствам, регулирующим отношения человека с потусторонним миром, миром природы, космосом. Обычно эти две функции свойственны одному имени. Но в особых случаях, когда ребенку угрожает опасность, ему давали второе имя (обычно на семейном совете), которое использовалось в повседневной жизни, а настоящее имя табуировалось и скрывалось.

Имя выбирали на семейном совете, учитывая время появления ребенка на свет, погодные условия и другие обстоятельства того дня, родословную (тохм көөж) и т.д. Особенно было принято давать имена уважаемых в роду предков.

Ребенка нельзя было назвать в честь родителей, дедушки и бабушки, а также здравствующих и недавно умерших родственников. Считалось, что называть ребенка так же, как уже зовут кого-то из домашних, опасно для обоих. В настоящее время этот обычай часто нарушается.

В калмыцкой среде существовал запрет на произнесение имени мужа, соблюдаемый его женой. Это табу распространялось также и на родственников мужа. Обычай табуирования имен (хадмнх) рождал «новые» имена, поскольку невестка, пришедшая в семью мужа, до конца своей жизни намеренно искажала имена мужа и его родственников. Так, вместо Бадм появилось Ядм, вместо Дорж – Ерж и т.д.

В романе Алексея Балакаева «Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил» («Тринадцать дней, тринадцать лет») есть такой эпизод: когда у бабушки спрашивают ее фамилию, она называет свое имя и говорит: «...как я могу назвать имя отца моего мужа, Грех ведь, нельзя». Потом все же называет: Ядма-Мер [11, с. 298], т.е. Бадма-Халгаева.

Очень популярны у калмыков были благопожелательные имена: Киштэ «Счастливая», Байн «Богатая», Цахан «Белая», Мергн «Меткий», Цецн «Мудрый», Баатр «Богатырь» и др.

По имени можно было узнать субэтническую принадлежность его носителя. Так, у торговцев существовала традиция называть детей двойным именем, особенно популярны были имена со вторым компонентом Гаря (например, Эрдни-Гаря, Сангаджи-Гаря, Манджи-Гаря).

Другие принципы выбора имени применялись обычно, если ребенок родился слабым

и существовала опасность, что он не выживет, если в семье умирали («не держались») дети или родители хотели переменить пол детей.

Если в семье умирали дети, то вновь родившемуся ребенку давали чужое имя – православное или мусульманское (например, Ахмед). Особенно много русских имен появилось у калмыков после Сибири.

В целях обмана злых духов мальчикам давали женские имена: например, Окн – Девушка, Күүкн – Девочка (Му Күүкн – Плохая девочка) и т.д., которые носят и поныне мужчины среднего и старшего возраста. Хотя сегодня вряд ли будут называть так мальчиков, этот обычай зафиксирован в калмыцких фамилиях Оконов, Кукуенов, Мукукуенов и т.п.

Если в семье рождались одни девочки, то последнему ребенку давали «останавливающее имя» (например, Болха).

Видимо, вся система примет, поверий и запретов, связанных с магией имен, имеет под собой определенное основание. Болезнь ребенка нередко объяснялась неправильно выбранным именем, поэтому средством избавления от болезни, «перерождения» человека считали перемену имени.

В свое время была мода на имена героев калмыцкого эпоса «Джангар», имена великих ханов. Такие имена, как Джангар, Чингиз, калмыки считают «тяжелыми» (күнд нерн). В отдельных случаях, когда имя «не идет» (зокчахш) его носителю, лучше сменить это имя. Иначе ребенка будут преследовать болезни и несчастья.

Любое имя, имеющее «тяжелую наследственность», каким бы благозвучным и красивым оно ни было, неизбежно попадает в разряд «запретных». Судьба имени, его жизнь в языке во многом зависит от судьбы его носителя.

Вот что пишет калмыцкий писатель Алексей Балакаев в своем романе «Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил» о женском имени Төгрэш: «Красивое имя. Но, видимо, калмыки от суеверия не называют эти именем своих дочерей. На это есть причина» [11, с. 255]. У калмыков есть одна старинная песня. История этой песни печальна. Родители выдали свою дочь, 16-летнюю девушку, красивую, как луна и солнце, хрупкую, как стекло, замуж за дряхлого 70-летнего старика. Считается, что девушка сама сочинила эту песню о своей трагической судьбе. Писатель пишет далее: «И народ наш, слыша эту горькую песню, видимо, невольно поддается ложному суеверию и не называет своих дочерей именем Тегряш» [11, с. 256].

Кстати сказать, имена литературных и фольклорных персонажей изучаются поэтиче-

ской ономастикой (ономатопозетикой) — разделом ономастики, изучающим любые имена собственные (поэтонимы) в художественных произведениях и устном народном творчестве.

В отличие от бытовых имен, они обладают определенной спецификой, выявление которой представляет значительные трудности ввиду сложности и многомерности объекта литературной и фольклорной ономастики. По мнению В.А. Никонова, «об именах персонажей пишут много и плохо. Берутся за это, в большинстве не понимая трудностей. Трудности лингвистические помножены на трудности литературоведческие» [Никонов 1974, 234].

Наречение именем литературного персонажа — акт сознательного творчества автора. Поэтические имена, как правило, семантически и стилистически мотивированы, причем для их образования автор выбирает семантически прозрачные основы, чтобы апеллятивное значение имени было понятно читателю. В читательском восприятии такие имена приобретают статус «говорящих».

Имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ; оно может указывать на социальную принадлежность, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя избрано вопреки правде) [Никонов 1974, с. 233]. Поэтому изучение литературной антропонимии преследует прежде всего задачи литературоведческого, социолингвистического плана. Фольклорная, особенно эпическая, ономастика носит лингвофольклористический, этнолингвистический характер.

Изучение литературных и фольклорных антропонимов на материале художественных произведений (прозы и поэзии) и калмыцкого фольклора (эпоса, песен, сказок) позволяет сделать вывод, что имена собственные являются составной частью художественного (фольклорного) текста, а их выбор зависит от традиций антропонимикона народа, жанровой разновидности произведения, конкретной ситуации и сюжета.

Таким образом, изучение каждого имени в отдельности и всей совокупности личных имен калмыков в системе имеет важное значение для восстановления по данным языка мировидения калмыцкого этноса, реконструкции культурных, этнопсихологических и мифологических представлений народов центральноазиатского ареала.

Имена имеют разную степень актуальности не только в той или иной лингвокультуре, но и в различные исторические периоды жизни одно-

го народа. Наиболее важные для этноса личные имена являются культурными доминантами. Можно с достаточной точностью охарактеризовать специфику калмыцкой лингвокультуры на основе анализа определенных имен, которые относятся к культурным доминантам.

Сохранение этничности мы связываем и с жизненностью личных имен, ибо в антропонимах воплощены этические и эстетические ценности народа, которые с одной стороны, носят общечеловеческий характер, а с другой — отражают менталитет этноса, своеобразие национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
3. Омакаева Э.У. Насущные проблемы калмыцкой ономастики // Тезисы и доклады Межд. научно-теоретической конф. «Банзаровские чтения-2», посв. 175-летию Д. Банзарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997; Она же. Отражение древней картины мира в ономастиконе калмыцкого эпоса «Джангар» // II Международный конгресс этнографов и антропологов (1-5 июня 1997 г.): В 2-х ч. Ч. 2. Уфа: «Восточ. ун-т», 1997; Она же. Калмыцкая фамильная антропонимия // Ономастика Поволжья. Тез. докл. межд. конф. Волгоград: Перемена, 1998 (в соавторстве с Бадгаевым Н.Б.).
4. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
5. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Султанов А.Х., Сталтмане В.Э. Теория и методика ономастических исследований. М, 2007. 256 с.
6. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста, 1998.
7. Омакаева Э.У. Родины в обрядовой культуре калмыков // Сб. V Конгресс этнографов и антропологов. Омск, 8-12 июня 2003. М., 2003; Хабунова Е.Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону, 2006.
8. Омакаева Э.У. Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ, 1994; Омакаева Э.У. Калмыцкая астрология. Молитвы. Элиста, 1995; Омакаева Э.У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. Сборник статей и материалов. М., 1998.
9. Хабунова Е.Э. Һулмт. Хальмгудын эмдрлин эргцин заң-үүл болн амн үүдэвр. Элст, 2005.
10. Небольсин П.И.. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. - СПб., 1852.
11. Балакан Алексей. Арвн хурвн өдр, арвн хурвн жил (роман). Элст, 1991; Балакаев А.Г. Тринадцать дней, тринадцать лет. Элиста, 1995.

ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА В РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДАХ ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ: К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ ЦАМА

Э.П. Бакаева

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-92006 а/Г

Статья посвящена вопросам бытования буддийской религиозной мистерии цам у ойратов и калмыков.

Ключевые слова: *ойраты, калмыки, буддизм, монастыри, обряды, цам*

The article is devoted to the questions of an existing of a Buddhist religious mystery tsam among ойrats and kalmyks.

Keywords: *Oyirats, kalmyks, buddhism, monasteries, ceremonies, tsam*

В калмыковедческих исследованиях цаму посвящена единственная работа Д.А. Балакаевой, задачей которой являлось выявление в этнической культуре истоков, послуживших основой для театральных традиций [1]. Источниками анализа автору послужили работы А.М. Позднеева о монгольском цаме [2], Б.Я. Владимирцова о тибетском цаме [3] и В. Гирченко о бурятском цаме [4]. Д.А. Балакаева, цитируя слова Б.Я. Владимирцова о том, что «цам, хотя и театральное представление, ... был возможен и допускаем только в составе богослужений», акцентирует первую часть приводимого предложения: буддизм широко обращался к театральным средствам, хотя в монгольской народной среде театр не сформировался. Примечательно следующее: данная статья, опубликованная калмыцким автором, привлекла внимание к традициям цам, хотя в ней не были приведены свидетельства о бытовании этой мистерии в среде калмыков.

Постановка вопроса о специфике этнических традиций в религиозной обрядности обуславливает обращение к работам А.М. Позднеева – исследователя, посвятившего немало работ как монгольскому, так и калмыцкому буддизму.

В обобщающей книге о буддийских монастырях Монголии А.М. Позднеев дал наиболее полное описание цам в той форме, в которой он исполнялся в монгольской традиции. По свидетельству монголоведа: «Из всех наблюдений и расспросов, которые мне удалось произвести, я мог вывести только одно заключение, что как в Монголии, так и у наших бурят цам ежегодно совершается в тот день, в который впервые в монастыре введено его служение» [2, с. 393]. Для изучения калмыцкой традиции данное замечание А.М. Позднеева имеет большое значение, поскольку можно сделать вывод

о вероятном отсутствии в монастырях Калмыцкой степи обрядов цам.

Действительно, в работах, посвященных калмыцким хурулам, А.М. Позднеев, лично объезжавший в начале XX в. донские, терские хурулы и монастыри улусов Калмыцкой степи Астраханской губернии по поручению Министерства внутренних дел «с целью изучения религиозного быта калмыков», не отмечает наличие традиции цам в каком-либо из храмов [5, 6, 7]. В целом, по мнению известного монголоведа, «научное изучение ламаизма у калмыков развилось слабее, чем у монголов и бурят, так как догматическая, нравственная и обрядовая стороны ламаизма, которые монголы изучали по изданным в Китае целым кодексам буддийских сочинений на монгольском языке, калмыкам были недоступны, и они изучали только по тем источникам, которые сами издавали» [5, л. 4]; «все их познания ограничивались усвоением нравственного, и, главнейшее, обрядового учения ламаитов» [5, л. 4]. Более того, по мнению А.М. Позднеева, в ряде калмыцких хурулов набор обрядовых богослужений был более ограниченным, чем у монголов и бурят. Так, характеризуя хурулы Александровского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии, он отметил, что богослужения, в основном, содержат благопожелания (йоролы), обычные молитвословия (моргюлы) и службу, посвященную Будде врачевания Манла: «даже «Сочжин» исполняется не два раза в месяц, как это полагается, а два раза в год» (т.е. во время календарных праздников Цаган Сар и Урюс Сар) [5, л. 42]. Известно, что у монголов Сочжин отмечался 15 и 30 числа каждого месяца, хотя в буддийских сочинениях имелись указания на почти ежедневное исполнение данного обряда: с 16 числа первого летнего месяца до 15 числа третьего летнего месяца, с 16 числа этого

месяца до 15 числа среднего осеннего месяца, с 16 числа этого месяца до 15 числа первого зимнего месяца и так далее, до начала лета [2, с. 341-342]. В калмыцкой традиции Сочжин исполнялся в соответствии с указаниями обрядников, только с соблюдением этнической специфики: его отмечали ежедневно в течение 15 дней с 16 до 30 числа первого весеннего месяца (после наступления Цаган Сара) и в течение 15 дней после праздника Зул. И так, Сочжин практиковался калмыками 30 дней в году – даже большее количество дней, чем в монгольской традиции (по два дня в месяце), но проводился он у калмыков в определенные периоды. Таким образом, замечание А.М. Позднеева о сокращении традиции Сочжин не вполне соответствовало действительности. И в настоящее время традиция проведения Сочжин сохраняется в среде верующих мирян-калмыков, практикующих моления в дни поста.

В начале XX в. буддийские праздники были описаны Х.Б. Кануковым в его обобщающей работе «Будда-ламаизм и его последствия». Автор перечислил главные храмовые праздники: Геген (ритуал, посвященный божествам – покровителям храма), Мьядр (праздник будды грядущего, отмечался в летнее время), четыре дююцена (праздника Будды); а также «церковно-мирские праздники» - Цаган Сар, Зул, Джилин эзен, Урюс, Ова тьякхе [8, с. 83-87].

Примерно такой состав календарных праздников калмыцкого буддизма отмечался и А.М. Позднеевым. Согласно данным, собранным им в 1920 году, перечислены следующие праздники калмыков: Цаган сар, Урюс сар, Гал тьялгн, Зул [7, л. 60-62].

Согласно «Табели праздничным дням», представленным Ламайским духовным правлением в 1836 году по запросу Совета Калмыцкого управления для освобождения калмыков – членов присутственных мест от работы, в калмыцких хурулах отмечались:

1) Четыре больших праздника, связанные с памятливыми событиями жизни Будды Шакьямуни.

2) Средние праздники: Майдари (с 8 по 15 число среднего осеннего месяца), Усун Аршан (в 1 день осеннего среднего месяца, Гал Тьялгн (в среднем осеннем месяце), Зул (с 20 по 25 числа в последнем осеннем месяце), Новый год (в даты, меняющиеся по лунно-солнечному календарю), Хуучан хурул (семь дней перед наступлением первого весеннего месяца и буддийского Нового года).

3) Малые праздники - 8,15 и 30 числа каж-

дого лунного месяца дни поста, во время которых в храмах совершаются богослужения [9].

Таким образом, в ряде источников отсутствуют прямые упоминания о том, что в калмыцких монастырях в XIX – начале XX в. практиковался цам.

Однако, анализируя данные, датируемые указанными столетиями, следует учитывать исторические условия конкретных периодов. В XIX в. калмыцкие степи находились в прямом административном подчинении; контакты с внешним миром ограничивались, а в отношении буддийской церкви российским правительством предпринимались ограничительные меры (сокращалось количество храмов и штаты в них).

Но еще в XVII – XVIII вв. связи Калмыцкого ханства с Тибетом были весьма активными. Представители высшего духовенства получали образование в духовных центрах Тибета. К примеру, в 1718 году из Тибета прибыл Шакур лама, возглавивший буддийскую церковь. Калмыцкие ханы получали благословление на ханство от Далай-ламы. Тесные связи имели калмыки и с ойратами Джунгарского ханства, через которое пролегал их путь в Тибет (а не более дальними путями через Монголию). Известно, что Шукур Дайчин провел длительное время в кочевьях ойратов, во время путешествия посетил и строящийся буддийский монастырь Аблаин-кит, освященный позже Зая-пандитой, как повествует его биография просветителя: «Эту зиму (1653) Зая-пандита провел у Дайчина торгутского (т.е. у хана волжских калмыков, деда Аюки хана), лето провел у Аблая, кочевавшего на Булгайин Усун Худжирту. Аблай в это лето выстроил храм. Здесь же кочевал Дайчин торгутский. ...У Аблая был сделан великий пир в присутствии хутукты. Дайчин торгутский пригласил кюре (Зая-пандиты) и отправился домой ... Аблай поднес хутукте 100 верблюдов, многие другие вещи из имения Эрке и просил его, чтоб на обратном пути от торгутов заехал к нему ... хутукта отправился...к торгутам... Аблай послал Мергена Габчо в качестве посла просить Зая-пандиту для освящения храма. В это время Зая пандита... налегке отправился в храм Аблая. Зая-пандита, Даян Цорджи, Серток Цорджи с 1000 хувараками (духовенство) в первый зимний месяц в год курицы (1657) освятили храм» [10].

Такие тесные связи не могли не способствовать широкому распространению традиций буддийской обрядности и глубокому знанию ритуалов, в частности, тех, которые соблюдались в среде родственных калмыкам ойратов.

В Джунгарском ханстве в 1720-х гг. побы-

вал капитан И. Унковский, оставивший сведения об обычаях и быте ойратов. По его свидетельству, 24 января 1723 года, накануне Цаган Сара, в ставке контайши Цэван Рабтана состоялось особое действие, описание которого стоит привести полностью:

«На поле был поставлен великий шатер, и при выходе из него завесами китайскими четырехугольно завешено было, а перед оным учреждена была площадка круглая, на которой по земле назначены были краской степени, и на той площадке калмыцкие ламы (или попы) плясали. К тому шатру учрежденные в той процессии ламы и прочий народ шли от западной страны так: впереди несли 6 больших знамен, у каждого было по три человека манджи (или учеников ламских), в красных кафтанах; за ними несли пирамиду и 2 большие медные трубы, по 4 человека в таком же платье; потом шли 3 человека с маленькими трубками; за теми следовали молодые ламы в желтых епанчах, с бубнами и с медными блюдами, около 50 человек по обеим сторонам, по порядку один за другим; а между ними шло множество старших лам в обыкновенном платье, а по обеим же сторонам [от] означенных лам и прочих шли вооруженные калмыки один за другим, по одному человеку на каждой стороне: в латах и шишаках, с копьями и саблями по 20 человек, в панцирях и мисюрках, с пищалями и саблями – по 15 человек, и так протяжением своим прикрывали означенную процессию; да по обеим же сторонам ехали верхом, по одному, дархан зюрюхту (или советник); за каждым по два пеших, как скороходы.

Придя к помянутому шатру и обойдя его, по обе стороны стали около площадки (как в рисунке означено), некоторую молитву по своей вере учиняя, и старшие, поклонившись к пирамиде трижды до земли, сели. И множество было народа для смотрения оной процессии и плясания, действующего от лам, которое у всех идолопоклонников пред новым годом обыкновенно бывает и за свято почитается (и множество было народа: на верблюдах сидели, для высоты, человек по 5 и по 6; позади пеших чтобы можно было видеть).

Началось сие действие плясание от лам по полудни, в исходе первого часа, следующим образом:

1) Вышли из шатра на площадку два человека в накрытых лицах (яко в маскараде), плясали на той площадке по размеченным степеням, по игре в медные блюда и бубны, и, плясав несколько минут, вошли в шатер; потом другие два, вышедши из шатра, также плясали. И таким

образом 5 пар выходя плясали.

2) Вышел из того шатра 1 человек в другом одеянии, в шляпе и незакрытое имел лицо, плясал на площадке; а по его плясанию или такт били в бряцала или медные блюда и в бубны. Сей около 10 минут легко поскакивал, иногда так, иногда же скоро. Потом другой к нему вышел в таком же одеянии, и оба плясали. Двое вышли и плясать начали, а первые два стали по краю площадки на большей циркумференции. И так в означенном одеянии, выходя из шатра, 1 пара плясали, становились округ площадки; потом все 22 человека, плясав довольно, и стали в те же места по-прежнему.

3) Вышли из того шатра 2 человека, у оных закрытые лица, на шапках по два рога быть имело – у одного коровий, у другого как у козы дикой, у первого в руке булава. Оные посреди площадки тихо похаживали и поплясывали и стали в середине. Потом вышли из шатра 2 человека в таком же одеянии и лица закрытые, токмо без рогов, и, поплясав, становились вокруг около рогатых двух, а внутри первых 22 человека. И так выходя, оных плясунов в закрытых лицах выходили из шатра и плясали 5 пар; а всех было помянутых плясунов 34 человек, да сверх оных, в маскарадном же платье, двое, как скороходы с палками бегали. Еще один в маскарадном платье как старик с кадьницей ходил. Вышеозначенные плясуны каждый у себя имел в одной руке платок, в другой четки, и во время плясания ими взмахивали...

4) Посреди упомянутой площадки разостлали ковер и нечто на нем как святое положили; и, накрыв, плясали по парам. А как обошлись по парам, то все 32 человека, кроме двух рогатых, плясали вокруг площадки по степеням. И так три раза действовав, положенное на ковре приняли два человека рогатые и один лама в обыкновенном платье; а видно было нечто завернуто в белом полотне, как младенец, и присели к огню, который был разложен на восточную сторону от площадки около 6 сажен, бросили в оной огонь; и в том огне взорвало как трехфунтовую гранату. Потом помянутые все плясуны три раза плясали, доколе оповещено им было малыми трубками, и такое плясание свое окончили.

5) Оповещено было большими трубами, чтобы определенные в той процессии стали по порядку. И так убравшись, пошли (таковым же порядком, как написано во втором пункте) в поле к востоку около трехсот сажен, где был сложен из камыша и всякого хлама пустой стог, подобием конуса, и в ту пустоту было подсыпано пороха. И вскоре пришедший старший

лама зажег тот порох, и так стог загорелся, а калмыки 30 человек, которые были в панцирях с пищалями, выпалили к востоку их пищалей, в прочий весь народ, ухватя что попало в руки – камень или палку или землю, бросали к востоку же с великим криком, якобы на победу китайцев (ибо тогда у них война была). При том и сам контайша с фамилией шел. И от того места, поворотясь, до площадки таким же порядком шли, и, пришедши к шатру, распущены [были]» [11, с. 199-202].

Из приведенного описания наглядно вырисовывается картина проведения цама у джунгарских ойратов, называемых русским капитаном калмыками. Она удивительным образом напоминает цам, сведения о котором даны в работе А. М. Позднеева о монгольских монастырях: выходили на площадку два хохимоя (у которых на одежде изображался скелет, а на голове находилась маска, изображающая череп), затем человек в маске ворона, потом последовательно люди, изображавшие ацзаров («жителей Индостана»), хана-чакравартина, Хашин-хана, Чойджила (т.е. Эрлика), пара человек «с головами коровы и изюбря». После них следовали монахи, изображавшие различных божеств (Очирвани, Лхамо, Гонбо, Намсарая и др.). Особый интерес вызывал выход Белого старца [2, с. 393-403].

В указанный период связи калмыков с тибетскими центрами и Джунгарией были весьма активными. К примеру, отметим, что Шукур-Дайчин с 1645 по 1654 гг. кочевал вне пределов волжских степей Калмыцкого ханства, отправившись за утверждением Далай-ламы. В 1678 году Аюка отправил в Тибет внука Арабчжура на поклонение к Далай-ламе, поставив задачу привезти в степи лам «для проповеди и возвышения состава духовенства». После кремации высших лиц из Калмыцкого ханства отправляли посольства в Тибет для доставки праха и последующих обрядов. Во главе ряда посольств стояли религиозные деятели. Статус Калмыцкого ханства в годы, когда совершил свое путешествие И. Унковский к джунгарам, был высок. Так, шведский офицер Ю. Шницер со слов самого Аюки хана писал, что ханский титул ему был дарован последовательно: сначала китайским императором, затем Далай-ламой, хутухтой (наместником Далай-ламы), джунгарский контайша, который затем отдал свою сестру в замужество в род Аюки [12, л. 9].

Учитывая приведенные факты, можно предположить, что традиция цама бытовала и в среде калмыков в период Калмыцкого ханства. Сведения о его проведении, возможно, еще обнаружатся в архивных документах, не исследо-

ванных религиоведами.

С уходом большей части калмыков в 1771 году в пределы Джунгарии откочевали и самые крупные монастыри, которые могли являться хранителями данной традиции.

Косвенно об этом может свидетельствовать следующий факт. Как отметила Д.А. Балакаева, калмык Бааза багши Менкеджуев, побывав в Гумбуме, «скупо замечает»: «14-го числа выходил цам» [1, с. 100]. Путешественнику из Малодербетовского улуса зрелище цама было знакомо, в ином случае его описание должно было занять большее место в его путевых записях, опубликованных в Санкт-Петербурге в переводе и с примечаниями А.М. Позднеева [13].

В работе Мефодия (Н Львовского) о хурулах калмыков Большедербетовского улуса, в целом относящейся к периоду, когда Бааза-багши совершил путешествие в Тибет (1892 г.), встречаем упоминание интересного обряда с использованием масок. Ритуал был приурочен к празднования 12 июля 1892 года в пос. Башанта принятия закона об отмене обязательных отношений. Богослужение включало две части: молебен в хуруле и «мистерия вне хурула». Торжество происходило днем, с четырех часов после обеда до девяти часов вечера. В мистерии главным действующим образом являлся конь рыжей масти (наряженный в попону желтого цвета), который еще утром был поставлен в кибитке, находившейся на юго-западе от хурула. Весь конь, включая ноги и хвост, был накрыт специальным «чехлом». Около седла были прикреплены подвески в виде кукол, лент, кисточек и др. Уши коня были украшены калмыцкими серьгами треугольной формы. Этого священного коня, по словам Мефодия, держал калмык с маской на голове «наподобие головы слона»; за хвост коня держал другой человек – с маской свиньи. На седле между подушками находилось изображение божества Окн тенгри, помещенное в деревянную раму. Свиту Окн тенгри изображали 6 калмыков, «одетых в шутовские и рыцарские одежды», которые шли по бокам коня и несли в руках знамена и оружие. Как только после молитв духовенство вышло из хурула, изображавшие свиту Окн тенгри повели коня из кибитки за ограду хурула, и шествие направилось вокруг хурульной ограды прямо к кибитке багши, которая находилась неподалеку в южной стороне от хурула, где и закончилось шествие «разнообразными передвижениями коня и музыкой». После этого изображение Окн тенгри сняли, а верующие стали «лобзать коня» [14, с. 88-89].

В описании, приводимом Мефодием (Н. Львовским), следует отметить моменты, сбли-

жающие данный обряд с другими. Во-первых, моление Окн тенгри и «встреча» ее изображения, помещаемого на коня, обычно приурочивались калмыками к празднованию Цаган Сара. Во-вторых, торжественная церемония с шествием коня в летний период являлась частью ритуалов, связанных с праздником «Круговращения Майдари» (Мяядрин эргце).

В книге Я.П. Дубровы (журнальный вариант работы был опубликован в 1899 году) находим уточняющие сведения об обряде с использованием масок, подобных маскам цама. «С целью поднятия народного духа ... и вместе с тем с целью освежить его религиозные бредни (разумею массу суеверий, перемешавшихся с буддизмом) – в 1890 году высшим калмыцким духовенством придумано было особое всенародное религиозное торжество, с поразительной для калмыков обстановкой богослужения...» [15, с. 99]. По свидетельству Я.П. Дубровы, пораженного великолепием церемонии и приведшем ее полное описание, для проведения такого ритуала специально покупали необъезженную лошадь буланой масти и молодого верблюда. Для лошади специально изготавливались богатое седло, украшенное чеканной работы золотом и серебром, а также драгоценными камнями, попона, расшитая золотыми нитями, уздечка и др.; на нее также надевали подобие «чехла» из ткани желтого цвета. Дорогой персидский ковер приобрели для верблюда. Ритуал проводился в июне во всех хурулах при огромном стечении народа. Внешняя сторона ритуала, судя по описанию, состояла в торжественном шествии духовенства, сопровождавшего украшенных животных, на которые нагружали священные книги, а также кибитку и изображение божества. «...Возле коня становились стражники, одетые в древние кольчуги, со шлемами на головах в виде бычьей головы с рогами и в латах. Стражники держали в руках обнаженные старинные хорошо отточенные мечи и сабли. Рядом со стражниками стояли замаскированные гэлюны. Маски их состояли из голов разных зверей, которым была придана уродливость и свирепое выражение. Во главе стражников и масок был сам бакша, окруженный многочисленным духовенством...» [15, с. 99-100].

В описании Я.П. Дубровы отсутствуют указания на какие-либо танцевальные движения и театральные характер ритуала. Однако само наличие масок, надеваемых священнослужителями при исполнении цама, на наш взгляд, свидетельствует о его бытовании в калмыцких хурулах. Обрядовые шествия с конем в летний период исполнялись во время праздника Майда-

ри. Именно к этому храмовому празднику, посвященному Будде Грядущего, и в монгольских монастырях приурочивались действия, схожие с большим цамом. Как отмечал А.М. Позднеев, в Монголии существовала самостоятельная традиция цама, но мистерия могла исполняться и как «нечто прикладное» внутри ритуала, посвященного Будде грядущего Майдари. В монастыре Эрдэни-цзу монголовед наблюдал такой цама, который был проведен при празднике круговращения Майдари. «Нельзя не сказать, однако, - писал А.М. Позднеев, - что, являясь как нечто прикладное к процессии Майдари, цама не имел в это время ни того убранства, ни того объема, ни тех жертв, которые бывают при совершении его, как исключительного торжества» [2, с. 393]. Как видим, подобный ритуал совершался и в Калмыкии в конце XIX века.

В связи с датой введения этой традиции необходимо напомнить, что в 1898 году впервые Калмыцкую степь Астраханской губернии посетил посланник Далай-ламы XIII Тубдан Джамцо - Агван Доржиев, авторитет которого среди калмыцкого духовенства был велик. Так, еще во время посещения Тибета Бааза-бакши Менкеджуевым хамбо лама руководил действиями паломников и представил их Далай-ламе и Панчен-богдо. Когда А.Доржиев приехал в 1898 г. в Россию, он также в ожидании возвращения из Тибета Овше Норзунова, посланного для доклада Далай-ламе о предварительных переговорах с российским императором, посетил Калмыкию.

В целом начало XX века ознаменовалось активизацией контактов с буддийскими центрами – Тибетом, Монголией, Бурятией. Во многом новые тенденции в истории калмыцкого буддизма были связаны с личностью А. Доржиева, в первой трети прошлого столетия принимавшего участие во всех крупных событиях жизни калмыков-буддистов.

Заслугой Агвана Доржиева стало строительство и открытие высших философских школ. Благословление на открытие буддийских академий было даровано Далай-ламой XIII в 1905 году в Монголии во время приема представителей от астраханских калмыков. Впервые школу цанита открыл в своем хуруле Бааза-бакши Менкеджуев. Идея открытия цанит-Чёёря высказывалась и другими калмыцкими священнослужителями. Так, по словам самого Агвана Доржиева: «... лхарамба Геши, по имени Падма (Боован Бадма, будущий директор Чёёря – Э.Б.) или Тубденцултур, который своими благими деяниями принес пользу буддийскому учению, пришел ко мне и сказал, что появилась необходимость введения великих

посвящений Калачакры в Бага Чонуру, и тогда прибыл некий сартул Дашидондуп и основал факультет Калачакры» [16, с. 59]. В 1907-1908 гг. были отстроены и открыты академии цанита в Малодербетовском и Икицохуровском улусах Калмыкии.

Высшие конфессиональные школы были открыты с целью глубокого изучения как догматического, так и обрядового учения буддизма. Поэтому весь процесс обучения неразрывно был связан с ритуалами. Уставы буддийских академий соответствовали подобным документам в других религиозных центрах. Учебники были едиными для монголов, бурят и калмыков, изучавших философские тексты на тибетском языке.

Усвоение всего комплекса конфессиональных знаний не могло не включать и знакомство с ритуалами цама. Поэтому в высших буддийских академиях Калмыкии появилась традиция исполнения данной мистерии. По воспоминаниям стариков, проживавших неподалеку от Чёёряхурула, в летнее время там исполнялись обрядовые действия в специальных облачениях (в том числе изображавших «хохимоев», что оказывало особое воздействие на верующих) и масках. К сожалению, Икицохуровская Чёёря была закрыта в 1921 году. Малодербетовская высшая духовная академия просуществовала до 1935 года. С ее закрытием завершился определенный период в жизни калмыцких буддистов.

Таким образом, традиция цама в Калмыкии связана с общеойратскими традициями периода распространения буддизма среди западных монголов. Как известно, среди западных монголов учение распространял Зая-пандита Огторгуйн Далай, деятельность которого была направлена на объединение ойратов. Ритуалы, сведения о которых сохранились в источниках о джунгарских «калмыках», должны были бытовать и в среде волжских калмыков, которых по приглашению аристократии дважды посещал великий просветитель, поездки которого совершались в сопровождении его кочевого монастыря «Их хурэ».

После откочевки 1771 года и ликвидации Калмыцкого ханства политика в отношении буддийской церкви Калмыки определялась исходя из установки ограничения ее влияния, что не могло не отразиться на количестве монастырей, духовенства, и, как следствие – обрядовой стороне. Тем не менее, изменения в общеполити-

ческой обстановке в Российском государстве в конце XIX века, установление контактов с буддийскими религиозными центрами определили возврат к духовным ценностям, среди которых и традиция буддийской мистерии цама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакаева Д. А. К вопросу о цама как театральном представлении // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста, 1985. С. 98-106.
2. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи соотношением сего последнего к народу. СПб., 1883.
3. Владимирцов Б. Я. Тибетские театральные представления // Восток. 1923. № 3.
4. Гирченко В. Л. Цам-хурал // По родному краю. Верхнеудинск, 1922.
5. Позднеев А. М. Докладная записка Министру внутренних дел П. А. Столыпину с отчетом о командировке в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губернии и области войска Донского. СПб., 1910 // РОГПБ. Ф. 590. Ед. хр. 146. – 141 л.
6. Позднеев А. М. Дневник поездки к калмыкам. 1919 г. // АВ СПб Ф ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 61– 40 л.
7. Позднеев А. М. Материалы к лекциям // АВ СПб Ф ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 56– 40 л.
8. Кануков Х. Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Типография Калмиздата, 1928. – 36 с.
9. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-42. Оп. 1. Ед. хр. 3. Лл. 9-10.
10. Биография Зая-пандиты // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
11. Унковский И. Посольство к зюнгарскому контайше Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 гг. // ЗИРГО по отд. Этнографии. 1887. Т. 10. Вып. 2. – 276 с.
12. Известие об аюкских калмыках, сочиненное офицером Ю. Христом Шницером // СПб отделение архива РАН. Р. II. Оп. 1. № 92.
13. Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши. СПб., 1897 – 260 с.
14. Львовский Н. (Мефодий) Калмыцкие хурулы // Ставропольские епархиальные ведомости. 1894. № 23. С. 1050-1063; 1895. № 1. С. 22- 44.
15. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998. – 181 с. (серия «Наше наследие»).
16. «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИИ КАЛМЫКИИ

М.У. Монраев

В настоящей статье рассматриваются источники, содержащие ценные сведения по топонимии Калмыкии. Обозначены основные направления топонимических изысканий.

Ключевые слова: *ономастика, ойконим, гидроним, ороним, топоним, лексика, термин, антропоним.*

The sources, contain important information on the toponymy of Kalmykia. The main directions of toponymical researches are indicated.

Keywords: *onomastics, oikonim, gidronim, oronim, toponim, lexica, term, anthroponim.*

Онимы как часть лексической системы языка «являются продуктом исторического общественного развития и несут в себе черты национальной культуры, национального самосознания, в них раскрываются разные стороны его истории, отражается быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество, исторические контакты» [1]. Как нам представляется, настоящее высказывание известных ономастов свидетельствует о том, что одной из первостепенных задач является глубокое историко-лингвистическое осмысление ономастического материала, которое требует не только лингвистических знаний, но и данных других смежных дисциплин: истории, этнологии, географии.

Считается, что выбор имени собственного всегда социален и этничен, и, исходя из этого общеизвестного факта, в отношении калмыцкого ономастикона (совокупности топонимов и антропонимов) можно говорить о длительном процессе смешения и взаимодействия. Одним словом, многое зависит от глубины и продолжительности этнокультурных контактов, когда, скажем, заимствование онимов происходит по линии фонетической и морфологической адаптации. В этом смысле «имена собственные в силу своих лексических особенностей заимствуются чаще и легче, нежели имена нарицательные» [2].

Любое ономастическое исследование предполагает рассматривать ономастику как один из компонентов духовной культуры любого народа во всех ее проявлениях, используя различные методы (сравнительно-исторический, семантический, стилистический и др.) и подтверждая необходимую связь имени собственного с конкретными культурно-историческими факторами, характерными для каждого народа» [3].

Онимы (топонимы, антропонимы) возникли в исторически обусловленных условиях; их

появление, изменение и исчезновение связаны с развитием и изменением тех или иных явлений исторического процесса, они своевременно реагируют на изменившиеся общественно-политические условия, события. Оним иногда оказывается единственным свидетелем давно минувших событий.

В данной статье рассматриваются работы известных ученых, которые одними из первых заинтересовались калмыцкими географическими названиями. Благодаря их трудам и публикациям, мы сегодня можем говорить об ономастике Калмыкии. Одним из таких добротных источников являются материалы Кумо-Маньчской экспедиции, под руководством полковника Костенкова, в 60-х гг. XIX в. проводившей подробное научное и хозяйственное исследование Калмыцкой степи. В изданной им книге К.И. Костенков дает богатый топонимический материал (оронимы, гидронимы) [4]. В то время речь шла о заселении Калмыцкой степи, об охране и усилении южных границ России. К.И. Костенков как руководитель экспедиции, как военный царской армии тщательнейшим образом обследовал Кумо-Маньчскую низменность, Ергенинскую возвышенность, нанес на карту все населенные пункты (ойконимы), балки, разветвленную систему Состинских и Сарпинских озер, включая колодцы (худуки), урочища, пески. Отметил своеобразие естественно-природных особенностей Калмыцкой степи, описал ее флору и фауну, обозначил тракты: Астраханско-Кизлярский, Астраханско-Ставропольский, дороги: Крымскую, Чумацкую, каждая из которых получила достаточно объемную характеристику. Независимо от величины и размера географического объекта, все они имели калмыцкие (реже – славянские, тюркские) названия, которые активно использовались в последующих работах ученых-историков, ономастов, например, в исследова-

ниях И. В. Борисенко, У. Э. Эрдниева, статьях М. И. Гучинова.

Если систематизировать материал, собранный экспедицией К.И. Костенкова, то можно выделить в нем следующие основные пласты:

1) отгидронимические ойконимы, образованные от названий рек, озер. Например, можно выделить термины булг (в русской орфографии булук) «источник, родник», усн «вода», нур «озеро», гол «река»;

2) оторонимические ойконимы, в которых отражены физико-географические особенности местности: Хавтха толга («плоский курган», «бугор»), Эвдг («колени»), Бусрг («мелкие холмики, пупырышки»);

3) этноойконимы, образованные от родоплеменных названий, которые указывают на компактное проживание и пути миграции калмыцких этнических групп: Дербетовка (от дёрвд – «дэрбэты», одно из главных этнических подразделений калмыков), Тугтн (от туг «знамя»), Ахнуд (от ах «старший»), Эмгчуд (от эмгн «старуха»);

4) отантропонимические ойконимы, образованные от имен, фамилий, прозвищ людей. Они относятся к более поздним образованиям (в основном это названия худуков): Манжин худг «Колодец Манджи», Лижин худг «Колодец Лиджи» и др.

5) топонимы, образованные от количественных числительных: Долан «семь», Тавн гашун досл. «Пять горьких, соленых» [водоёма или колодца], Гурвн Толга «Три кургана» и т.д.

Не менее интересной представляется работа профессора Эрдниева У. Э. «Историческая судьба ойратов». Автор следующим образом обозначил свою задачу: «...дать толчок к организации работы по сбору материалов калмыцкой топонимии силами не только ученых, но и всех тех, кто интересуется прошлым территории нашей республики, в том числе студентов, учителей, учащихся учебных заведений, любителей-краеведов» [5]. На территории Калмыкии У. Э. Эрдниев выделяет топонимы индоевропейского происхождения, к примеру, гидронимы Дон – калм. Тен, Маныч – калм. Манц; тюркского: Саратов – тюрк. Сары Тау, калм. Шарту, Царицын – калм. Агш, Астрахань – тюрк. Айдархан; гидронимы Волга – тюрк. Идель, калм. Ижл, Кума – тюрк. Кум – песок, Ахтуба – калм. Ахтубин гол и другие. Публикация У. Э. Эрдниева – одна из первых работ на русском языке, в которой на широком историческом фоне рассматриваются основные топонимы Калмыкии, их происхождение. Как отмечает автор, «нами проанализированы наиболее

важные топонимы, особенно гидронимы» [5, с. 73]. Русские ойконимы «получили калмыцкие названия по урочищам, т. е. переселенцы ставили свои жилища около речек, балок, богатых источниками пресной воды, ... [их поселения] создавались в местах с благоприятными почвенными и климатическими условиями» [5, с. 74, 77], которые позже (в начале XIX в.) получили русские названия.

Калмыцкие историки Борисенко И. В. и Убушиева С. И. выпустили в 2000 г. книгу, посвященную исторической географии Калмыкии советского периода, насыщенную богатым ономастическим материалом [6]. В 70 – 80 гг. XX в. перед историками и этнографами Калмыцкого НИИЯЛИ была поставлена конкретная задача: на материале, извлеченном из различных источников, дать культурно-историческую характеристику городов и сел Калмыкии. Однако, работу, начатую учеными Н.Ш. Ташниновым, А.Г. Митириным, И.В. Борисенко, П.Д. Сангаджиевым и др., «по ряду необоснованных причин... свернули» [6, с. 17]. Между тем они много успели сделать. Часто печатались в научных сборниках НИИЯЛИ, на страницах республиканских газет, вызывая живой интерес у читателей, призывая их подключиться к разработке данной проблемы, помочь авторскому коллективу своими воспоминаниями и семейным архивом. Отрадно заметить, что в монографии И.В. Борисенко и С. И. Убушиевой перечислены публикации, которые непосредственно связаны с историей городов и хотонов республики. Это книги П. Э. Алексеевой «Станица Граббевская. Исторический очерк. XVIII век – декабрь 1943 г.» (Элиста, 1997), В.З. Церенова «Эркетени» (Элиста, 1997), С. С. Белоусова «Переселенческое село Приютное, 1850-1917» (М., 1996), Г. Ш. Дорджиевой и М. В. Дорджиева «Хотон Эндыр. Прошлое. Настоящее. Будущее» (Элиста, 1997), Н. Д. Илюмжинова «Предки, факты, время» (Элиста, 1997), Немичева И.С. «Элиста. Путеводитель-справочник» (Элиста, 1983) и др. Данная работа богата топонимическим материалом, особенно ценны сведения по переименованию ойконимов в годы советской власти. Так, например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1952 г. только в Астраханской области было переименовано 33 населенных пункта [6, с. 95].

Настольной книгой краеведов стала монография И.В. Борисенко «Времен минувших отражень» (Элиста, 1990). В ней дана характеристика многим географическим объектам Калмыкии. Опираясь в основном на архивные источники, автор возвращает нашу память к

давно минувшему времени, когда в Калмыцкой степи каждый топоним был четко обозначен во времени и пространстве. В ней красной нитью проводится мысль о том, что любое географическое название, независимо от величины, размера, имело большое значение в повседневной жизни номада-кочевника, который в бескрайней степи должен был ориентироваться не хуже, чем в собственной кибитке. И в этом ему помогали топонимы, своевременно предупреждая об опасности своими «говорящими» названиями. Например, Чонта «Волчий» (от чон «волк»), Хорта «Ядовитый» (от хорн «яд») и др.

Определенный интерес вызывает работа П.Д. Бакаева «Геноцид» (Элиста, 1992) - одно из редких изданий 90-х годов XX в. В ней впервые обнародованы факты, о которых умалчивалось многие годы. Оставляя в стороне вопросы о численности населения республики, депортации калмыков в Сибирь и судьбах отдельных людей, о которых достаточно подробно говорится в данной работе, хотелось бы отметить, что автор, опираясь на архивные и другие документы, в своей книге рассматривает и факты о переименовании калмыцких населенных пунктов. Об одном из них П.Д. Бакаев пишет: «Чтобы искоренить всякое упоминание о калмыках, последовали решения о переименовании населенных пунктов, колхозов, совхозов, предприятий, районов и т.д. ... По имеющимся неполным данным, - продолжает автор, - по Калмыцкой АССР было переименовано 132 населенных пункта, а по Ростовской области - 12» [7]. Им приводится и список переименованных населенных пунктов.

Можно отметить ряд диссертационных работ по топонимии Калмыкии. Так, в работе В.Н. Хонинова собран и систематизирован полевой и архивный материал по калмыцкой топонимике Астраханской области; выявлена и описана система топонимических номенклатурных терминов; нетрадиционно проведена лексико-семантическая классификация топонимов. Анализу подвергнуто более 300 названий.

В диссертации акцентируется внимание на образование нового монголоязычного этноса в Нижнем Поволжье, изоляцию и географическую удаленность калмыков от других монгольских народов. Все это повлияло не только на изменение уклада жизни калмыков, их обычаев и традиций, но и на давно сложившуюся традиционную топонимическую систему, ставшую обновленной географической номенклатурой, отражающей естественно-природные

особенности иной местности. Автор отмечает, что на территории Калмыкии, помимо исконно калмыцких названий, выделяются заимствованные топонимы из других языков. Обозначены этапы становления и формирования калмыцкой топонимии. При лексико-семантической характеристике географических названий автор выделяет два класса топонимов: 1) класс «Природа», к которому относятся топонимы, отражающие физико-географические свойства объектов и особенности окружающей его среды; 2) класс «Человек» - топонимы, связанные с жизнью и деятельностью людей, населявших эту территорию [8]. Отмеченные классы делятся на несколько подгрупп.

Достаточно подробно рассматривается структура калмыцких топонимов. Выделяются одно-, двух-, трех- и реже четырехкомпонентные названия, рассматриваются модели образования сложных топонимов. В работе затрагиваются вопросы орфографии, причем, как автор предлагает, «при написании и передаче калмыцких топонимов необходимо использовать буквенно-звуковой принцип, применяя правила орфографии русского языка» [8, с. 21].

В своем диссертационном исследовании В.Э. Очир-Гаряев отмечает, что географическая терминология является одним из древних слоев лексики, которая, по словам академика Л. С. Берга, «заслуживает самого внимательного к себе отношения». Изучение и описание географической номенклатуры осуществляется комплексным подходом на широком историческом фоне. Так, рассматривая колодцы (худуки) на территории Калмыкии, автор пишет: «засушливый климат, постоянный дефицит питьевой воды, а отсюда необходимость в многочисленных колодцах обусловили в языке калмыков развитую терминологию, характеризующую разные типы колодцев» [9]. Автором выделены такие географические термины, как гол «река», нур «озеро», худук «колодец», усн «вода», которые активно участвуют в топонимобразовании, и, как отмечает В.Э. Очир-Гаряев, «ареал распространения указанных выше терминов довольно обширен и выходит далеко за пределы монголоязычных этнических регионов» [9, с. 8]. Дается подробная характеристика терминам возвышенного рельефа, гидронимическим терминам со значением «вода-река», «море-океан-озеро» и др.

Слабо изучены микротопонимы городов и сел республики, представляющие определенную историко-культурную ценность для воссоздания целостной картины конкретного населенного пункта. К примеру, столица Ре-

спублики Калмыкия г. Элиста (с 1927г.) сравнительно молодая по своему происхождению (ранее называлась Новоивановка, Иллистово, как указывает И.В. Борисенко). Ей всего – 140 лет. Поэтому история названия улиц города в общих чертах известна. Первые улицы: Низянка (совр. ул. Ленина), Горянка (С. Радонежского) даны русскими переселенцами по естественно-природным особенностям местности. В настоящее время в Элисте более 420 улиц, переулков, проездов. По названиям улиц можно судить об истории их возникновения, сохранившей дух давно минувшей эпохи. Город Элиста стал отстраиваться в годы советской власти, которая принесла с собой идеологически наполненные названия, непосредственно связанные с именами тех людей, кто осуществил Октябрьскую революцию 1917 г. и претворял ее идеи на практике. Известно, что у калмыков антропонимы не использовались в качестве географических названий (оронимов, гидронимов, ойконимов). Они появились только в период феодализма, т.е. зарождения частной собственности на землю, образования классов (сословий), при котором наследственная власть передавалась от поколения к поколению. В годы советской власти в Элисте появились ул. Ленина, Советская, Комсомольская, Революционная, Р.Люксембург, Куйбышева и др. Со сменой общественно-политической формации эти улицы и им подобные были переименованы. Из прежнего набора сохранилась лишь ул. Ленина – самая большая, которая пересекает город с запада на восток в широтном направлении. С именем пролетарского вождя у калмыков связаны представления о происхождении В.И. Ленина и калмыцких корных семьи Ульяновых (см. М. Шагинян «Семья Ульяновых»), чем объясняют его историческое воззвание «Братья калмыки!». Поэтому сохранен в Элисте памятник В.И. Ленину. Есть в нашей столице и проспект Н.С. Хрущева, с именем которого связана ре-

билитация калмыцкого народа в 1957 г.

Известно, что любое переименование ведет не только к потере информации, но и к большим финансовым затратам, особенно в крупных городах. В Элисте за последние годы переименовано около 20 улиц, но появились также и новые названия: Лаганская, Кетченеровская, Хошеутовская, Бага-Бурульская, Зюнга и др., которые свидетельствуют о миграции сельского населения в Элисту.

Таким образом, в данной статье перечислены источники, обозначены основные направления топонимических исследований. В целом топонимика Калмыкии относится к слабо изученной области лингвистики и других смежных дисциплин. Нашими предшественниками собран ценный и добротный топонимический материал, который должен быть использован и осмыслен в научных изысканиях как особая часть лексики вторичного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1978. С. 3.
2. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. С. 132.
3. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1950, Т. 18. С. 399, 410.
4. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. Сост. К. Костенковым. СПб., 1868.
5. Эрдниев У.Э. Историческая судьба ойратов. Элиста, 1993. С. 59.
6. Борисенко И.В., Убушиева С.И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 г. – начало 90-х гг. XX в. Элиста, 2000.
7. Бакаев П.Д. Геноцид. Элиста, 1992. С. 18-19.
8. Хонинов В.Н. Калмыцкие топонимы Астраханской области. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. М., 2005. С. 11.
9. Очир-Гаряев В.Э. Географические термины в наречиях монгольских языков. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. Элиста, 1983. С. 6.

ОБ ОДНОЙ КАЛМЫЦКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Б.В. Меняев

В данной работе проанализирован текст калмыцкой печати конца XVIII-начала XIX в. Рассматривается этимология термина «бодокчей».

Ключевые слова: *печать, бодокчей, суд Зарго, Калмыцкое ханство.*

In the given work investigated the text of the Kalmyk press of the end of XVIII-the beg. XIX century. Also the etymology of the term «bodokchey» is considered.

Keywords: *The press, bodokchey, court Zargo, Kalmyk khanate.*

Калмыки поддерживали экономические связи со многими народами Поволжья, прежде всего с русскими. Посредниками у них в таких делах были специальные люди, наделенные полномочиями судей и приставов – бодокчей. Этимологию этого термина обычно связывают с калмыцким словом «боох» - связывать, завязывать. Но существуют и другие мнения. Так, в калмыцко-русском словаре, составленном известным монголоведом А.М. Позднеевым, данный термин имеет форму «боодогчи» и ему дано следующее толкование: «боодогчи» – урядник, распорядитель по делам хозяйственного и полицейского управления в каком-либо незначительном пункте [1, с. 129]. Иная форма этого же термина встречается в письмах калмыцких ханов: «бодоогчи» (с долгой гласной *ō* во втором слоге слова). По мнению профессора Д.А. Сусеевой, предпринявшей специальное исследование языка писем Аюки-хана, боодогчи – «представитель калмыцкого хана в городе для решения калмыцких вопросов»; «судья» [2, с. 331]. Таким образом, первоисточники (письма ханов) прямо указывают, что в функции бодокчеев входило решение спорных дел между калмыками и русскими в тех населенных пунктах, где не действовал суд Зарго. В целях регулирования постоянно расширяющихся взаимоотношений калмыков с соседним населением, для наблюдения и исполнения судебных решений по тяжёлым делам между калмыками и русским населением появилась необходимость введения новой должности, исполнители которой способствовали бы разрешению вышеуказанных дел. Так с конца XVII века появилась у калмыков должность бодокчеев, у русских – приставов в городах, крупных селах, располагавшихся в их близи калмыцких базарах.

В архиве автора имеется фотография печати, на обеих сторонах которой имеются надписи на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» (ясное письмо). Печать выполнена из бронзы. На одной стороне ее имеется надпись, гласящая: «Bodogči Manji Kürüşib», т.е. «Бодогчи Манджи Кюрюшев». Обратная надпись имеет следующее содержание: «zargučı Manji Kürüşüb». Владелец этой печати, некий Манджи Кюрюшев, совмещал две должности, характерные для калмыцкого общества того времени: был одновременно судьей и бодокчеем. Предположительно печать относится к началу XIX либо к концу XVIII вв. Должность бодокчечя в Калмыцкой степи Астраханской губернии была упразднена в 1892 году после выхода «Закона об отмене обязательных отношений калмыков-простолоудинов от владельцев». Согласно этому закону были трансформированы традиционные общественные отношения, являвшиеся характерными на протяжении нескольких столетий для калмыцкого общества. Печать, изображение которой мы приводим, является свидетельством бытования института бодокчеев, появившегося в исторических условиях контакта кочевой и оседлой культур в Российском государстве.

Автор благодарит коллекционера Л.В. Цобдаева за предоставленные фотографии, а также выражает признательность заведующему сектором этнологии КИГИ РАН, кандидату исторических наук Батырову В.В. за консультации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калмыцко-русский словарь. Сост. А.М. Позднеев. СПб., 1911.
2. Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников. Элиста, 2003.

ББК 85.103.(2) 1.Б28(Б288)

МУЗЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

С.Г. Батырева

Предметом исследования является музей традиционной культуры. Автором рассматриваются роль и значимость музея в изучении и трансляции культурного наследия, определяются задачи этнологического музееведения в системе образования. Исследование выявляет научно-образовательное поле функционирования музея калмыцкой традиционной культуры.

Ключевые слова: музей, традиционная культура, этнос, этнологическое музееведение и культурное наследие, проблема изучения и трансляции, наука и образование

The subject matter of this article is a museum of traditional culture. The author examines the role and the significance of the Museum of the Kalmyk traditional culture in the study and the translation of cultural heritage, determines the tasks of ethnological museology in the educational system. She discloses the research and educational field of its functioning.

Keywords: museum, traditional culture, ethnos, ethnological museology, cultural heritage, the problem of study and translation, science and education.

В процессе демократизации современного общества музею отводится особая роль в организации и координации деятельности по сохранению научного знания о культуре народа. И в частности, сохранения и трансляции исторической памяти, во многом обосновывающей функциональную суть музееведения, специфической отрасли науки в системе прикладной культурологии. Естественно представлять музей разновидностью системы, целенаправленно передающей информацию, концентрируемую в научном знании, системы со своей морфологией, функциями и динамикой, обусловленной духовностью общества. Государственной политикой сформирован статус научно-исследовательского и культурно-просветительного музейного учреждения в системе Российской академии наук, который рассматривается «как один из главных факторов устойчивости функционирования Академии в целом» [1].

Современное бытие этноса в ускоряющемся темпе глобализации предполагает актуализацию музея, хранилища и транслятора традиционного наследия. Особое внимание уделяется его функции культурной идентификации на общественном и личностном, этническом уровнях. Осмысление культурного наследия направлено на научное знание, собираемое в исследовательской, сохраняемое в учетно-фондовой и транслируемое в просветительной и учебно-образовательной деятельности музея.

Самопознание общества на уровне этническом происходит в русле аксиологической функции музея, ориентирующей личность и

общество в мире ценностей. Здесь сконцентрированы этнические представления об идеалах, нормах и традициях культуры народа. Важно отметить, в оценочном отношении к традиционной культуре музей способен воздействовать на сознание и мышление личности, формируя мировоззрение. В этом процессе неразрывно взаимосвязаны эстетическая, этическая и когнитивная функции музея. В пространстве традиционной модели мира, сформированной музейными средствами концептосферы, осуществляется трансляция культурного наследия, активизирующая этническое самосознание личности.

Таким образом, в музейной деятельности органично соединяются прошлое, настоящее и будущее общества. В синтезе научно-исследовательской, учетно-хранительской, информационной, коммуникативной, транслирующей, организационно-досуговой, социализирующей в культурной идентификации личности и других функций воспринимается музей как сложное в структуре и глубоко значимое социокультурное явление [2].

В функциональном поле музея Запандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук создана постоянная экспозиция как историческая реконструкция калмыцкой традиционной культуры в контексте этногенеза [3], в интеграции методов теоретического и прикладного музееведения при поддержке Российского гуманитарного научного фонда [грант РГНФ-2002, проект № 02-01-100046]. Монографическое исследование автора «Музей традиционной культуры в системе науки и образования» посвя-

щено обобщению опыта реализации научной концепции и результатов научно-практической деятельности Музея КИГИ РАН [4]. Это дает возможность дальнейшего перспективного планирования музейной деятельности в представляемой концептосфере традиционного наследия.

Важно отметить, музей выступает своеобразной экспериментальной лабораторией, реконструирующей традиционную калмыцкую культуру, ее этнический код, рассматриваемый самобытным евразийским феноменом. В этом свете особую значимость приобретают научно-исследовательские подходы в изучении этноса, и, прежде всего, этногенеза, обусловленного его исторической судьбой. В совокупности столетий (XVI-XX) представлен этнокультурогенез народа в экспозиции монголо-ойратского и собственно калмыцкого периодов развития. Экспозиция постоянно дополняется новыми разделами. В целенаправленном комплектовании фондов появились материалы, рассказывающие о калмыках Синьцзяна, США и Европы, об ойратах Западной Монголии, органично вписываемые в структуру музейной экспозиции. Ее расширение запрограммировано богатейшей историей народа. В перспективе собирательской деятельности возможно появление раздела, воссоздающего прииртышский – переходный период XVI-XVII вв., важный в осмыслении формирования новой этнической общности «калмыки» в евразийском пространстве.

Направлением музееведческих исследований выделяем этническую специфику культуры, обусловленную адаптацией этноса в исторически меняющемся этнокультурном ландшафте. Актуальная в этнологическом музееведении проблема культурной идентификации, разрабатываемая отечественной наукой [5], непосредственно отвечает интересам исследования традиционной культуры [6] и современных этнических процессов в России [7]. Факт создания музея КИГИ в системе РАН в целом обусловлен возросшим этническим самосознанием общества, его духовными потребностями в самопознании.

Этнологическое музееведение в сфере культурологического знания сегодня актуально. Обращение общества к традиционной культуре служит мощным фактором в стабилизации современной общественной ситуации России и ее позитивном развитии. В экспозиции, тематически обозначенной «Традиционная культура в историческом контексте этногенеза», воссоздана этническая модель мироздания, структури-

рованная музейными средствами в ценностных доминантах культуры и транслируемая широкому контингенту посетителей музея.

В русле музееведения правомочно проводить исследование менталитета этноса, как совокупности установок, сопряженных с этнической традицией и самосознанием, сформированными в процессе этногенеза. В экспозиционной модели, представляющей хозяйственный уклад родового общества номадов, синтезирована символика традиционной культуры в жилом пространстве калмыцкой кибитки «ишкя гер». В экспозиции образно спроецирована динамика трансформации этнического мировосприятия, фиксируемая переходом центрального родового круга во внешний прямоугольный слой информации, формирующий пространственный облик культуры в окружающем мире [8]. Культура обусловлена взаимодействием исторических, политических, хозяйственных, демографических, антропологических, лингвистических и других факторов, вкуче образующих естественно-гуманитарное направление музееведческих исследований.

Хронологическая канва внешнего историко-документального ряда экспозиции сопряжена с календарным циклом бытия этнической культуры. Перспектива дальнейшего развития музейной экспозиции естественно запрограммирована спиралеобразным движением времени в пространстве, образующим хронотоп традиционной культуры. Исторической проекцией ее развития рассматриваем путь от круга кочевой кибитки к прямоугольнику стационарного буддийского храма, представляющий в динамике развития духовно-материальный космос народа.

Историко-типологический, историко-генетический и структурно-функциональный методы изучения культуры интегрируются в музейном поле, функционирующем как научно-исследовательский культурологический центр. В таком качестве музей, начинавшийся в 1999 году с мемориального кабинета Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований, был создан и зарегистрирован в системе академических музеев в 2001 году по представлению Исторического отделения Российской академии наук.

Рассматривая перспективы развития научного музея КИГИ РАН, отметим качественную значимость музейного собрания в исследовательской и собственно экспозиционной деятельности. Важен состав фондов музея, включающий предметы традиционного быта и буддийского культа, документальный матери-

ал, фотофонд, произведения изобразительного искусства и другое.

Особую сферу музейного собрания представляют произведения искусства. Это художественно исполненные предметы кочевого быта, иконописные и пластические образы буддизма, произведения современных авторов, представляющие тот или иной период истории народа. Экспозиция содержит и выражает в зависимости от того, как это преподнесено, многопрофильную и во многом уникальную информацию, определяющую суть музейного дела. В междисциплинарном поле его функционирования должно последовательно и целенаправленно комплектоваться музейное собрание КИГИ РАН, ориентированное в первую очередь на сбор материалов традиционного культурного наследия.

В его трансляции особое внимание уделяется коммуникативной деятельности музея в применении компьютерных технологий. В процессе создания виртуальной модели экспозиции в системе Интернет разработан веб-сайт Музея имени Зая-пандиты КИГИ РАН. План-схема экспозиции в последовательности экскурсионного маршрута образуют информационный модуль в художественно-образном содержании музея.

В поле компьютерных технологий планируется создание электронного каталога музейного собрания. Оно начинается с первичной инвентарной обработки материала новых поступлений, пополняющих фонд музея. Базой данных каталога служит информация, собираемая в картотеке научного описания экспонатов. Систематизация информации в процессе создания электронного каталога закономерно включает в себя основополагающую учетно-хранительскую и научно-фондовую работу музея. В исследовательских целях важно технологически ее совершенствовать, сокращая время на первичную обработку экспонатов.

Каталогизация выставки, постоянной экспозиции или музейного собрания в целом решает проблему сохранности музейного фонда, таким образом доступную заинтересованным «посетителям» музея – исследователям. В перспективе развития компьютерных технологий музея предполагается научно-издательская деятельность музея, в планировании и реализации которой необходимо учитывать поэтапный характер каталогизации музейного собрания, связанный с изучением той или иной коллекции, его составляющей. Конечным результатом большой исследовательской работы должно стать создание сводного каталога музейного

собрания, доступного как исследователям, так и другим категориям посетителей музея традиционной культуры в иллюстрированном объеме.

Компьютерные подходы в музейном деле могут иметь конкретное выражение в решении проблемы комплексного исследования калмыцкой традиционной культуры в области истории, языкознания, фольклора, этнологии и искусствоведения. Информационная база объединяет сложную многопрофильную деятельность учреждения, призванного содействовать этнокультурному просвещению масс. В сфере научных изысканий монголоведения видится перспектива развития постоянной экспозиции Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН. Экспозиция музейными средствами наглядно представляет то, что сделано и предстоит сделать, реконструируя в полном объеме модель развивающейся калмыцкой культуры. В исторической хронологии бытия этноса в составе Российского государства, важно уделять внимание не только прошлому, но и настоящему, в недрах которого зреет будущее.

В музейной деятельности своеобразно соединяются культура, наука и просвещение. В органичном синтезе этих сфер деятельности заключается специфика музейного дела. Оно сегодня приобретает значение нового социального проекта, предполагающего широкую сферу междисциплинарного сотрудничества в научной реконструкции и трансляции культурного наследия. Функционирующую экспозицию Музея КИГИ РАН естественно рассматривать реализованной концептосферой калмыцкой традиционной культуры с перспективами ее дальнейшего развития в системе науки и образования республики Калмыкия [9].

Взаимообусловлена деятельность музея, базируемая на научных исследованиях традиционной культуры. Основополагающим направлением перспективного его развития видим этнологическое музееведение, синтезирующее изучение наследия в системе прикладной культурологии. Это синтез форм музейного дела: фондовая учетно-хранительская, основывающаяся на кропотливых поисках и сборе музейного материала в экспедиционной деятельности; экспозиционная, предполагающая дополнение и разработку ее новых, и в частности, временных экспозиций – выставок в расширяющемся музейном пространстве. В основе культурно-просветительной рассматривается коммуникативная деятельность музея, включающая организационно-досуговую с массовым посетителем и учебно-образовательную

в трансляции системного знания о культурном наследии народа. Вкупе это определяет содержание и формы функционирования концептосферы Музея традиционной культуры Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук сегодня и на ближайшее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская академия наук [Электронный ресурс] / Постановления Президиума РАН. Постановление Президиума Российской академии наук № 209 от 23 октября 2007 г. и № 316 от 29 апреля 2008 г. // Режим доступа: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx>.

2. Акулич Е.М. Музей как социокультурное явление // Социологические исследования. Социс. 2004. № 10. С. 89-92.

3. Батырева С.Г. Концепция Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты // Вестник КИГИ РАН. 2001. № 16. С. 249-256.

4. Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в научной интеграции образовательного поля Республики Калмыкия // Кочевая цивилизация Великой Степи: современный контекст и исторические

перспективы. Материалы международной научной конференции и международного научного форума (7-11 сентября 2001 г.). Элиста, 2002. С. 56-59.

5. Дмитриев В.А. Национальное самосознание и музейная этнология // Изучение национального самосознания в этнографическом музее. СПб., 1993. С. 3-17.

6. Батырева С.Г. Этнологическое музееведение и образование. Из опыта работы Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты // VI конгресс этнографов и антропологов. Санкт-Петербург, 28 июня-2 июля 2005 г. Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 400.

7. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Концепция и перспективы национального музея // Искусство и этнос. М., 2004. С. 98-103; Традиции и новаторство в проектировании современных музейных экспозиций. М., 1999. С. 49-54.

8. Батырева С.Г. Из опыта создания Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН // Альманах-2002. Музеи Российской Академии наук. М., 2004. С. 165-172.

9. Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста, 2007. 184 с. (ил.).

**МАТЕРИАЛЫ УЧЕНОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОГО
110-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Ц.-Д. НОМИНХАНОВА**

ББК 72.3

**ЦЕРЕН-ДОРДЖИ НОМИНХАНОВ (1898-1967 гг.) –
ПЕРВЫЙ ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК КАЛМЫКИИ**

Н.Г. Очирова

Статья посвящена жизненному пути и научному наследию одного из патриархов науки Калмыкии Ц.-Д. Номинханова.

Ключевые слова: монголоведение, тюркология, этнография, история калмыцкой письменности, научный путь.

The article covers the course of the working life and the scientific heritage of Ts.-D. Nominkhanov, one of the patriarchs of science in Kalmykia.

Keywords: study of Mongolian and Turkic languages, ethnography, the history of the Kalmyk writing, the course of a scholar's working life.

Первый доктор филологических наук Калмыкии, один из участников Монгольской народной революции, организатор науки Церен-Дорджи Номинханов родился 8 сентября 1898 г. в имении конезаводчика И.И. Попова станицы Граббевской Сальского округа Области Войска Донского. Ученый-востоковед, он являлся одним из создателей грамматики калмыцкого языка, автором «Истории калмыцкой письменности», ряда лексикографических и терминологических работ, исследователем древнетюркских памятников и ряда тюркских и монгольских языков, а также культуры ойратских народов. Уже одно это перечисление говорит о глубоких научных интересах, высокой эрудированности и образованности, широте научного кругозора ученого. В исследованиях Ц.-Д. Номинханова охвачены практически все области гуманитарного направления: история, этнография, лингвистика, литературоведение, фольклористика. Многие работы представляют собой исследования в области монголоведения, тюркологии и центрально-азиатского ареала в целом, являясь примерами пограничных исследований, что является актуальным и в современной науке.

Путь ученого был начат весьма успешно. Проведший детские годы в имении конезаводчика И.И. Попова, собирателя калмыцкого фольклора (именно его запись песни «Джангара» была издана в 1940 г. В.Закруткиным), Церен-Дорджи (носивший имя Буур (Борис) Юнзуков) уже тогда интересовался богатым миром устного народного творчества калмыков. Способный юноша благодаря поддержке

князя Тундутова до революции получил образование: с 1909 г. обучался в Пандинском приходском училище, с 1912 г. учился на народного учителя в станице Великокняжеской Области Войска Донского [1].

Ц.-Д. Номинханов принимал активное участие в гражданской войне и Монгольской народной революции [2]. Был одним из создателей Комитета науки, ныне Академии наук Монголии. Именно в монгольский период Буур (Борис) Учурович Юнзуков получил имя Церен-Дорджи Номинханов. Вернувшись из Монголии, в 1923 г. он начал обучение в Ленинградском Восточном институте, после окончания которого работал в 1930-1931 гг. в педагогическом техникуме в г. Астрахани. В 1931 г. Ц.-Д. Номинханов поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института языковедения по специальности «лингвист», а в 1932 г. был переведен в аспирантуру московского Института востоковедения на монгольское отделение, где одновременно во время обучения занимался преподавательской деятельностью. После окончания аспирантуры в 1935 г. Ц.-Д. Номинханов работал преподавателем монгольского языка в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (Москва), Московском институте востоковедения, затем в Средне-Азиатском государственном университете в Ташкенте, где занимался научной работой, составлением учебников монгольского языка для студентов университета. С 1940 г. работал ученым секретарем в Узбекском филиале АН СССР (УзфАН). В апреле 1943 г. защитил диссертацию на соискание ученой сте-

пени кандидата филологических наук по теме «Монгольские административно-политические и военные термины XIII-XV вв., сохранившиеся в узбекском языке».

В мае 1943 г. из Узбекского филиала АН Центральный комитет ВКП (б) командировал ученого в г. Элисту в распоряжение Калмыцкого обкома ВКП(б), который назначил Ц.-Д. Номинханова ученым секретарем созданного в 1941 г. Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Однако уже в декабре 1943 г. вместе со всем калмыцким народом Ц.-Д. Номинханов был сослан в Красноярский край.

В депортации с января 1943 г. Ц.-Д. Номинханов работал учителем в неполной средней школе № 13 в совхозе «Ужур» Красноярского края. В связи с открытием Хакасского НИИЯЛИ отдел культуры и пропаганды Хакасского обкома ВКП (б) пригласил Ц.-Д. Номинханова на работу ученым секретарем в институт, официальное открытие которого состоялось 1 октября 1944 г.

В период с 1944 по 1949 гг. исследователь работал в Хакасском НИИЯЛИ на разных должностях, от ученого секретаря до зав. сектором хакасского языка, одновременно вел преподавательскую деятельность в Абаканском пединституте. Ц.-Д. Номинханов продолжал заниматься изучением вопросов тюрко-монгольских языковых параллелей, составлением словарей, активно вел полевую экспедиционную работу по сбору образцов устного народного творчества. По сообщению директора Хакасского научно-исследовательского института В. Тугужековой, в рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ хранятся его неизданные рукописные работы, которые ждут своих исследователей. Это рукописи словарей, подготовленные в соавторстве с Д.Ф. Патачаковой: «Хакасско-русский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (ч. 1)». Им также подготовлены такие работы, как «Фонетика хакасского языка», «Хакасская топонимика как источник по истории хакасского народа», «Лексика бельтырского диалекта хакасского языка» и др.

С 1949 г. ученый преподавал древнетюркский язык в Казахском государственном университете. В 1956-1960 гг. работал в Институте языкознания АН Казахской ССР.

После восстановления Калмыцкой АССР с 1960 по 1967 гг. работал в секторе языкознания Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Один из ветеранов Коммунистической партии (с

1921 г.), Ц.-Д.Номинханов избирался депутатом Верховного Совета КАССР, председателем Верховного Совета республики.

В 1966 г. ученый защитил докторскую диссертацию по теме «Исследования по тюркским и монгольским языкам».

Среди научных приоритетов Церен-Дорджи Номинханова особое место занимает проблема этногенетического родства народов алтайской языковой семьи: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских. Помимо чисто научных интересов, которые питали ученого, судьба распорядилась так, что многие языки тюркской и монгольской групп были им освоены в живой практической разговорной речи: еще в начале 1920-х гг. Церен-Дорджи Номинханов участвовал в разгроме армии барона Унгерна в Монголии, являлся военным комендантом г. Урга, где работал с монгольскими и бурятскими собратьями. В 1924-1926 гг. и 1928-1929 гг. он побывал в длительных научных командировках в Монголию, где одновременно работал в Научном комитете МНР (в одной из экспедиций ученый работал с академиком Б.Я.Владимирцовым, собрал обширный фольклорный материал). Работая после окончания аспирантуры Института востоковедения в Среднеазиатском университете (г. Ташкент), Ц.-Д.Номинханов изучил узбекский язык. Исследовательская работа в Хакасском НИИ истории, языка, литературы способствовала блестящему освоению им языка хакасов: ученый являлся автором ряда учебников и словарей хакасского языка.

Будучи преподавателем Казахского государственного университета, сотрудником Института языкознания Академии наук Казахстана, он совершенствовал владение казахским языком. Следует отметить, что Ц.-Д. Номинханов официально владел русским, английским, немецким, монгольским, калмыцким, тибетским, казахским, узбекским, хакасским языками, разговаривал на бурятском языке. Он также знал древнетюркский, старокалмыцкий и старомонгольский письменные языки.

Активное владение разговорными языками тюркской и монгольской групп наряду с изучением письменных языков (так, в Казахском государственном университете Ц.-Д. Номинханов вел курс «Язык древнетюркских памятников») позволило ему широко исследовать проблемы сравнительного изучения письменного и разговорного языка, а также языка письменных памятников и деловой переписки калмыцких ханов.

подавляющее большинство трудов Ц.-Д. Номинханова посвящены фонетике тюркских и

монгольских языков. На основе многочисленного материала по тюрко-монгольским языкам ученый глубоко исследует фонетические изменения в языках и убедительно раскрывает фонетические закономерности этих изменений. Такое исследование приводит автора к выводу о существовании закономерностей, по которым развивались тюркские и монгольские языки.

Материалы сравнительно-типологического изучения языков тюркской и монгольской групп алтайской языковой семьи получили логическое завершение в фундаментальной монографии ученого «Материалы к изучению истории калмыцкого языка» [3], где автор рассматривает арабские, персидские, тибетские, санскритские, китайские и русские заимствования, исследует именные соответствия различных уровней происхождения, изучает этимологические корни некоторых калмыцких и тюркских слов и закономерностей, дает обширный словарь именных соответствий в монгольских и тюркских языках по разделам: антропология, материальная и духовная культура, номадическое хозяйство, природа, пространство и время.

Логическим продолжением данной работы явилась другая крупная монография Ц.-Д. Номинханова «Очерк истории калмыцкой письменности» [4], также изданная посмертно при активной работе ученых КИГИ РАН Н.Н. Убушаева и М.У. Монраева. В данной работе автор исследует исторические изменения в старокалмыцкой письменности «тодо бичиг», письменности на основе русского алфавита (1924-1930 гг.) и на основе латинского алфавита (1930-1934 гг.). Материалы монографии освещают все важнейшие решения по реформам орфографии и письменности калмыков в советское время, что представляет большую ценность в свете актуальных проблем орфографии и орфоэпии калмыцкого языка, постоянно дискутируемых в последние годы. Как известно, в целях совершенствования орфографии калмыцкого языка были изданы указы Президента Республики Калмыкия «О мерах по дальнейшему возрождению и развитию калмыцкого языка» от 7 мая 1998 г. и «О мерах поэтапного введения реформированной орфографии калмыцкого языка» от 5 ноября 1998 г. Вместе с тем, проблемы орфографии калмыцкого языка остаются до сих пор актуальными.

Работы Ц.-Д. Номинханова по этногенетическим связям языков логически были продолжены в исследованиях по этнологии. Глубина и широта научных изысканий в этой области позволили ученому осветить вопросы этно-

графии как собственно калмыков, так и западных и восточных монголов Монголии, ойратов Синыцзяна, узбеков, хакасов и казахов. Ученый изучал этнический состав и этногенез донских калмыков (его исследования в этой области представляют несомненный интерес и сейчас). Как лингвиста и этнолога Ц.-Д. Номинханова чрезвычайно волновали проблемы этимологии и этнических терминов, которые до сих пор активно обсуждаются в монголоведении. Так, в любом обзоре научных точек зрения по проблеме происхождения этнонима «калмык» присутствует анализ обстоятельной статьи ученого на эту тему.

Богатый этнографический материал во многом основывался на многочисленных записях, собранных во время полевых экспедиций, значение которых исследователь осознал еще студентом, будучи учеником выдающихся ученых-востоковедов. Многогранность таланта и глубокое знание языков позволили ему успешно исследовать также устное народное творчество, собиранию образцов которого он посвятил немало лет. Записи полевых экспедиций ученого хранятся в Академии наук Монголии, в Архиве востоковедов РАН, Научном архиве КИГИ РАН. Целенаправленное собирание Ц.-Д. Номинхановым произведений фольклора в различных районах компактного проживания калмыков и ойратов, по собственному замечанию автора, было необходимой основой для сравнительно-типологического изучения устного народного творчества этнических групп ойратов.

Ц.-Д. Номинханов являлся одним из первых калмыков-организаторов науки, стоял у истоков становления академической науки в Республике Калмыкия, многое сделал для подготовки научных кадров, укрепления научно-технической базы Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, внес неопределимый вклад в становление и развитие отечественного востоковедения. Защита ученым первой докторской диссертации по филологии в 1966 г. положила начало формированию в республике целой плеяды лингвистов-докторов наук.

До сих пор многие крупные исследователи не только в Калмыкии, но и в Казахстане, Хакасии и других научных центрах по праву считают себя учениками Ц.-Д. Номинханова, продолжателями его дела.

Творческое наследие Церен-Дорджи Номинханова еще долго будет служить науке, стимулировать развитие исследовательской мысли, являться примером изучения сложнейших проблем культуры и языка народов Евразии.

В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН чтят память о своем коллеге, видном ученом, авторе многих научных работ, подготовившем многочисленные кадры высокой квалификации. Как говорил народный поэт Калмыкии А. Сусеев в 1988 г. на торжественном заседании Ученого Совета КИГИ РАН, посвященном 90-летию юбилею Церен-Дорджи Номинханова: «Быть первым доктором наук в истории своего народа – почетно, памятно. И ценно это докторское звание, если присвоено по достоинству за многогранную деятельность ученого, знающего глубоко комплекс исследуемых дисциплин, человеку с богатыми душевными ресурсами, когда есть чем поделиться с людьми, чем и как помочь молодым ученым. Церен-Дорджи Номинханова многие современники помнят как крупного ученого, гражданина, подлинного интернационалиста. Один из глубоких знатоков истории, фольклора, языка и письменности калмыцкого народа, исследователь русского, калмыцкого, монгольского и

тюркских языков оставил после себя большое научное наследие. Дело чести наших языковедов – собрать, изучать его труды и издавать».

К юбилею видного ученого в КИГИ РАН опубликован «Библиографический указатель» трудов Ц.-Д. Номинханова [5]. Совместными усилиями Института языка и литературы АН Монголии и КИГИ РАН готовятся к изданию в Улан-Баторе его ранее не издававшиеся работы по этнографии и фольклористике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Номинханов Церен-Дорджи // Ученые КИГИ РАН. Элиста, 2001. С. 250-252.
2. С интернациональной миссией: воспоминания участников Монгольской народной революции / Сост. Ю.О. Оглаев. Элиста, 1970.
3. Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
4. Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности. М., 1976.
5. Церен-Дорджи Номинханов. Библиографический указатель. Элиста, 2008.

ЦЕРЕН-ДОРЖИ НОМИНХАНОВ И ХАКАСИЯ

В.Н. Тугужекова

В статье освещаются неизвестные страницы научной и научно-организационной деятельности известного ученого-востоковеда Ц.-Д. Номинханова.

Ключевые слова: *тюркология, монголоведение, филология, научно-организационная деятельность, депортация, деятельность в ссылке.*

The present article proposes an elucidation of some unknown chapters of the distinguished scholar and orientalist Ts.-D. Nominkhanov's research and organizational work.

Keywords: *study in Turkic and Mongolian philology, research and organizational work, exile, work in exile.*

Первым ученым секретарем Хакасского научно-исследовательского института, созданного распоряжением СНК РСФСР № 1786-р от 31 июля 1944 года, был Церен-Доржи Номинханов [1].

В рукописном фонде института находится личное дело Ц.-Д. Номинханова [2], в котором имеются документы, свидетельствующие о его жизни и научной деятельности в Калмыкии и Узбекистане.

Родился Церен-Доржи Номинханов 8 сентября 1898 года в имении конезаводчика И.И. Попова Сальского округа Области Войска Донского (сейчас Ростовская область). Его отец работал по найму у конезаводчиков И.И. Попова, И.Я. Королькова. В 1905 г. семья перекочевала на хутор Пандя Граббевской станицы, и на новом месте отец работал по найму у конезаводчика Э.А. Тепкина. Отец в 1906 г. умер, а мать - в 1917 г. В 1909 г. Церен-Доржи поступил в Пандинское приходское училище. В свободное от учебы время по воспоминаниям Ц.-Д. Номинханова, он работал по найму у богатых калмыков. Затем после окончания приходского училища в 1912 г. учился на народного учителя в станице Великокняжеской [2, с. 15, 17].

В 1918 г., когда хутор Пандя, где проживал Номинханов, был занят белогвардейскими войсками, его зачислили в нестроевую команду 3-го Калмыцкого полка переписчиком полковой канцелярии, а потом перевели в конюхи хозяйственной части полка. В марте 1920 г. Ц.-Д. Номинханов вступил в ряды Красной Армии, а в начале 1921 г. в качестве инструктора его направили в Монгольскую народно-революционную армию. До середины 1923 г. Номинханов являлся начальником штаба 1-й Монгольской кавалерийской бригады Монгольской народно-революционной армии. Согласно его личному делу, в Монго-

лии он был трижды: 1921 – 1923 гг. (Монгольская народно-революционная армия); 1924 – 1926 гг. (Научный комитет); 1928 – 1929 гг. (переводческая практика) [2, с. 15]. С 1923 по 1930 гг. обучался в Ленинградском Восточном институте на отделении монголоведения. В 1930 - 1931 гг. работал в педагогическом техникуме г. Астрахань. В 1931 г. Ц.-Д. Номинханов поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института языкознания по специальности «лингвист», а в 1932 г. был переведен в Московский институт востоковедения на монгольское отделение. По окончании аспирантуры Ц.-Д. Номинханов работал преподавателем монгольского языка в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (Москва), Московском институте востоковедения, Средне-Азиатском государственном университете (Ташкент) [2, с. 17].

В 1933 г. в Москве за службу в белой армии Ц.-Д. Номинханову было вынесено партийное взыскание участковой комиссией по чистке ВКП (б), а в апреле 1938 г. его арестовали по ложному обвинению и до 2 июля 1939 г. он находился в Ташкентской тюрьме. В 1940 - 1943 гг. Ц.-Д. Номинханов работал ученым секретарем в Узбекском филиале АН СССР (УзФАН). Здесь он написал кандидатскую диссертацию по теме: «Монгольские административно-политические и военные термины XIII - XV вв., сохранившиеся в узбекском языке» и 16 апреля 1943 г. успешно защитил ее в Институте востоковедения АН СССР [2, с. 26; 3].

В мае 1943 г. из Узбекского филиала АН Центральный комитет ВКП (б) командировал его в г. Элиста в помощь освобожденным районам в распоряжение Калмыцкого обкома ВКП (б), который назначил Номинханова ученым секретарем Калмыц-

кого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Астрахань). Однако уже в декабре 1943 г. вместе с другими калмыками-переселенцами он был сослан в Красноярский край.

Депортация калмыков – трагическая страница в истории калмыцкого народа. 27 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». В соответствии с постановлением СНК СССР от 28 декабря 1943 г. «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР», депортации подлежали 95000 калмыков, из них в Красноярский край – 25000 человек. Но фактически в край было выслано 21669 спецпереселенцев [4]. Из общего количества переселяемых в Красноярский край калмыков был предусмотрен так называемый «лимит» для Хакасской автономной области. Депортированные калмыки стали пребывать в регион с начала 1944 г. В районы автономной области был переселен 4391 человек [5].

Многие переселенцы работали в школах Сибири. На Алтае преподавал историю опытный педагог Д.Л. Педеров, инспектором Красноярского крайОНО длительное время работал Б.Ш. Болдырев [3, с. 225]. С января 1943 г. Ц.-Д. Номинханов работал учителем в неполной средней школе № 13 в совхозе «Ужур» Красноярского края [2, с. 18].

В связи с открытием ХакНИИЯЛИ, отдел культуры и пропаганды Хакасского обкома ВКП (б) пригласил Ц.-Д. Номинханова в институт, официальное открытие которого состоялось 1 октября 1944 г. Заявление в обком ВКП (б) от Ц.-Д. Номинханова датируется 9 сентября 1944 г. В нем он указывает, что на его иждивении находились жена Анастасия Санжиевна (род. 1900 г.), сын Денислав 1926 г.р., дочь Лидия 1937 г.р., а также просил обком ВКП (б) о содействии в получении пропуска на переезд с семьей в г. Абакан [2, с. 13].

Приказом № 1 по ХакНИИЯЛИ от 1 октября 1944 г. директор института Н.Г. Доможаков назначил кандидата филологических наук Ц.-Д. Номинханова ученым секретарем НИИЯЛИ с окладом 800 руб. и одновременно старшим научным сотрудником сектора языка с окладом 1400 рублей [2, с. 12]. 12 октября 1944 г. его кандидатура была утверждена Исполкомом Хакасского областного Совета депутатов трудящихся [6].

В институте Ц.-Д. Номинханов занимался проблемами хакасского языка. В рукопис-

ном фонде ХакНИИЯЛИ хранятся его неизданные рукописные работы, которые ждут своих исследователей. Это рукописи словарей в соавторстве с Д.Ф. Патачаковой «Хакасско-русский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (часть 1)». Им подготовлены: фундаментальная работа «Фонетика хакасского языка», «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа», «Лексика бельтырского диалекта хакасского языка» и др. [7].

Особо следует отметить экспедиционную работу Ц.-Д. Номинханова. По результатам экспедиций им написано ряд работ, в том числе «Лексические и фонетические особенности диалектов хакасского языка». Отчет по командировке в Усть-Абаканский и Ширинский районы с 10 по 20 августа 1945 г. наглядно показывает, как он работал с информаторами, которым давал задания. Например, 15-16 августа 1945 г. из с. Половинки Ц.-Д. Номинханов вместе с информатором А. Казанакным пешком отправился в с. Чебаки, где встретился с другими информаторами, составил им и А. Казанакну план работы. 17 августа он уже был в улусе Трошкина у Елены Коковой (отмечая при этом, что она провела большую работу по записи устного народного творчества) и наметил с ней дальнейшую работу [8]. После отчета об итогах командировки Номинханов привозит записи, полученные от своих информаторов [8, с. 2-10]. Его экспедиционная работа – положительный пример для молодых исследователей, образец умения работать с людьми. Следует отметить его знание хакасского языка, кроме того, официально он владел английским, немецким, монгольским, калмыцким, тибетским, рядом тюркских языков, знал бурятский язык [8, с. 16, 19, 20].

В ХакНИИЯЛИ Ц.-Д. Номинханов проработал более 4 лет с 1 октября 1944 г. по 1 марта 1949 г., в разных должностях, от ученого секретаря до заведующего сектором хакасского языка. Одновременно все эти годы он преподавал в Абаканском пединституте. В конце 1940-х годов по стране вновь прокатилась волна репрессий, которые, однако, не носили столь массовый характер, как в предвоенные годы. Так, по данным исследователя М.Г. Степанова, по политическим преступлениям за весь послевоенный период (1946 - 1953 гг.) в Хакасии было арестовано 122 человека, причем ни одного из них не приговорили к расстрелу [5, с. 90]. К сожалению, Номинханова эта волна репрессий не обошла

стороной, его обвинили в том, что он, «имея солидный стаж научной работы в области исследования актуальных вопросов хакасского языка, ничего не сделал. В имеющихся его работах (рукописях) имеют место серьезные ошибки» [2, с. 1].

В 1949 г. Ц.-Д. Номинханов был вынужден покинуть Хакасию. С 1949 по 1960 гг. он работал преподавателем Казахского университета им. С.М. Кирова. В 1960 г. Ц.-Д. Номинханов возвратился в Калмыкию, где работал в секторе языкознания Калмыцкого НИИЯЛИ. По результатам научных трудов 2 апреля 1966 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Ц.-Д. Номинханов являлся автором множества учебников по калмыцкому, монгольскому языкам, часть его трудов была посвящена устному народному творчеству монголов, калмыков, казахов, хакасов и др. народов. Ученые Хакасии помнят Ц.-Д. Номинханова, внесшего существенный вклад в становление ХакНИИЯЛИ и научное изучение хакасского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тугужекова В.Н., Дашкина Н.А. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Абакан, 2006. С. 3-9.
2. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Личное дело Номинханова Церена-Доржи. № 10. 28 с.
3. Артамонова Н.Я. Первые сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегодник института Саяно-Алтайской тюркологии. IV. Абакан, 2002. С. 225.
4. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия. Т. 3. Абакан, 2006. С. 270.
5. Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан, 2006. С. 85.
6. Филиал ЦГА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1042. Л. 1.
7. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 230, 242, 243, 244, 245, 247, 324, 576 и др.
8. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 243. С. 1.

ФОНД ЦЕРЕН-ДОРДЖИ НОМИНХАНОВА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ КИГИ РАН

А.Т. Баянова

Статья посвящена уникальному собранию книг, собранному профессором Ц.-Д. Номинхановым и переданному родственниками ученого в фонд научной библиотеки КИГИ РАН. Бесценная коллекция грамматик и словарей из личной библиотеки ученого является библиографической редкостью.

Ключевые слова: библиотека, раритет, литературные памятники, коллекция, книжный фонд.

The article contains information about the rare collection of the books from the personal library of professor Nominkhanov. His relations have given the books to the fund of the library of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. The invaluable collection of grammars and dictionaries from personal library is the bibliographical rarity.

Keywords: library, rarity, literary monuments, collection, book fund.

Каждая библиотека гордится своими книжными фондами, особенно, если она обладает редкими и ценными книгами. Мы гордимся и своим читателем, который с благодарностью относится к тому бесценному сокровищу, каковым является библиотека. Их, таких читателей, немало в нашей библиотеке.

В институте сложилась замечательная традиция: каждый сотрудник института старается дарить библиотеке книги. Они привозят их из различных мест. Большая коллекция ценных и уникальных изданий в последние годы привезена учеными из научных экспедиций в Западную Монголию.

В том, что научная библиотека института располагает достаточно полным собранием редкой литературы по вопросам истории Калмыкии, языкознания, литературы, этнографии, религии, есть большая заслуга и руководства, и сотрудников института. На сегодняшний день фонды библиотеки содержат более 50 тыс. экземпляров различных изданий, начало комплектования которому было положено литературой, предоставленной в дар библиотекой Академии наук СССР, РГБ и РНБ.

Гордость библиотеки составляют личные фонды профессоров Бориса Клементьевича Пашкова, Ивана Васильевича Сеницына, Ивана Кузнецовича Илишкина, Трофима Алексеевича Бертагаева, Алексея Васильевича Бурдукова, Церен-Дорджи Номинханова.

На протяжении многих лет своей жизни Ц.-Д. Номинханов собирал книги, которые составили основу его большой личной библиотеки. Мы осознавали, насколько ценны и уникальны книги в его библиотеке, поэтому в 1973 году дирекция института приложила усилия к

тому, чтобы эта коллекция книг была передана в фонд научной библиотеки. 590 экземпляров книг содержатся в каталоге фонда Номинханова.

Любая частная коллекция, а особенно коллекция книг, дает яркое представление о человеке, его интересах, его читательских предпочтениях. Диапазон научно-исследовательских интересов профессора Номинханова был весьма широк. Неудивительно, что и библиотека, собранная им, отвечала его высоким требованиям ученого – лингвиста, историка, этнографа.

Особым увлечением профессора Номинханова было коллекционирование словарей. Следует отметить, что фонд словарей, находящийся в нашей библиотеке, большей частью сформирован на основе библиотеки Номинханова. В числе редких и уникальных книг – «Калмыцко-русский словарь» А.М. Позднеева, изданный в Санкт-Петербурге в 1911 году. В его коллекции представлены словари монгольского, казахского, хакасского, алтайского и бурятского языков. В фондах библиотеки имеются трехтомный «Монголо-русский словарь» Голстунского, изданный в 1893-1895 гг., «Русско-монгольский словарь» Манжигеева 1934 года издания, «Русско-калмыцкий словарь и разговоры с приложением» Б. Майорова (Элиста, 1930), а также маньчжуро-тибетско-монголо-уйгуро-китайский словарь, изданный во Внутренней Монголии. Все двуязычные словари, изданные с 1930 по 1960 гг., которые печатались малым тиражом и составляют сейчас большую редкость, тоже взяты из библиотеки Номинханова.

Эти бесценные словари благодаря профес-

сору Номинханову находятся в фондах нашей библиотеки, и ими пользуются все лингвисты не только нашей республики. Научная библиотека института – единственная библиотека в регионе, где только здесь вы сможете найти редкие и уникальные словари.

Коллекция грамматик, находящихся в фонде библиотеки, пополнилась весьма редкими изданиями из фонда Номинханова, такими, как «Краткая грамматика монгольского книжного языка» Ковалевского (Казань, 1837), «Грамматика калмыцкого языка» Г.Д. Санжеева (М.-Л., 1940), «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия» Б.Я. Владимирцова (Л., 1929), «Грамматика бурят-монгольского языка» Н. Н. Поппе (М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938).

Библиотека Номинханова помогла пополнить фонд литературы по калмыковедению. В результате этого библиотека имеет поистине уникальные издания по истории калмыцкого народа, ценность которых для историков-калмыковедов неоспорима. Среди них следует отметить «Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи и Астраханской губернии» (Астрахань: Паровая губернская типография, 1910) с приложением таблиц, составленных по данным похозяйственных опросных листов, заполненных в 1909 году при покибиточном объезде степи, а также «Прикаспийские степи» Л. Добрынина (М., 1906), где содержатся сведения о калмыках. Эти книги в настоящее время также являются библиографической редкостью, но так необходимы каждому исследователю-ученому, занимающемуся вопросами истории, экономики, быта и культуры калмыцкого народа.

Церен-Дорджи Номинхановым была собрана достаточно полная библиотека трудов Н. Н. Поппе. Это «Монгольский словарь Мукаддима ал-адаб» (М.Л., 1938), «Золотоордынская рукопись на бересте» (М.-Л., 1941), «Практический учебник монгольского разговорного языка. Халхасское наречие» (Л., 1931) и др.

Бесценным было и приобретение трудов Григория Николаевича Потанина. В 1876

году он по заданию Императорского Русского географического общества отправился в экспедицию в Северо-Западную Монголию, где в течение двух лет его группа собирала физико-географические данные по этому региону. Итогом этой большой работы стало издание его труда «Очерки Северо-Западной Монголии» в 4 томах. В этом издании приводятся сведения о монголах, ойратах и других народах, которые являются неоценимым источником для исследователей. Для нас, работников библиотеки, это казалось несбыточной мечтой - приобрести бесценный труд Потанина, изданный в 1883 году. Но благодаря Ц.-Д. Номинханову мы имеем в своем книгохранилище столь дорогую и уникальную книгу.

На протяжении многих лет институт ведет поиск изданий национального литературного памятника «Джангар». Наша коллекция насчитывает более десятков изданий эпоса на разных языках, в том числе преподнесенных в дар КИГИ РАН. В библиотеке Номинханова имеются 10 песен эпоса, записанных у известного джангарчи Ээлян Овла и изданных в 1910 году в Санкт-Петербурге В. Котвичем, юбилейное издание эпоса «Джангар» 1940 года на русском и калмыцком языках.

Среди редких изданий, находящихся в фонде Номинханова, следует назвать и такие, как «Санскритская антология. Изречения, отрывки, эпические сказки, басни...», изданная в Казани в 1846 году; Сарат Чандра Дас «Путешествие в Тибет» (СПб., 1904) с введением Вл. Котвича, где есть сведения о База-бакши; «Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов», собранные и изданные А. Позднеевым в Санкт-Петербурге в 1880 году; «Лекции по грамматике монгольского письменного языка» Руднева А.Д. (1905).

Таким образом, Церен-Дорджи Номинханов не только внес большой вклад в развитие науки и культуры калмыцкого народа, оставил большое научное наследие, но и способствовал тому, чтобы редкие, бесценные и уникальные книги стали достоянием научной общественности республики, служили во благо народа.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 63.4 (2Рос=Калм)

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ

Д.А. Буваев

Статья посвящена освещению первых результатов проекта исследования памятников истории и культуры с помощью исследований космических снимков.

Ключевые слова: географическая информационная система, космические снимки, инвентаризация исторических и культурных памятников.

The article is devoted to the first results of the project of research of monuments of history and culture by means of geographical information system

Keywords: *geographical information system, space pictures, inventory of historical and cultural monuments.*

Раздел науки «космическое природопользование» возник в середине XX века в связи с началом космической эры. Идея использовать искусственные спутники в изучении Земли изначально закладывалась в проектировании и строительстве искусственных спутников Земли (далее ИСЗ). Однако широкое применение космических аппаратов для фотографической съемки поверхности несколько сдерживал невысокий уровень космической техники той эпохи. К тому же, все самые передовые достижения и результаты в данной области контролировались военным ведомством и были недоступны для широкой научной деятельности. В 70-х годах ситуация несколько изменилась благодаря вводу в эксплуатацию орбитальных станций и обширным программам по исследованию природных ресурсов Советского Союза.

В 90-х годах XX в. применение материалов дистанционного зондирования в народном хозяйстве вышло на качественно новый уровень, благодаря двум основным факторам: во-первых, с появлением нового поколения спутниковых цифровых систем сканирования, что позволило получать данные с более высоким пространственным разрешением; во-вторых, с появлением программных комплексов нового поколения - географических информационных систем (ГИС). В отличие от бортовых систем (орбитальные станции), спутниковое дистанционное зондирование значительно расширяет площадь земной поверхности, которая может представлять информацию для изучения в любом аспекте.

Географическая информационная си-

стема (ГИС) - это компьютерные системы для сбора, проверки, интеграции и анализа информации, относящейся к земной поверхности. Структурно ГИС имеет четыре основные подсистемы:

1. сбора данных - обеспечивает сбор и предварительную обработку данных из различных источников;
2. хранения и выборки данных - организует пространственные данные с целью их выборки, редактирования и обновления;
3. анализа данных - выполняет группировку и разделение данных, устанавливает параметры и ограничения при их отборе, занимается моделированием;
4. вывода - отображение базы данных или их выборки в табличной, диаграммной или картографической форме [1].

Основой ГИС является подсистема анализа данных. Наиболее полную и объективную информацию по исследуемой территории дают аэро- и космоснимки. Следует отметить, что все программные комплексы ГИС (отечественные и зарубежные) ориентированы, прежде всего, на работу с материалами дистанционного зондирования Земли (рис. 1).

Таким образом, применение ГИС-технологий в сочетании с материалами дистанционного зондирования (ГИС+ДЗЗ) выводят исследователя на совершенно новый уровень информативности и являются мощным инструментом в решении различных прикладных задач.

Основные направления работ с применением материалов дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) приведены в таблице 1.

Таблица 1

Разведка и охрана недр	Поиск перспективных районов для разведки полезных ископаемых
Мониторинг ЧС	Наблюдение за природными и техногенными объектами, оперативное принятие решений по предупреждению ЧС
Гражданское и промышленное строительство	Размещение новых населенных пунктов, контроль развития существующих населенных пунктов, комплексная оценка территории по природным условиям
Транспорт	Трассирование дорог, трубопроводов, контроль состояния линейных объектов
Лесное хозяйство	Картографирование лесов, прогноз и оценка последствий пожаров
Метеорология	Прогноз погоды
Землепользование	Инвентаризация и картирование земельных ресурсов
Водное хозяйство	Картографирование водных объектов, наблюдение за изменением береговой линии,
Здравоохранение	Районирование территорий по экологическим условиям, оценка гигиенических условий района
Историко-культурное наследие	Выявление и охрана памятников природного и историко-культурного наследия
Фундаментальные исследования	Теоретические разработки новых методов изучения Земли. Уточнение современных представлений планетарно-космического строения

Рис. 1. Космический снимок южной части Калмыкии, обработанный с помощью ГИС-технологий.

В настоящее время в научных публикациях наблюдается некоторая обособленность различных отраслей науки друг от друга. Узкая специализация в какой-либо области знаний дает возможность исследователю наиболее профессионально решать конкретные задачи. Но она же мешает глубже заглянуть в развитие процесса и влияет на оценку деятельности. Конечно, ученые стараются использовать данные смежных наук в своих изысканиях, но зачастую ограничиваются одним разделом, общим описанием и не дают комплексной оценки проблемы, делая свой труд малоинформативным и узконаправленным. Смысл и терминологию статей понимают, зачастую, только специалисты в данной области. Сложился своеобразный стереотип: существуют науки «экологические», науки «гуманитарные». Традиционно космическое природопользование вставляют в различные экологические программы исследований, хотя они содержат более разнообразные направления.

Предлагаемый проект комплексной программы НИР предусматривает совместные разработки в области гуманитарных и экологических исследований, что позволит резко повысить уровень информативности и новизны материала, сделать его одинаково доступным для академического и научно-популярного читателя.

Основной целью проекта является реконструкция исторической среды обитания древнего населения северо-западного Прикаспия по литературным и архивным данным в комплексе материалами дистанционного зондирования Земли.

Основные задачи проекта:

- Произвести комплексную оценку совре-

менного экологического состояния исследуемой территории с применением материалов ДЗЗ;

- Выполнить палеогеографическую реконструкцию территории по материалам ДЗЗ в совокупности с фондовыми и архивными данными;
- Объединить результаты палеогеографической реконструкции с данными гуманитарных разделов: исторического, этнографического, археологического и т.д.

Наиболее перспективным видом работ можно считать палеогеографическую реконструкцию исторических событий. Эта тема практически не разработана ввиду неготовности специалистов к совместной работе. Поскольку любой вид деятельности человека можно рассматривать в историческом аспекте, ученые-гуманитарии имеют возможность расширить свои изыскания. Палеогеографическая реконструкция может охватывать любой период времени: и сто лет назад, и тысячу, и более. Основой для реконструкции служат космические снимки высокого и среднего разрешения. На сегодняшний день приобрести качественные снимки высокого разрешения за относительно невысокую цену не представляет затруднений. Вся возможная информация (палеорула рек, уровни моря, ландшафты, пути сообщения, поселения, памятники, гидрологическая сеть и т.п.) выявляется с космоснимка. На данном этапе огромную роль играют исторические карты и описания рассматриваемой эпохи – если они имеются. Датировка памятников уточняются с участием геологов, почвоведов, физиков и других специалистов [2]. На выходе получается тематический сборник с обязательным картографическим материалом по исследуемому периоду времени.

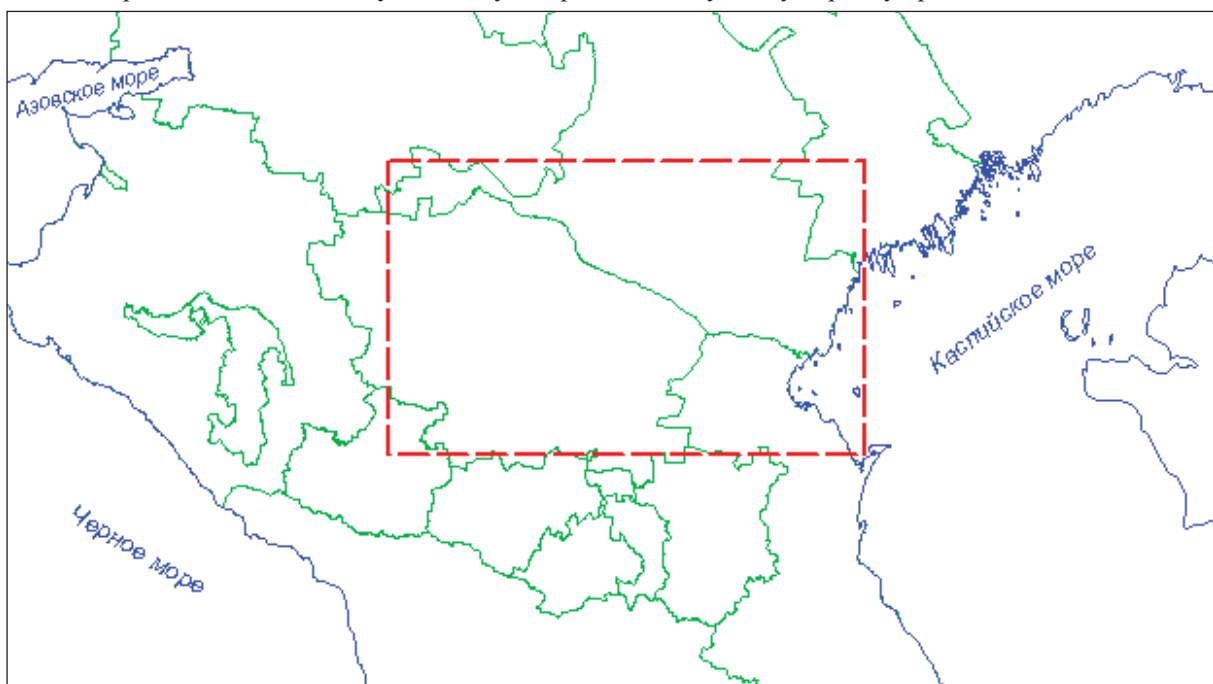

Рис. 2. Участок опытных работ палеогеографической реконструкции

Надо отметить, что роль карты постоянно недооценивается. Во многих исторических трудах можно встретить или схематичное изображение от руки, или, что еще хуже, исторический материал помещен на карту современного природного состояния. Например, все учебные карты по Средневековью юга России совершенно не учитывают ни колебания уровня Каспия, ни направления течения рек того времени – а они за полтора тысячелетия менялись неоднократно [3]. Эти карты – своеобразный образец дезинформации. По ним у молодых людей формируется неправильное мнение, закрепляемое на всю жизнь.

Комплексная программа палеогеографической реконструкции позволит избежать подобных ошибок. На рис. 2 выделен участок опытных работ по предлагаемой палеогеографической реконструкции.

Кумо-Маньчская впадина – граничная зона Русской платформы и Предкавказско-Скифской литосферных плит – регион с уникальными геологическими и природно-климатическими данными [4]. Участок является ключевым местом проблемных вопросов мировой истории:

- Возникновение ямной и катакомбной археологической культур, III – II тыс. до н.э., как носителей нового вида хозяйственной деятельности – пастушеского хозяйства [5].

- «Великое переселение народов» I тыс. н.э. – проблема генезиса народов, путей перемещения;

- «Великий шелковый путь» - с античности до XV в. н.э. В данном случае торговые маршруты и тяготеющие к ним зоны влияния являются основным объектом исследований. При сопоставлении исторического материала с космическими снимками предоставляется возможность уточнить или пересмотреть некоторые проблемные исторические вопросы.

- Эпоха Средневековья – Хазарский и Русский каганаты, «Ордынский» период - границы государственных образований, столицы, торговые и военные пути сообщения.

- Новое время – с XVII по XIX века – наиболее документированный период. Время проживания на этой территории калмыков. Может стать эталонным в изучении предыдущих эпох, т.к. основные формы хозяйствования и пути сообщения до середины XIX века практически не менялись с древности.

С помощью ГИС-технологий и космических снимков высокого разрешения стало возможно произвести объективную инвентаризацию и постановку на учет исторических и культурных памятников, расположенных на территории Калмыкии. Предпринятые попытки в 80-х годах XX в. подсчитать хотя бы приблизительное количество курганов по данным ДЗЗ [6] не были доведены до конца, и данная проблема остается актуальной в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Де Мерс М. Н. Географические информационные системы. М. 1999.

2. Гольева А.А. Взаимодействие человека и природы в Северо-Западном Прикаспии в эпоху бронзы // Труды ГИМ, в. 120 «Сезонно-экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке» М., 2000. С. 10-27.

3. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987. С. 240.

4. Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 97 – «Степь и Кавказ (Культурные традиции)». М., 1997. С. 30-42.

5. Шишлина Н.И., Булатов В.Э. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 120 – «Сезонно-экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке». М., 2000. С. 43-54.

6. Цуцкин Е.В. Археологические исследования Калмыкии // Элиста, 1987. С. 45-51.

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЗЕМНЫХ ЭКОСИСТЕМ КУМО-МАНЫЧСКОЙ ВПАДИНЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЭРОКОСМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Н.М. Богун

В статье рассматриваются проблемы, связанные с распознаванием наземных экосистем по космическим снимкам, в условиях аридного климата Калмыкии.

Ключевые слова: комплексные экспедиции, аэрокосмические снимки, растительность.

The article is devoted to the problems connected with recognition of space pictures in conditions of the droughty climate of Kalmykia.

Keywords: complex expeditions, space pictures, vegetation.

В полевой период 2006 года нами проводились экспедиционные обследования в Ики-Бурульском и Черноземельском районах Республики Калмыкия. В Ики-Бурульском районе в районе Чограйского водохранилища было заложено 4 ключевых участка. На ключевых участках производилось описание растительности, почв, брались образцы почв на химический анализ, брались пробы воды из Чограйского водохранилища. Чограйское водохранилище расположено на границе Республики Калмыкия и Ставропольского края в долине реки Восточный Маныч в районе Кумо-Манычской впадины.

Кумо-Манычская впадина – главная геолого-географическая структура юга Европейской части России. В середине третичного периода Кумо-Манычская впадина неоднократно заливалась морскими водами, образуя пролив, соединяющий Каспийское и Черное море. Во время регрессий, когда впадина освобождалась от воды, в ней сформировались 2 речные долины – Западного и Восточного Маныча. В последний раз впадина была затоплена во время нижнехвалынской трансгрессии. Обе долины Маныча имеют пойменную и 3 надпойменные террасы. Пойменная терраса Западного Маныча заполнена в настоящее время водами озера Маныч-Гудило, а в пойме Восточного Маныча находится Чограйское водохранилище. Из надпойменных террас на протяжении обеих долин ясно выражена только вторая. Она представляет собой волнистую равнину, где невысокие пологие гряды чередуются с такими же понижениями. Первая и третья террасы в значительной степени разрушены. Восточная часть долины Маныча относится к пустынной степи [1].

Полевые исследования района Кумо-Манычской впадины проводятся группой экологов начиная с 2004 года в Приютненском, Яшалтинском и Ики-Бурульском районах Республики Калмыкия на ключевых участках. В ходе комплексных экспедиций специалистами исследовательской группы проводились почвенные и геоботанические исследования, брались анали-

зы почвы и воды на химический состав.

Описаны преобладающие в данной зоне растительные ассоциации с определением ключевого участка по GPS, чтобы в дальнейшем была возможность работать на геокоординированных, привязанных к координатам космоснимка с точностью привязки до 1-1,5 м, т.к. для идентификации общей структуры растительности можно использовать космоснимки космического аппарата «Метеор-3М».

Распознавание растительности по космическим снимкам аридного климата Калмыкии представляет определенные трудности. Это связано с изменением структуры растительных ассоциаций по сезонам вегетационного периода. Одна и та же территория в разные сезоны выглядит по-разному из космоса, что связано со сменой аспектов. Например, однолетниково-белопопынная ассоциация весной зачастую выглядит белопопынно-однолетниковой, вследствие преобладания эфемеров; летом белопопынной, так как однолетники заканчивают период вегетации и усыхают. В настоящее время в связи с трудностями получения космоснимков основной задачей является сбор полевого материала на ключевых участках в разные периоды года. Идет накопление фактического материала по составу растительности, урожайности в различные сезоны вегетационных периодов с целью достоверной идентификации растительных ассоциаций по космоснимкам. Это позволит в дальнейшем собрать достаточное количество научных данных для дешифрирования растительности по космическим снимкам.

Смена растительных ассоциаций в настоящее время из-за уменьшения антропогенного воздействия происходит за период в несколько лет.

В качестве примера можно привести обследование состояния растительности экотонной зоны Чограйского водохранилища. Чограйское водохранилище введено в эксплуатацию в 1970 году, его площадь 16.5 тыс. га, объем 720 млн. м³, оно предназначено для аккумуляции воды с целью подачи воды в Черноземельскую ороситель-

ную систему для обводнения 113 тыс. га пастбищ, питьевого водоснабжения 6 сельских районов и г. Элиста, а также рыборазведения. Водохранилище наполняется частично местным стоком с водозаборной площади Восточного Маныча, а также водой Терека и Кумы, подаваемой по Терско-Манычскому водному тракту.

За 20-летний период эксплуатации водохранилища качество воды в нем ухудшилось за счет неблагоприятного гидрологического режима, при котором устойчиво растет минерализация воды. В настоящее время, в конце сезона содержание солей возрастает до 2-2,5 г/л [2].

Состояние пастбищных экосистем определялось нами в мае 2006 года в ходе экспедиционных выездов вдоль побережья Чограйского водохранилища в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия путем закладки ключевых участков на разных типах почв, на различном удалении от берега (рис. 1).

Точка № 1 расположена в 100-150 м от края плотины Чограйского водохранилища, на северном склоне. Координаты участка: 45° 31,120' с.ш.; 44°40,022' в.д. Растительность комплексная: 80% мятликово-белопопынная и 20% разнотравно-попынная на светло-каштановых солонцеватых почвах. При общем проективном покрытии 35% и средней высоте 15 см попынь белая в травостое занимает 20%, мятлик луковичный 10%, мортук пшеничный 2%, клоповник пронзеннолистный 1%, люцерна малая 2%. В разнотравно-попынной ассоциации общее проективное покрытие 60%, средняя высота 15-20 см. В травостое встречается попынь австрийская 25%, попынь белая 10%, мятлик луковичный 3%, типчак единично, клевер пашенный 2%, ромашник тысячелистниковый 8%, осочка ранняя 7%, тысячелистник мелкоцветковый 3%.

В различные сезоны года флористический состав данных сообществ меняется: весной преобладают эфемеры и эфемероиды, осенью – полукустарнички. Наличие эфемерово-полукустарничкового видового состава позволяет использовать эти пастбища в весенне-осенне-зимний период, урожайность составляет 2,8 -3,4 ц/га сухой поедаемой массы. В 100 кг сухого корма содержится 42 к.ед и 4,1 кг переваримого протеина [3], качество корма среднее. Весной основным кормом служат эфемеры и эфемероиды, которые в это время вегетируют, плодоносят и дают наибольшую биомассу. В осенне-зимний период основным кормом является попынь, она хорошо сохраняется на зиму и при незначительном снежном покрове возможен выпас на попынниках. Существенной добавкой к осеннему корму служит эфемероид мятлик луковичный, у которого при наличии достаточного количества влаги в осенний период происходит вторичная вегетация. Его зеленые побеги являются отличным нажировочным кормом.

Точка №2 расположена на пологом берегу водохранилища, в 6 км от поселка Маныч. Координаты участка: 45 32 406 с.ш.; 44 30 761 в.д. Ассоциация однолетниково-белопопынная и 5% от контура занимает осочковая ассоциация. Почвы светло-каштановые и солонцы. Общее проективное покрытие 45%, средняя высота 15см. Попынь белая занимает 25%, мятлик луковичный и костер кровельный по 5%, мортук пшеничный 3-4%, острец 3%, клоповник мусорный 2-3%, пастушья сумка 1-2%, аистник единично.

Точка №3 расположена на каштановых почвах в 1 км от берега водохранилища в пониженных местах при достаточном увлажнении. В пырейной ассоциации проективное покрытие 80%, средняя высота 60-70 см пырей ползучий занимает 75%, осока ранняя – 4-5% и лапчатка прямостоячая – 1%. Эти пастбища рекомендуется использовать в весенне-летний период с урожайностью до 4 ц/га, в 100 кг сухого корма содержится 51 к.ед. и 6,1 кг переваримого протеина.

Точка № 4 расположена на обрывистом берегу Чограйского водохранилища в 2 км к западу от бывшего пионерского лагеря «Тюльпан». Координаты участка: 43°34, 717' с.ш.; 44°18,707' в.д. Растительность комплексная: 90% от площади контура занимают злаково-разнотравная и 10% белопопынно-злаковая ассоциации на каштановых почвах. В злаково-разнотравной ассоциации при общем проективном покрытии 70% и средней высоте 25 см типчак занимает 10%, костер кровельный – 5%, костер японский – 5%, мятлик луковичный – 10%, житняк гребневидный – 1%, клевер пашенный – 25%, люцерна малая – 5%, попынь белая – 5%, лапчатка прямостоячая – 1%, тысячелистник – 1%, чертополох – 1%, звездчатка – 1%, осочка ранняя – 7%. В белопопынно-злаковой ассоциации при общем проективном покрытии 45% и средней высоте 15 см типчак и мятлик занимают по 10%, клевер пашенный – 5%, тюльпан Шренка – 1%, костер японский – 5%, попынь белая – 15%.

Разработка методов осуществления аэрокосмического мониторинга кормовых угодий Калмыкии должна способствовать рациональному использованию природных ресурсов и развитию экономики Калмыкии, она имеет важное значение для дальнейшего развития теории и методов изучения природных ресурсов с использованием материалов дистанционного зондирования Земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакинова Т.И., Лачко О.А., Емельяненко Т.Г. Кормовые угодья Республики Калмыкия. Элиста, 1996. 117 с.
2. Бананова В.А., Горбачев Б.Н. Естественные кормовые угодья Калмыцкой АССР и их рациональное использование. Элиста, 1990. 126 с.
3. Доклад о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 2000 году. Элиста, 2001. 102 с.

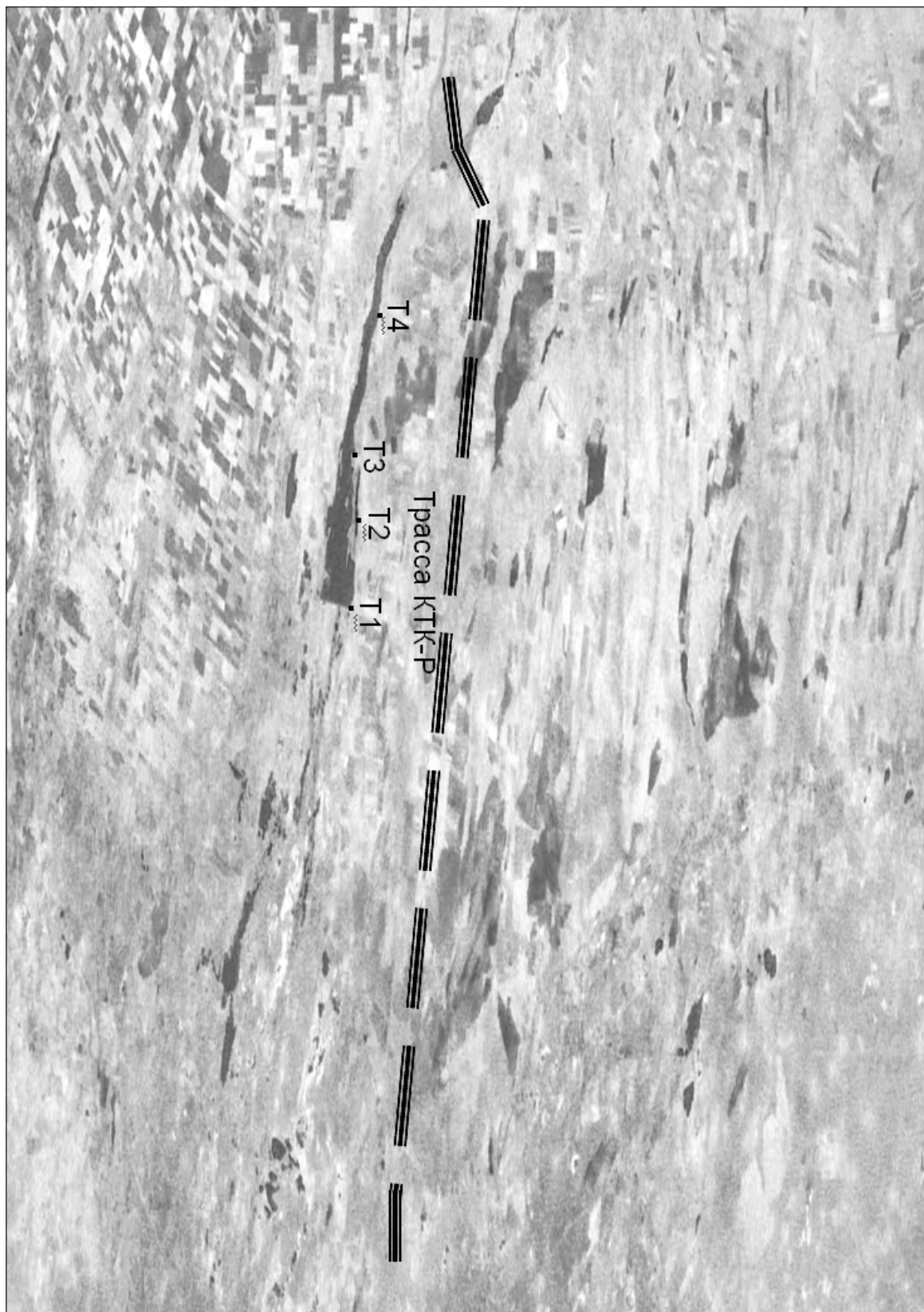

Рис. 1. Расположение ключевых участков в экотонной зоне Чотрайского водохранилища

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАБОТА УЧЕНОГО СОВЕТА

В первой половине 2008 года проведено 9 заседаний Ученого совета КИГИ РАН, на которых рассматривались значимые фундаментальные научные проблемы, вопросы планирования научной работы, заслушивались отчеты о выполнении НИР сотрудников Института, утверждались к печати труды КИГИ РАН, рассматривались вопросы финансово-хозяйственной деятельности, а также обсуждались вопросы, связанные с совершенствованием структуры Института, подготовкой и проведением научных конференций, в т.ч. «В.Хлебников и калмыки в третьем тысячелетии», II-е Илишкинские чтения и др.

Значительное место в работе Ученого совета уделялось вопросам, связанным с подготовкой к изданию фундаментальных обобщающих трудов: «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», «Свод калмыцкого фольклора», «Академическая грамматика калмыцкого языка», «Калмыцко-русский словарь» и др.

Так, на расширенном заседании Ученого совета КИГИ РАН от 30 июня 2008 года был заслушан доклад руководителя авторского коллектива, заведующего отделом истории и археологии КИГИ РАН, доктора исторических наук, профессора К.Н. Максимова о ходе подготовки к изданию «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней». Ответственный редактор первого тома, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии КИГИ РАН, кандидат исторических наук, доцент В.П. Санчилов проинформировал об обсуждении I-го тома «Истории...» в Центре истории народов России

и межэтнических отношений Института российской истории РАН. Он отметил, что представленная работа получила высокую оценку ученых ИРИ РАН. Руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН, доктор исторических наук Трепавлов В.В. в официальной рецензии особо подчеркнул, что «подготовленная работа находится в одном ряду с академическими сводами истории российских республик и народов, опубликованных и подготовляемых в различных регионах в 2000-х гг.», она «отличается фундаментальностью» и «особую ценность имеют цитируемые документы на монгольском и китайском языках». «Вместе с тем, учеными ИРИ РАН были высказаны некоторые замечания и пожелания, которые требуют дополнительного обсуждения и решения. В частности, – отмечает В.П. Санчилов, – ставится под сомнение употребление термина «феодальный» при характеристике различных аспектов социальной и политической жизни кочевников и ряд других принципиальных вопросов». В целом, по общему мнению ученых ИРИ РАН, представленная рукопись I-го тома «Истории...» имеет «высокий научный уровень» и ее публикация «безусловно необходима».

В соответствии с Положением о порядке проведения конкурса на замещение должностей научных работников организаций, подведомственных Российской академии наук, Ученый совет КИГИ РАН выполнял функции конкурсной комиссии при проведении конкурса на замещение научных должностей в подразделениях Института.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В первом полугодии 2008 года учеными Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН было проведено 5 групповых и индивидуальных научно-поисковых экспедиций при финансовой поддержке РГНФ, Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и Отделения ОИФН РАН: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Основной целью экспедиций являлись выявление, сбор и изучение полевого лингвистического, фольклорно-этнографического, археологического материала, а также изучение экологической ситуации в республике, традиционной культуры и природопользования.

В рамках проекта «Этнокультурная адаптация калмыков среди народов Поволжья и Северного Кавказа» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» сотрудники сектора этнологии кандидат исторических наук В.В. Батыров, нс Б.А. Шантаев, мнс Т.И. Шараева, нс Н.В. Балинова провели полевые исследования в Целинном, Малодербетовском, Юстинском, Яшкульском районах Республики Калмыкия. В ходе полевой работы выявлены и перенесены на цифровые носители материалы по этногенезу и структуре калмыцких родов, семейной об-

рядности, материальной и духовной культуре калмыков.

В рамках фольклорной экспедиции, посвященной 100-летию со дня записи героического эпоса калмыков «Джангар» (грант РГНФ № 08-04-18002 е, рук. Басангова Т.Г.), сотрудниками отдела литературы, фольклора и джангароведения совершены выезды в Кетченеровский, Малодербетовский и Октябрьский районы республики. Были обследованы населенные пункты: с. Кетченеры, пос. Ергенинский, пос. Кегульта, пос. Шин-Мер, пос. Шатта, пос. Эвдык, пос. Цаган-нур, пос. Тугтун, пос. Красносельский, с. Малые Дербеты. Работа экспедиции строилась на поиске и опросе знатоков фольклора, фиксации собранных материалов на цифровые носители. Главная цель экспедиции заключалась в том, чтобы изучить и проследить фольклорную традицию калмыков через 100 лет. Был собран значительный аудио- и видеоматериал по калмыцкому фольклору, обрядовой поэзии, эпосу «Джангар», традиционной культуре, обычаям и традициям калмыков.

Сотрудниками Центра этносоциальных исследований в рамках проекта «Республика

Калмыкия в условиях трансформации российского общества» Программы Президиума РАН был проведен социологический опрос с целью изучения поведения населения Республики Калмыкия в условиях перехода к рыночным отношениям. В опросе приняло участие 705 человек, проживающие в г. Элиста и 7 районах республики (Лаганский, Ики-Бурульский, Приютненский, Октябрьский, Кетченеровский, Яшкульский, Юстинский).

В феврале 2008 года ученые Центра совместно с Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был проведен социальный опрос по теме «Изучение социально-экономической и политической ситуации в регионе» (выборка – 100 респондентов).

Сотрудники исследовательской группы по экологии Центра этносоциальных исследований КИГИ РАН в отчетный период совершили 3 экспедиционных выезда (по побережью оз. Маныч-Гудило, Манычский стационар, район Чограйского водохранилища, оз. Лысый Лиман), где проводились рекогносцировочные работы, комплексные исследования ключевых участков, приближенных к экотонной зоне.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международная деятельность Института осуществлялась в форме проведения совместных с зарубежными коллегами исследовательских проектов, а также участием научных сотрудников КИГИ РАН в работе зарубежных научных конференций.

В первом полугодии 2008 года проводилась предварительная работа по подготовке международной научной экспедиции в Монголию «Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западномонгольские локальные традиции» (грант РГНФ № 08-04-923-72 е/Г, рук. Очирова Н.Г.), которая состояла в изучении специальной литературы по проблемам современного состояния кочевой культуры скотоводов Монголии и составлении специальных

вопросников по исследуемым аспектам этнографии и лингвистики ойратов. Кроме того, велась подготовка к проведению заключительного этапа Международной археологической экспедиции «Степь как жизненное пространство в преистории» совместно с Евразийским Отделением Германского Археологического Института (рук. к.и.н. Очир-Горяева М.А.).

15-17 мая 2008 г. заместитель директора Института, доктор исторических наук Э.П. Бакаева и заведующий отделом письменных памятников и буддологии, доктор философских наук Б.А. Бичеев приняли участие в работе Международной научно-практической конференции «Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии», которая проходила в г. Семипалатинск Республики Казахстан.

НАГРАДЫ

За добросовестный труд, вклад в развитие калмыцкой науки, активное участие в общественной жизни коллектива и в связи с празднованием Дня российской науки Почетной грамотой Министерства образования, культуры и науки Республики Калмыкия были награждены:

1. Бичеев Баазр Александрович, заведующий отделом письменных памятников и буддологии КИГИ РАН, доктор философских наук;

2. Горяева Баира Басанговна, заведующая отделом фольклора и джангароведения КИГИ РАН, кандидат филологических наук.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Бакаева Эльза Петровна**, доктор исторических наук, зам. директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
2. **Батырева Светлана Гарриевна**, кандидат искусствоведения, заведующая Музеем традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
3. **Баянова Александра Тагировна**, заведующая научной библиотекой Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
4. **Богун Наталья Михайловна**, научный сотрудник Южного научного центра РАН.
5. **Буваев Дмитрий Алексеевич**, научный сотрудник Южного научного центра РАН.
6. **Бурькин Алексей Алексеевич**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.
7. **Ван Мандуга**, доктор филологических наук, заместитель директора Института литературы нацменьшинств Центрального университета национальностей КНР.
8. **Кукеев Дорджи Геннадьевич**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
9. **Марзаева Марина Борисовна**, младший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук.
10. **Меняев Бадма Викторович**, младший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
11. **Монраев Михаил Убушаевич**, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
12. **Омакаева Элара Уляевна**, кандидат филологических наук, зав. отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
13. **Очирова Нина Гаряевна**, кандидат политических наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
14. **Санчиров Владимир Петрович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
15. **Сартикова Евгения Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
16. **Тепкеев Владимир Толтаевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
17. **Тугужекова Валентина Николаевна**, доктор исторических наук, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

AUTHORS DATA

1. **Bakaeva Elza**, Sc.D., Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
2. **Batyreva Svetlana**, Ph.D., head of Zaya-pandita's Museum of Kalmyk traditional culture of the Kalmyk Institute for Humanitarian studies of the Russian Academy of Sciences.
3. **Bayanova Alexandra**, chief of the library of the Sud Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.
4. **Bogun Natalia**, research worker of the Sud Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.
5. **Buvaev Dmitrij**, research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
6. **Burykin Alexei**, Sc.D., leading research worker of the Institute for linguistic studies of the Russian Academy of Sciences.
7. **Wang Man Te Ga**, Sc.D., Deputy Director of the Institute for minorities of the Central University of nationalities of China.
8. **Kukeev Dorji**, Ph.D., junior research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
9. **Marzaeva Marina**, junior research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences
10. **Menyaev Badma**, junior research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
11. **Monraev Mikhail**, Sc.D., senior research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
12. **Omakaeva Ellara**, Ph.D., Head of language Department of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
13. **Ochirova Nina**, Ph.D., Director of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
14. **Canchirov Vladimir**, Ph.D., leading research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
15. **Sartikova Evgeniya**, Ph.D., senior research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
16. **Tepkeev Vladimir**, Ph.D., research worker of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.
17. **Tuguzhekova Valentina**, Sc.D., Director of the Khakas research Institute for language, literature and history.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются результаты фундаментальных исследований в области гуманитарных наук.

Материалы принимаются в бумажном варианте (1 экз.) и в электронном (только на диске или по e-mail) в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала, на странице 28 строк, в строке 60 знаков, включая пробелы. При наборе использовать только стандартные гарнитуры шрифтов: Times New Roman Суг./ Times Halm Win. Электронный вариант статьи должен строго соответствовать бумажному. В электронном варианте допускается расстановка только ав томатических переносов. Страницы обязательно должны быть пронумерованы. После названия статьи обязательно указываются Ф.И.О. автора(ов). Распечатка статьи должна быть завизирована «живыми» подписями всех авторов. Электронный вариант должен состоять из трех файлов: статья, реферат, сведения. Названия файлов должны состоять только из фамилии автора и «статья, реферат, сведения». Например: Иванов-статья.doc, Иванов-сведения.doc, Иванов-реферат.doc. Если в статье несколько авторов, название файлам дается по первому автору.

Рисунки предоставляются на диске отдельными файлами (в форматах jpg (без сжатия), tiff) с распечаткой и перечнем подрисуночных подписей или в редакторе Word внутри текста статьи (только если рисунки сделаны в самом Word). Все обозначения на рисунках должны быть четкими и хорошо отличимыми друг от друга.

Все таблицы должны быть пронумерованы, привязаны к тексту и иметь названия. Принимаются только таблицы, созданные в редакторе Word.

Литература должна быть затекстовая. Вся литература обязательно должна быть привязана к тексту. Нумерация - по мере упоминания в тексте в квадратных скобках. Оформление интернет-источников производится в соответствии с ГОСТом. В литературе при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге. При ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка. Ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи. Статьи без списка литературы не принимаются.

К материалу прилагаются: реферат на русском и английском языках (с использованием рефератных оборотов - анализируется, показано, автор приходит к выводу и т.д. - и обязательным переводом на английский названия статьи); УДК, ББК; ключевые слова; сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); научная степень; научное звание; должность (с указанием полного названия кафедры и ВУЗа); телефоны (кафедры, домашний, сотовый) с указанием кода города; почтовый адрес (домашний и вуза) с указанием почтового индекса; e-mail, паспортные данные. Все сведения и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

Сведения предоставляются не в виде анкеты, а одним предложением:

Иванов Иван Иванович - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Южного федерального университета, адрес..., тел..., e-mail... На английском языке точно также.

Ключевые слова даются в 1 строчку - отдельная строка для русских, отдельная для английских.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: 358000, Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8

Учреждение Российской академии наук

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН.

Тел. (84722) 3-55-06, факс: 2-37-84 .

E-mail: kigiran@elista.ru

Адрес в Интернете: www.kigiran.com

**Вестник
Калмыцкого института гуманитарных
исследований РАН**

№2, 2008

Сдано в набор 11.11.2008. Подписано в печать 25.12.08. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12.4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН, Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8